

Annotation

Нет смысла подробно представлять нашему читателю Иоанну Хмелевскую: эта звезда польской литературы уже целое десятилетие будоражит души любителей хорошего иронического детектива. Её книги универсальны, так как рассчитаны на самые разные вкусы. И невзыскательный массовый читатель, и элитарная интеллигенция повышают свой жизненный тонус, следя за головокружительными и невообразимо комичными приключениями героев Хмелевской.

«Роман века» — одно из лучших произведений Хмелевской. События разворачиваются в Польше 70-х годов. Героиня романа, Иоанна, волею обстоятельств оказывается втянутой в крупную афёру по вывозу за границу предметов искусства и драгоценностей. Хитросплетения сюжета, его неожиданные повороты, не банальная любовная интрига заставляют следить за приключениями героини, буквально ползая на краешке стула.

Любители «крепких» детективов не найдут в романе привычных по другим образцам жанра нагромождений ужасов, впечатляющих кровавых сцен, жестокостей, навязчивой эротики. Зато книгу оценивать полюбят все, кому по душе захватывающие приключения, тонкий юмор и неунывающая яркая героиня.

Редкое явление — хорошая проза и хороший детектив.

-
- [Иоанна ХМЕЛЕВСКАЯ](#)
-

Иоанна ХМЕЛЕВСКАЯ

РОМАН ВЕКА

(Пани Иоанна — 5)

Все началось с того, что у меня развалилась машина. Я возвращалась из Гданьска в Варшаву и за Пасленком решила заехать в лес, пособирать цветочков. Собственно говоря, это были и не цветочки, а какие-то веточки, намеревающиеся что-то из себя выпустить. Была первая половина марта, уже несколько дней стояла чудесная погода, светило солнце и флора успела отреагировать.

Въезд в лес представлял собой нечто вроде пяточка, будто специально приспособленного для въезда, разворота и выезда, выглядел он сухо, заманчиво, невинно и я поддалась иллюзии. Пятачок оказался болотом, в котором машина забуксовала навечно.

Конечно, можно было остановить кого-нибудь на шоссе и вызвать помощь, но такое простое решение проблемы в голову не пришло. Из мыслей, которые в ней оказались, одна была особенно ценной, а именно — подождать лета, когда все высохнет и затвердеет, и тогда уже выехать. Оценив мысль, я, вместо того чтобы призадуматься, впала в дикую ярость, забросила под колёса половину лесной растительности и, наконец, выкарабкалась задом из этого болота с рёвом, достойным утопающей коровы. Машина была достаточно старой и заезженной, она не выдержала и в районе Млавы разлетелась на мелкие кусочки. Не внешне, естественно, а где-то там внутри, в двигателе.

В Варшаву я ехала на буксире, оставила машину в мастерской и стала пользоваться муниципальными средствами сообщения, в основном скорыми автобусами, полностью исключив такси — поездки автомобилем в качестве пассажира меня невыносимо раздражают.

Поздним вечером я возвращалась от знакомых из Старого Мяста. Я ещё не отвыкла от собственной машины, не обращала внимание на бег времени и не подумала о том, что автобусы в один прекрасный момент просто исчезают. Это открытие я совершила внезапно, и перепугалась так, будто мне угрожала, как минимум, вселенская катастрофа. Я на полуслове закончила визит и выбежала так быстро, что даже не успела бросить взгляд в зеркало и поправить причёску. На моей голове был парик, который, как я чувствовала, слегка перекосялся и образовал идиотскую чёлку, макияж

конечно размазался по всему лицу, но вероятность встретить человека, которому стоило понравиться, казалась ничтожной. На улицах было темно, мокро и пусто.

Выходя с Замковой площади в Краковское Предмесье, я увидела идущего навстречу человека, который, заметив меня, отреагировал очень странно. Он резко остановился, на лице его появилось выражение удивления, ошеломления и полного восторга, его ноги сделали два шага, после чего приросли к тротуару. Я не хочу сказать, что никогда в жизни нигде и ни в ком не вызывала восхищения, но, тем не менее, такое явное потрясение показалось мне излишним. Я попыталась вспомнить, не знакома ли с ним случайно, и решила, что должна выглядеть исключительно глупо, прошла мимо этого застывшего столба и удалилась в направлении автобусной остановки.

Застывший столб, наверное, снова превратился в человека и оторвался от тротуара, потому что, выходя из автобуса, я увидела его снова. Он ехал в том же автобусе, вышел через вторые двери и смотрел на меня с таким страшным напряжением, что перед его взглядом сгущался воздух. Когда я шла домой, он плёлся сзади, не отрывая взгляда от моей спины. Это немного беспокоило меня, я боялась, что он пойдёт за мной в подъезд, в арке обернулась и посмотрела на него таким взглядом, от которого ему следовало помереть на месте. Не умер он только от того, что под аркой было темно, и увидеть, что означает мой взгляд, было трудно.

Он как раз оказался под фонарём, и я смогла к нему при случае присмотреться. Он меня заинтриговал — довольно высокий, очень худой, черноволосый и темноглазый, с выступающим орлиным носом, в возрасте около сорока лет, одет хорошо, аккуратно и даже элегантно. На лице его читалось какое-то благородство, он вовсе не производил впечатления человека, способного на идиотские *coup de foudre* посреди улицы и на примитивное донжуанство. Его настойчивое внимание и восторженный взгляд были абсолютно непонятны. Вообще-то, выглядел он элегантно и симпатично, но мне не понравился — не выношу я орлиных носов.

На следующий день я сталкивалась с ним в универсаме и других местах. Он вился вокруг, как пёс возле мяса, и настойчиво пожирал меня взглядом. Я посмотрелась в витрину — действительно, у него не было никакого осмысленного повода сходить от меня с ума.

Но на следующий день имело место событие прямо противоположное. Я вышла из дома очень рано, в половине девятого, отправилась на остановку и села в скорый автобус "Б". Скорее всего, о чем-то я думала, хотя в такое время за это поручиться нельзя, в любом случае, окружающих

я не замечала. Только недалеко от площади Унии я увидела человека, сидящего напротив.

В автобусе было пусто, никто его не заслонял. Человек задумчиво всматривался в пространство. Он был светлым. Таким светлым, что я бы заметила его даже в густой толпе, что тут говорить о пустом автобусе!

Глаз машинально зарегистрировал увиденное. Автобус ехал. Человек задумался. Поскольку делать все равно было нечего, я смотрела на него. И наконец у меня появились мысли.

Я стала думать, кем он может быть. Не известно почему, сразу стало понятно, что по профессии он должен быть журналистом. Больше ничего не подходило. Потом я подумала, что у него должна быть или машина или необычайно красивая жена. Машины у него нет, потому что он едет автобусом, остаётся жена... Правда, я тоже еду автобусом, хоть у меня и есть машина, но у него должна быть более солидная машина, а если её нет, значит должна быть необычайно красивая жена. Я представила себе эту жену: она должна быть худой, черненькой, гладко расчёсанной в кок, одетой во что-то зеленое. Лучше всего в замшу. Потом мне показалось, что она его не любит или любит недостаточно, слишком мало и эгоистично, и вообще — она ему не подходит. Полная идиотка — такому парню!..

Потом, с внезапным сожалением, я уныло подумала о том, о чем должна была подумать с самого начала — мною он никогда не заинтересуется. Выглядит он как воплощение моей мечты — блондин того особенного типа, который преследует меня на протяжении всей жизни, у которого я не имею никаких шансов. На меня таращит свои дурацкие зеньки чёрный придурок, а этот разве посмотрит? Такому я ни к чему. Чудовище, черт меня подери...

Из автобуса я вышла в расстроенных чувствах, расправилась со всем неприятными делами, которые вытащили меня из дома на восходе солнца, сделала покупки в «Деликатесах» в Новом Мире и снова увидела этого настырного кретина с носом. Он поклонился мне — законченный идиот.

Следующие два дня я встречала его на каждом шагу, это все больше и больше выводило меня из себя. Как получается, что весь город заполнен одним человеком? Если бы не явление в скором автобусе "Б", я, быть может, не восприняла его так плохо, но в сложившейся ситуации, после сравнения, он вызывал во мне одну неприязнь. В Центральном Универмаге, одним только поклоном, он настолько вывел меня из себя, что я чуть было не вызвала революцию у прилавка с бюстгальтерами, проинформировав покупательниц, что такие вещи на глаз не покупают, потому что на глазах не носят, и меряют на фигуру, а не на свитеры и пальто. Из возникшего

скандала я выбралась с нормальным настроением, поскольку сама там ничего не покупала.

Чёрный псих с орлиным носом не отрывал от меня восхищённого взора. Он переждал переполох в бюстгальтерах, вытерпел косметику, чулки и бельё и у мужских подштанников наконец подошёл. Я сразу подумала, что место он выбрал самое романтическое.

— Прошу прощения, — несмело и смущённо произнёс он. — Вас, наверное, удивляет, что я уже несколько дней за вами наблюдаю. У меня есть для этого причины, и, если вы не против, я хотел бы их изложить.

Голос у него был милый и культурный, он и в самом деле производил приятное впечатление. Моя неприязнь к нему объяснялась исключительно блондином из автобуса.

— Не удивительно, — съехидничала я. — Я прекрасно знаю, что очень красива, потому вы от меня и глаз оторвать не можете.

— О, боже!.. Для меня вы действительно прекрасны, но не от того, что вы думаете, вообще дело не в этом!

— А в чем? — несколько удивлённо, но все ещё недоверчиво спросила я. Неблагожелательность исходила от меня, как жар от литейной печи.

Парень казался решительным. Он суетливо осмотрелся, окружение ему явно не нравилось, чему, принимая во внимание подштанники, удивляться трудно.

— Уйдём отсюда, — вдруг предложил он. — Я вас прошу, умоляю, согласитесь меня выслушать! Здесь рядом, на Сенкевича, есть небольшое кафе. Если желаете, за свой кофе можете заплатить сами, но уделите мне хоть пятнадцать минут! Умоляю!

Он говорил с пылом, но в голосе проскальзывали нотки отчаяния. Это настолько удивило меня, что я перестала сопротивляться. На моем месте, любая бы перестала. Кроме того, я все равно собиралась попить кофе, и, в конце-концов, чем это мне грозило?..

То, что я услышала, превзошло мои самые смелые предположения.

— Прежде всего, я должен объяснить ситуацию, — сказал он глядя на меня наполненным робкой надеждой взором, механически болтая ложечкой в чашке. — Есть одна женщина... Извините, что я начинаю с личного, но я просто вынужден. Иначе не объяснишь. Есть женщина, которая для меня... Как бы сказать... Для меня она женщина всей жизни, она питает ко мне взаимность, и ничего так сильно не желает, как выйти за меня замуж.

Прозвучало это слишком отчаянно, мне стало интересно. Неприязнь к нему быстро угасла. Я всегда любила романы, и очень обрадовалась тому, что объектом его чувств являюсь не я, а совсем другая женщина.

— Все горе в том, что она замужем, — продолжил он. — Я свободен. Её союз очень неудачен, собственно говоря, его уже нет, но муж все не хочет с ней разводиться. Детей, слава богу, у них нет, но это не имеет значения, муж не даёт повода для развода, сделать это можно не раньше, чем через два года. А мы не можем ждать столько времени, я еду в долгую заграничную командировку, нам бы хотелось поехать вместе, для этого необходимо жениться. Оттянуть отъезд на пол года я смогу, но не дольше...

Он все больше волновался, голос его охрип, он остановился и выпил свой кофе. Я чувствовала, что поневоле втягиваюсь в эту историю.

— Ну и что? — критически заметила я. — А для чего вам я? Надо взять мужа и заставить его согласиться на развод, так?

Удручённый почитатель несчастной женщины махнул рукой.

— Нет, это бесполезно. На развод он ни за что не согласится. Чтобы не было недоразумений... Собственно говоря, он абсолютно нормальный — не чудовище, не преступник, просто к ней присосался. Но он ей противен. Физическое отвращение, понимаете...

Я кивнула, удивившись, откуда в таком случае столько сложностей. В деле о разводе на физическом отвращении можно зайти очень далеко.

— В одном только он ведёт себя как настоящий сумасшедший, он болезненно, патологически ревнив, следит за ней, нанимает каких-то типов, эта женщина буквально не может вздохнуть свободно, не говоря уже о наших встречах. Он вызвал страшный скандал у меня дома, на лестничной клетке. Соседи вызвали милицию, милиция отказалась вмешиваться в семейные дела, словом, кошмар!

Он все больше волновался и нервничал, внутри его явно рушились все преграды. Чем меньше я понимала, тем интереснее становилось. Напротив сидел страдающий человек, во мне проснулось сочувствие к этим преследуемым, измученным разлукой бедолагам. Рядом был сильно взволнованный мужчина, было видно, как он старается сдерживаться, хотя, охотнее всего, рвал бы на голове волосы и стучал ею о стену. Меня поразило, что в наши противно рациональные времена встречаются такие вулканы чувств. Стало интересно, что в нем нашла эта женщина, но вспомнилось, что одна моя подруга с пятнадцати лет без оглядки влюблена в своего мужа, такой же по внешности. Теперь стало интересно, как выглядит героиня пламенного романа.

— У нас возникла идея, — слегка поколебавшись, но решительно продолжил несчастный любовник. — Возможно, немного странная, но, несмотря на видимость, единственно осуществимая. Муж может протестовать сколько хочет, но, не взирая на его протесты, суд даст развод

немедленно... Я советовался с хорошими адвокатами... Если бы она... Короче говоря, если бы у нас были общие дети.

Вспомнив о том, что он говорил о заграничной поездке, я не удержалась от удивлённого возгласа.

— Боже! За пол года?!.. Недоношенные?..

— Да, нет... Не совсем... Не надо их иметь, достаточно будет свидетельства врача, настоящего, конечно, никаких подделок быть не может...

Я открыла рот, чтобы сказать что-то неподходящее, но как можно быстрее его захлопнула. Меня поразили представившиеся сложности. Понятно, если они хотят иметь детей, их не удержишь, но они должны хотя бы встретиться, а если за ней следит муж, устраивающий скандалы на лестнице... Если он ещё и ломится в двери... В такой ситуации, надо иметь просто железные нервы. Кроме того, непонятно, какие тогда получатся дети, а им, наверняка, хочется нормальных...

Несчастный любовник вздохнул с такой силой, что пепел из пепельницы полетел ко мне в кофе. Это привело к некоторому замешательству и перерыву в переговорах, виновник происшедшего чуть не свихнулся от смущения и испуга. Он с извинениями сорвался с места, забрал кофе с пеплом, заказал новый и умолял разрешить ему заплатить. За это время мой интерес значительно вырос.

— Ну, хорошо, — с сомнением сказала я. — Вы меня заинтересовали. Но я до сих пор не знаю, зачем вы все это рассказываете. Для чего вам я?

— Сейчас дойдём и до этого. Большое спасибо, что вы согласились меня выслушать. Вы же видите, в подобной ситуации никакие контакты неосуществимы. Поэтому мы планируем общий выезд на две-три недели, все равно куда. Муж, конечно, постарается помешать и все испортить. Он вообще не должен знать об этом, даже догадываться, а сделать это можно только одним способом...

Он остановился и посмотрел на меня взглядом приговорённого к смерти, у которого под самой виселицей промелькнула последняя искорка надежды.

— Прошу вас, — произнёс он пытаясь подавить волнение, — не кричите и не перебивайте меня. Они не только не живут друг с другом, даже не разговаривают. Они почти не видятся. Между ними идёт тихая война, все это осуществимо...

Он заинтриговал меня настолько, что я задержала дыхание.

— Её должна заменить какая-нибудь женщина. Естественно, похожая на неё, кроме того — характер, одежда, причёска... И голос... Она выйдет

из дома, а вместо неё вернётся другая, он ничего не поймёт, у них отдельные комнаты, друг на друга они даже не смотрят... Вы на неё очень похожи! Там, на Замковой площади, мне показалось, что это она! Я хожу за вами уже несколько дней, наблюдаю и слушаю... Вы подходите идеально! От своего и её имени я умоляю вас согласиться!!!

Я полностью обалдела, молча всматривалась в разошедшегося психа и размышляла, не стоит ли немедленно убежать. И что только любовь не вытворяет с нормальными взрослыми людьми!...

— Подождите, не отвечайте, — заторопился сумасшедший. — Не отказывайтесь сразу! Этой услуги не требую от вас даром, упаси боже! Поймите меня правильно, я все знаю — сложности, сомнения. Муж человек неуравновешенный и мстительный, в случае разоблачения он может неприятно отреагировать...

Мысленно я увидела свой труп, над которым танцует дикое чудовище. Желание убежать усилилось.

— Естественно, ничего не произойдёт, если ничего не откроется. Однако, вы потратите своё время, силы, подвергнетесь некоторому риску, нервы, напряжение, я знаю — это вещи несоизмеримые, но готов потратиться. В качестве компенсации я предлагаю пятьдесят тысяч злотых, вперёд. Собственно говоря, даже больше...

Он замолчал и смотрел неуверенно, вопросительно и умоляюще. Все лицо, кроме глаз, выражало решительность. Признаков помешательства у него не наблюдалось. Единственное, что я в данный момент смогла оценить, это размер суммы.

— По-моему вы нездоровы, — невольно вырвалось у меня. — Пятьдесят штук за две недели?

— Возможно, три. Скорее всего, три. Для меня, прошу прощения, эти три недели стоят пятидесяти миллионов, но их у меня нет. Я отдаю себе отчёт в том, что предложение... нетипичное, и, возможно, немного хлопотное, никто не примет его без соответствующей компенсации. Я так много прошу... Чтобы не было недоразумений, объясняю все сразу. Ох, извините, я вам не представился. Меня зовут Стефан Паляновский, я не аферист и не преступник, работаю в Министерстве внешней торговли, вы всегда можете проверить. В конце-концов, это ещё одна моя забота, но об этом позже... Собственно говоря, у меня неплохая работа, кроме того, несколько лет назад я получил наследство от родственника, который умер во Франции. У меня есть счёт в Лионском кредите и деньги в Польше, все это абсолютно легально, если хотите, я могу заплатить франками...

Картина в мыслях сменилась. Вместо трупа я увидела свою машину,

стоящую в мастерской и ту кучу запасных частей к ней, которую необходимо покупать за валюту.

— Вы спасёте мне жизнь, — продолжал он все с тем же пылом, не давая прийти в себя. Без этой женщины для меня нет ни жизни, ни всего остального!...

Он вдруг изменил тон и продолжил трезво, настойчиво и убедительно:

— Как я сказал, у меня ответственный пост в министерстве. Репутация — основа моего существования, а этот человек может бесповоротно её уничтожить. Достаточно мелочи, он напишет анонимку, где-то что-то скажет и уничтожит мою карьеру, отъезд и вообще все! Дело не в деньгах, это покажется смешным, но я работаю не за деньги, я люблю свою работу, она мне нужна, я профессионал... Поймите и эту женщину! Вы тоже женщина... За каждым её шагом следят какие-то подозрительные типы, дома — этот человек, который ей противен, она на грани нервного срыва!...

Он говорил дальше, усиливая заполнивший меня хаос. Нелепо упрямый муж, умирающая при рождении большая любовь, опять же — репутация, внешняя торговля, общие дети, нервный срыв, а тут ещё и моя чёртова машина в ремонте... Несомненно, я просто создана для дурацких историй. Я колебалась, не сумев оценить всего дела, но мне уже понравилось.

— Минутку... — осторожно начала я. — А если это откроется...

— Не может открыться!

— Но вдруг... Тогда муж может возбудить дело о мошенничестве!

— Ничего не случится, если вы делаете это по согласию с заинтересованной стороной! И вообще, никакого мошенничества нет — есть его ошибка! За его ошибки никто не в ответе, если он принимает чужого человека за свою жену — его личное дело! Кроме того, в любом случае, я покрываю все расходы — адвокат, выплаты, штрафы, не знаю, что там может быть ещё, безразлично! У вас есть права?

Правами он оглушил меня ещё раз, оттолкнув в сторону клубок, из которого я пыталась выбраться. С раздражением я подумала, что мне причитается вознаграждение за один только разговор. Какое отношение ко всему этому имеют права?

— Есть. А что?..

— И вы умеете ездить?

— Естественно умею, что за глупые вопросы!

— Это здорово. Видите ли, у неё есть вольво и она всегда им пользуется. Вам тоже придётся.

Я охнула. Что-то во мне сломалось. Моё влечение к автомобилям

оказалось сильнее всего остального. Новый вольво, о боже!!!...

— Вы должны заплатить мне заранее... — неуверенно сказала я, не отдавая себе отчёта в совершаемом, думая только о том, что перед тем, как воплотиться в чужого человека, надо доставить в мастерскую запчасти, чтобы вместе с возвращением в себя, получить и собственную машину.

— Конечно, когда пожелаете! Боже, так вы согласны?!

От до сих пор безгранично угнетённой жертвы чувств стало исходить сверхъестественное сияние. Я стала приходить в себя.

— Подождите секундочку, — попросила я. — Прежде всего опомнитесь и постучите себя по голове. Это неправильно. Какой же муж не поймёт, что с ним живёт не его жена, а какая-то чужая баба?

— Откуда! Какой живёт! Я же сказал, что они почти не видятся! Живут отдельно, едят отдельно, почти не встречаются и почти не разговаривают! Только работают, но с работой как-нибудь уладим, она может...

— Подождите, — подозрительно прервала я. — Какой работой?

Разошедшийся любовник немного забеспокоился.

— В этом, собственно, главная трудность, но я не сомневаюсь, что это можно уладить. Видите ли, у него мастерская по производству каких-то там тканей. И она делает ему шаблоны узоров или что-то такое. По-моему, это называется набивка, или как-то похоже, а выходит из этого что-то бархатное.

Стечение обстоятельств показалось мне просто неправдоподобным, и даже невероятным. Мне стало ясно — это судьба, оставалось только сдаться ей без излишнего сопротивления. Я покорно кивнула:

— Никаких сложностей, — уныло промямлила я. — Так получается, что я прекрасно умею делать узоры для набивки тканей. Мне это не очень нравится, потому что работа исключительно паршивая, но работать я могу и, если необходимо, посвящу этому некоторое время.

Ненадолго угасшее сияние пана Паляновского полыхнуло с новой силой. В уставившихся на меня глазах появилось набожное удивление.

— Не может быть... Вас послало мне небо! Я искал женщину похожую только внешне, предвидел большие сложности! Может вы и на машинке печатаете?

— Печатаю. Руками я вообще не пишу. Исключительно на машинке.

Пан Паляновский на противоположной стороне стола на мгновение прикрыл глаза и будто бы поперхнулся.

— Извините, — сказал он слегка осипшим голосом. — Искренне вам признаюсь... Я обратился к вам ни на что не надеясь, с моей стороны это

был крик отчаяния. В конце-концов, у вас нет никаких поводов оказывать нам услугу, трудиться и рисковать для чужих людей! Эти пятьдесят тысяч — всего лишь символическое выражение благодарности, несоизмеримое с... вообще ни с чем! Вы мне... вы нам... Вы — чудо!

Я механически кивнула головой, рассеяно подтвердив, действительно, я — чудо. Мои мысли были заняты техническими вопросами предприятия.

— Стирать я не буду, — предостерегла я сразу. — Не только за пятьдесят тысяч, даже за пятьсот.

— Не надо, у него есть прачка, он все отдаёт ей.

— А прислуга у них есть? Муж меня может и не узнать, а насчёт прислуги — можете не сомневаться.

Пан Паляновский стал сам не свой. С неослабевающим терпением он рассеивал мои сомнения и страхи. Прислуга есть, но она получит отпуск на месяц, я её и не увижу. Вместе с мужем в мастерской работал человек, который как раз уволился, вместо него возьмут нового, который меня не знает. То есть, не знает настоящую жену. Гардероб... В моем распоряжении будет целый склад абсолютно новой и почти новой одежды, чтобы мне было не противно ходить в чужих обносках. И обувь тоже.

— Понимаете, — таинственно признался он. — Мы носимся с этой идеей уже достаточно времени. Басенька... то есть, та женщина о которой мы говорим, начиная с зимы, на всякий случай, покупает множество новых вещей, она их не носит, потому что не успевает, а просто разбрасывает по квартире. Несколько дней все валяется на виду, чтобы ему запомнилось. Парики... Вы не против париков?

— Нет. Могу носить. На Замковой площади вы видели меня в парике.

— Понятно, откуда такое сходство! Особые приметы будет легко подделать, у неё есть такая маленькая родинка, под глазом, вот здесь!

Он шлёпнул себя по лицу с таким размахом, что чуть не выбил себе глаз. Я согласилась и на родинку.

— А теперь немного помолчите, — потребовала я. — Мне надо подумать.

Вообще-то говоря, мои размышления не заслуживали этого благородного названия. Мешая третья чашку кофе, я пыталась привести в порядок сумятицу в голове. Что я соглашусь, понятно было сразу. Затея казалась безумной, и от этого очень привлекательной. Со мной давно уже не приключалось ничего глупого, теперь было самое время.

Пан Паляновский упорно производил хорошее впечатление. Он сидел напротив, выглядел нормально, спокойно, пристойно, благородно и стабильно, единственное, в чем его можно было упрекнуть — это огненный

темперамент на благородном фоне. Влечение к бедной Басеньке, пронизывающее его естество, проявлялось только во взгляде, наполненном безумной надеждой. Он смотрел на меня, как загипнотизированная курица на палку перед клювом, и, по-видимому, не был способен смотреть ни на что другое. Это меня несколько смущало.

Я попыталась оценить отрицательные стороны. Оценить положительные было трудно, большую любовь я была готова спасать безвозмездно, гонорар не играл большой роли. В первый момент я даже решила взять ровно столько, сколько понадобится на запчасти к машине, но потом, вспомнив про шаблоны, передумала. Шаблонов я задаром делать не буду, не может быть и речи! Из отрицательных сторон в голову пришло только одно, а именно — претензии обманутого мужа. В непосредственную опасность я не верила и решила, что задушить себя не дам, но к судебной ответственности он меня мог привлечь. Я бы несомненно проиграла, результатом чего были бы моральное возмещение и компенсация моего содержания на протяжении трех недель. Хорошо, что ем я не много, а вообще, это забота пана Паляновского...

На всякий случай, я решила посоветоваться с подругой, по образованию адвокатом, а по профессии — судьёй, после чего об этом забыла. Меня беспокоило моё выродившееся воображение, продемонстрировавшее разные сцены — прятки от мужа по закоулкам, полную глухоту к его словам и тому подобные штучки. Это сильно заинтересовало и разохотило меня. Пан Паляновский все ещё смотрел на меня, как на говорящую икону.

— Ну, хорошо, — в конце-концов сказала я. — Я согласна на эту жуткую нелепость, но с некоторыми условиями...

Пан Паляновский чуть не грохнулся в обморок. Он готов был на все. Если бы я попросила его разрисовать красными цветочками весь Дворец Культуры, он, не раздумывая, побежал бы искать подходящую краску. Ничего подобного мне не хотелось, поэтому к взаимопониманию мы пришли достаточно легко. Перспектива грядущего счастья изменила его так, что мне страшно захотелось увидеть Басеньку. Стоило согласиться хотя бы для того, чтобы с ней познакомиться. Что она собой представляла, эта необычная женщина, возбуждающая такие большие чувства, и каким чудом, я могла оказаться на неё похожей?!..

Её несомненно стоило увидеть. Преступно пренебрегая всеми остальными пунктами программы, я немедленно потребовала встречи. Пан Паляновский, не зная о моем интересе, согласился, что сделать это необходимо.

— Да, конечно, вы должны встретиться и хорошо к ней присмотреться, это облегчит вашу задачу, — заботливо произнёс он. — Но вам придётся выглядеть совсем по-другому. Понимаете, чтобы никто не заметил вашего сходства. Может я преувеличиваю, но, по-моему, лучше чрезмерная осторожность, чем глупое упущение. За ней следят, кто-нибудь может обратить на вас внимание...

Мы договорились созвониться, установили время и место нашей встречи. Романтичная афёра нравилась мне все больше.

Боязнь пана Паляновского, что на меня кто-нибудь обратит внимание, оказалась вполне обоснованной. Я так старалась выполнить его пожелания, что на меня обратили внимание все. Черт знает, что думали люди, встретившие меня на улице, когда я отправилась на свидание с Басенькой. Я была абсолютна не похожа ни на неё, ни на себя. Одевалась я в старые джинсы и свитер своего младшего сына, и то и другое немного великоватое. На голове у меня была потрясающая вещь — театральный парик моей тётки. Парик был нейлоновым, ярко рыжим, посередине на нем был пробор, а с обеих сторон, над ушами, торчали две короткие, толстые косички. На всякий случай я одела ещё и тёмные очки, и, могу поклясться, сама себя не узнала!

Встретиться мы должны были у дворца в Лазеньках. Это место мы выбрали, как наименее подозрительное и легкодоступное, прохаживаться по парку можно всем, а пан Паляновский имел право появляться со своей избранницей везде, где хотел, рискуя лишь нападением злобного мужа. Прохаживаясь невдалеке, непохожая на Басеньку особа, то есть я, могла беспрепятственно разглядывать её сколько душе угодно.

День был страшно сырым. Снег с дождём уже кончились, но под ногами хлюпала грязная жижа. Пан Паляновский блуждал вместе с возлюбленной вокруг дворца, бороздя грязь, время от времени пытаясь присесть на близлежащие скамейки. Он безгранично заботился о своей спутнице, выбирал места, куда ей ступить, и танцевал вокруг неё так, что из под ботинок летели грязные брызги. Выражение ангельского экстаза исчезало с его лица только тогда, когда он беспокойно оглядывался вокруг. Скорее всего, он пытался проверить, нахожусь ли я на посту и смотрю ли на них.

Я была на месте и смотрела так, что у меня чуть глаза не повылазили. Я никак не могла избавиться от удивления, которое с первой же минуты охватило меня при виде демонстрируемой красавицы. И это героиня романа? Елена прекрасная, вызывающая дикие страсти? Это предмет столкновения чувств упрямого мужа и горячего любовника? Это источник

головокружения нормальных людей? Причина военных действий, достойных асов разведки? О, боже!..

На встречу я летела в жутком волнении, заинтригованная, переполненная жгучим божественным нетерпением. Я ожидала, как минимум, чуда неземной красоты, невзирая на то, что чудо должно быть похожим на меня. Я увидела абсолютно обыкновенную особу, даже красивую, но удивительно неброскую. Зря я выставляла себя на посмешище при помощи тёткиного парика!

Об ошибке не могло быть и речи, огненная чувственность пана Паляновского говорила сама за себя. Я застыла с чувством обиды и отвращения, до тех пор, пока не вспомнила о нашей схожести. Мне пришло в голову, что придётся выбирать одно из двух — либо я признаю её красивой, либо меня начинают мучить комплексы. Как можно скорее, я начала перестраиваться на восхищение.

Сходство между нами несомненно было. Один рост, одна фигура, форма головы, ноги и, что хуже всего, точно такой же нос! Её лицо от моего отличали три основных черты: чёрные, бросающиеся в глаза брови, форма рта, недовольного жизнью, и причёска с большой чёлкой. Ну и, естественно, родинка. Пан Паляновский был прав — косметика могла все исправить. Мне стало понятно, почему меня заметили на Замковой площади в перекрученном парике и с размазанной помадой.

Я усиленно пыталась догадаться о причинах непонятного отвращения и поняла, чего ей не хватало, почему она казалась такой недотёпой. Ей явно не доставало обаяния. Она была застывшей, немного искусственной, нерасторопной, без энергии, живости и секса. Да что долго говорить, просто необаятельная! Да, я могла её заменить, это могла сделать любая дура, она годилась для замены.

Моё переодевание оказалось удачным. Едва я успела вернуться домой, позвонил брошенный в грязной жиже пан Паляновский, взволнованно, с отчаянием допытываясь, почему я не явилась на свидание.

— Вы меня действительно не видели? — поинтересовалась я. — Вы очень энергично оглядывались.

— Как?.. Откуда вы знаете? Я старался делать это незаметно. Вы там были?

— Конечно. Вы даже посмотрели на меня несколько раз.

— Не понимаю... Там был только какой-то рыжий индивидуум, не знаю, девочка или мальчик, теперь трудно разобраться. Я думал, что это кто-то из её сопровождения, но кажется нет, потому что он производил... или производила... впечатление дебилки. Никого другого...

— Это была я, — добродушно объяснила я. — Дебилка. Я тоже думаю, что выглядела не лучшим образом, но мне хотелось быть непохожей.

Через несколько минут пан Паляновский обрёл дар речи. После взрыва восхищения и удивления моими талантами мы договорились о следующем производственном совещании. Он стремился к поставленной цели с явно выраженным горячим нетерпением...

* * *

Через своих знакомых, осторожно и дипломатично, я проверила, что пан Стефан Паляновский, доктор экономики, действительно работает в Министерстве Внешней торговли, где пользуется репутацией прекрасного ценного специалиста. Информация о планируемой поездке тоже оказалась правдивой. Я решила быть умной и осторожной и, на всякий случай, проидентифицировала его, показав на него пальцем знакомому.

Так же осторожно и дипломатично я получила юридическую справку. Моя подружка-судья, человек тактичный и спокойный, не вдаваясь в причины моих личных вопросов, без сопротивления давала мне исчерпывающие ответы, чем чуть было не уничтожила наше предприятие до его рождения. Первоначально мы с паном Паляновским предполагали, что я буду пользоваться удостоверением личности и правами его возлюбленной Басеньки, что не должно было вызвать никаких трудностей. На фотографию мне придётся быть похожей, а отпечатков пальцев никто проверять не станет. Но приятельница рассказала, что за это полагается пять лет лишения свободы без конфискации имущества, и мне стало не по себе.

Пан Паляновский чуть не сошёл с ума. Боязнь, что я случайно могу отказаться, привела его к нервному расстройству. Он пытался удвоить ставку, но даже сто тысяч не показались мне достойной оплатой за пять лет тюрьмы, я не согласилась и, в конце-концов нашла единственный выход... Я решила не пользоваться никакими документами. Свои оставить у себя дома, Басенькины — у неё, и никому ничего не показывать. Это было вполне возможно, единственное, что могло помешать, это излишнее внимание автоинспекции, однако, прикинув, что мой стиль езды не часто привлекает к себе милицию, риск показался мне небольшим. Штрафы я плачу вообще только за парковку в неположенных местах, а эти три недели

можно было нигде и не парковаться.

К моему удивлению, пан Паляновский не был полностью удовлетворён таким решением вопроса и даже попробовал протестовать, но я настояла на своём. Я не дам заточить себя на пять лет даже ради самой пламенной любви мира!

Очередной проблемой стало место, в котором можно было безопасно поменять Басеньку на меня, или меня на Басеньку. Возникли трудности.

— Она выйдет и больше не вернётся, — рассуждал взволнованный любовник, при чем звучало это достаточно зловеще. — Вместо неё вернётесь вы. Но вам придётся где-то переодеться, вас надо загримировать, подретушировать, это нельзя сделать просто так, посреди улицы! Не должно возникнуть ни малейшего подозрения!

Подумав я предложила проделать это в её доме, пока не будет мужа. Я могла прийти туда, например, как бабка с яйцами, потом я бы там осталась, а она с яйцами ушла. Взволнованный поклонник с сомнением покачал головой.

— Это не пройдёт, туда должен прийти и гримёр. В качестве кого? Угольщика?.. Кроме того, муж очень редко выходит из дома, вы забыли, что мастерская у них в доме. Кажется придётся... Сейчас. За вами не следят?

— За мной?!.. На кой черт кому-то за мной следить?!

— Не знаю. Извините, у меня уже появились навязчивые идеи. Очень прошу вас присмотреться, не следят ли за вами. Даже теперь, осторожно обернитесь, там, под стеной, к вам присматривается какой-то мужик.

Очередное совещание проходило в малом зале ресторана. Я неохотно, но послушно согласилась. Мужик под стеной приветливо поклонился, пан Паляновский нервно вздрогнул.

— Не обращайтесь внимания, — успокоила я его. — Это мой первый муж, который, кроме всего прочего, судя по поклону, меня не узнал. Он присматривается ко мне от того, что не имеет понятия, откуда меня знает. У него всегда была плохая память на лица.

Через несколько долгих минут пан Паляновский пришёл в себя и продолжил переговоры.

— Гримёра придётся во все посвятить, у меня есть один друг... Если за вами не следят, придётся проделать все прямо у меня. Сначала придёте вы, потом она, потом вы выйдете, как она, а она останется.

— А за ней не прибежит муж с новым скандалом?

— Конечно, прибежит, но не раньше, чем через пол часа, а может и сорок пять минут. Замену придётся производить очень быстро. И вам опять придётся выглядеть как-то иначе...

Подумав, я согласилась, что такое решение действительно будет наилучшим. Нанимаемые мужем типы следят за ней, а не за мной, поэтому я спокойно могу нанести визит пану Паляновскому, пораньше, когда на это никто не обратит внимания. Потом придёт Басенька, за Басенькой типы, мы поторопимся, скоро типы увидят, что Басенька уходит, пойдут за ней, то есть за мной, после чего, ей можно забыть про слежку. На всякий случай, она может переодеться и покинуть апартаменты возлюбленного тесно прижавшись к гримёру, чтобы окончательно все запутать.

Пан Паляновский обрадовался и одобрил мои дополнения.

— И чтобы не возникло никаких сомнений, вы можете сразу идти на обычную прогулку, — оживлённо добавил он.

Я замерла, не проглотив кофе, решив, что ослышалась. По спине пробежала лёгкая дрожь.

— Куда, извините, идти?..

— На обычную прогулку. Это надо будет сделать ближе к вечеру, прогулка убедит их, что все в порядке. Вы сможете пойти сразу, как поставите машину...

— Минутку, — осипшим голосом остановила я его, пытаюсь оправиться от потрясения. — Я плохо поняла. Что значит — обычная прогулка? Какая прогулка, ради бога?!!!

Пан Паляновский извинился за упущение. Он пока не успел представить мне все особенности образа жизни Басеньки, который станет для меня обязательным после подмены. До сих пор мы были слишком заняты другими вопросами, но теперь самое время обговорить и это.

Я узнала, что Басенька — человек до отвращения пунктуальный, она постоянно делает одно и то же. Утром и после обеда она работает в мастерской над узорами. Около полудня выезжает в город и делает покупки, в основном продукты, причём война с мужем на это влияния не оказывает. Готовит прислуга, но в сложившихся обстоятельствах, при отсутствии прислуги, каждый будет готовить сам. Вечером же, около семи, очаровательная Басенька отправляется на ежедневную прогулку и, как минимум полтора часа, шатается по скверику. Она может пренебречь покупками, может бросить работу, может забыть обо всем, но только не о прогулке!

— По какому скверику, господи? — тихо прошептала я. — Где она вообще живёт?!

— Знаете, где частные дома на Спацеровой?

Я знала. На Спацеровой... До сих пор мы обговорили разные вещи, договорились о документах и квартире, я была уведомена о семейном

положении Басеньки, полном отсутствии друзей и знакомых, приход которых мог бы наделать хлопот, узнала, что всю рабочую корреспонденцию мужа Басенька печатает на машинке, что не моет и не убирает за ним, прессу покупает в киоске на Бельведерской, а на ночь запирается в своей комнате на ключ. Я узнала и пару других полезных мелочей, но прогулка всплыла только теперь.

Мне сделалось плохо, во мне вдруг возникла сильная неприязнь к Басеньке. Единственное, что я не выношу всей душой, что мне просто противно, что я считаю пустой тратой времени — это идиотские, бессмысленные прогулки по скверикам. Чтобы вытворять что-либо подобное, надо крепко удариться головой! Её, в конце-концов, оправдывает эта дурацкая любовь и неприязнь к сожителю, но мне встравать в этот идиотизм — это просто кошмар!...

Я чуть было не отказалась. Меня меньше пугали пять лет за документы, чем перспектива регулярных прогулок. К счастью, я вспомнила, что буду шататься по скверу не задаром, я подсчитала, что если сделать одну прогулку бесплатно, то остальные выходят по две с половиной тысячи за штуку и решила, что как-нибудь выдержу.

— А что она делает, когда идёт дождь? — уныло спросила я, понадеявшись, что хоть дождь меня спасёт.

— Гуляет под зонтиком. Она к этому привыкла.

— И не ходит ни в какое другое место, кроме этого скверика у Морского Глаза?

— Нет, видите ли, она очень любит это место. Привыкла. Это действует на неё успокаивающе.

Привыкла!.. Это не привычка, это — извращение! Мне придётся воплотиться в маньячку?!..

Я уже решилась и привыкла к тому, что буду играть роль чужого человека, уже настроилась на эту рискованную подмену и три недели опасностей, это начало казаться мне реальным и возможным. Весь план вообще не имел смысла, но мне не впервой участвовать в том, что не имеет смысла. Теперь у меня возникли сомнения и я заколебалась.

— Знаете... Не думаю что это получится, — неуверенно начала я. — Я начинаю бояться, что муж заметит разницу. Эта ваша Басенька совсем не такая, как я...

Пан Паляновский побледнел.

— Как это?.. Вы же согласились? Я считал, что мы договорились!

— Договорились, договорились... Да, я согласна, но не могу брать на себя ответственность за результаты! Подумайте сами, меня может выдать

любое неверное движение в этом чужом доме!

Пан Паляновский посинел и чуть не задохнулся. Торопясь, очень настойчиво, он начал мне объяснять на чем основано наше предприятие. Зная о замене, Басенька уже давно приучает мужа к разным выходкам, отказываясь от своих привычек, хаотически и неорганизованно заменяя их новыми. Дошло до того, что однажды она выбросила в окно все грязные тарелки, а картины на стенах перевесила лицом к стене. А однажды спустилась по лестнице задом, на четвереньках. На вопросы она давала идиотские ответы, с вопросами никак не связанные. Потому, что бы я ни сделала, что бы ни сказала, муж не удивится, а чем больше чудачеств я придумаю, тем лучше. И вообще, это так не надолго, всего на три недели!..

Мои сомнения угасли, перспектива подобной свободы действий выглядела даже заманчиво. Пан Паляновский прилагал дикие усилия, по очереди успокаивая все мои страхи, логически доказывая, что обман должен получиться. Выкидывать коники у меня всегда получалось...

Я снова позволила себя убедить.

* * *

Отправляясь к пану Паляновскому для перевоплощения в Басеньку, я превзошла сама себя. Я одела очень старый, полностью вышедший из моды костюм, который не был выброшен исключительно по недосмотру, старую, довоенную шляпу моей тётки, украшенную искусственными цветами, и резиновые сапоги. Не знаю как получилось, что я не вызвала столпотворения, но таксист, которого я поймала возле дома, потребовал заплатить вперёд. Недалеко от моего дома находится психбольница, наверное, ему показалось, что я сбежала оттуда. Больше всего меня радовало то, что Басенька должна покинуть апартаменты возлюбленного как я, то есть в том же наряде.

Постоянно увеличивающееся и закрепляемое нудной болтовнёй пана Паляновского одурение, привело к тому, что я полностью посвятила себя выбору одежды, решив все остальные мелочи выяснить при перевоплощении. В голове блуждали туманные воспоминания о разных детективных историях, в которых одни люди превращались в других. В основном это были шпионы, а перевоплощение требовало долгой и сложной подготовки. У меня было смутное подозрение, что моей

подготовки может оказаться недостаточно, но утешал тот факт, что я не шпион. Возможно, что в сугубо гражданской ситуации это не такое уж сложное дело.

Пан Паляновский был очень возбуждён. Волнение кажется отразилось как на его умственных способностях, так и на зрении, потому как он восхитился тёткиной шляпой. Я совсем упустила из виду, что существенной помощи в подготовке от него ждать не следует.

Больше всего меня беспокоило то, что я абсолютно не знаю дома, в котором должна поселиться. Отуманенный подозрениями любовник не разрешил на него посмотреть, сказав, что если меня там увидят, могут возникнуть ненужные ассоциации и подозрения. Не знаю, кто должен был на меня смотреть и подозревать, если было сказано, что вторжения друзей и знакомых можно не опасаться, а Басенька с мужем живут отдельно. И все же я согласилась, не задумавшись над отсутствием логики у пана Паляновского, который с одной стороны демонстрировал чрезмерную осторожность, а с другой — поразительное легкомыслие.

Время до прибытия гримёра, я провела за употреблением лошадиных доз кофе и топографическо-архитектурными разговорами. Меня поставили в известность, что квартира неудавшихся супругов помещается в частном доме, входят в него с задней стороны, под домом находится гараж, но гараж занят мастерской, поэтому машина, тот самый вольво, стоит в саду. Пан Паляновский не умел рисовать, совсем не знал сада, поэтому мне представилась страшная сцена, как я, симулируя уверенность в себе, с разгона въезжаю в свежесажённые георгины или другую растительность. О количестве помещений, их расположении и оборудовании он тоже не сказал ничего определённого, поскольку никогда в них не заходил, что показалось мне правдоподобным и понятным. Не имея ни малейшего понятия о том, что может понадобиться и что забыто, я пыталась вырвать из полуживого любовника как можно больше информации о его возлюбленной. В тот момент, когда он известил меня, что возлюбленная довольно часто ездит верхом, прибыл гримёр, незаметный, худой, лысый мужичонка, который, едва глянув на меня, решил, что придётся ждать оригинала. Я не обращала на него внимания, панически пытаюсь сообразить, удастся ли мне каким-нибудь хитрым приёмом избежать поездок верхом.

В раннем детстве я каталась верхом, без седла, с того времени у меня остались не самые лучшие воспоминания, поскольку сельские ребяташки испугали моего коня. Позиция, которую я приняла, когда он галопом добрался до конюшни, имела мало общего с сидением на хребте животного

и навсегда врезалась в мою память. Если быть точной, я висела на нем за ногу. Ничего удивительного, что теперь меня охватила паника.

— Ради бога, скажите мне сразу, что она ещё делает такого, о чем мы ещё не говорили! — сердито потребовала я. — Прыгает с трамплина? Поёт? Ездит на лыжах? Настырный человек, даже в это время года мог бы покататься на лыжах в Закопане!

— Зачем быть настырным? Сейчас середина марта — разгар сезона! — запротестовал неизвестно почему обидевшийся гримёр, в результате чего мною завладел страх и я окончательно лишилась рассудка.

По моему примеру, рассудка лишились и остальные. Они стали так горячо обсуждать проблемы лошадей, будто Басенька жила в конюшне. Я забыла обо всем, равновесие мыслей исчезло окончательно. Прибытие главной героини драмы не только не помогло, но и ухудшило ситуацию.

Гримёр, при виде оригинала, зажил новой жизнью, силой оттащил меня к зеркалу, усадил в кресло, осветил юпитером и запретил разговаривать. Басенька с трясущимися руками и сумасшедшими глазами разнервничалась до потери сознания и вела себя как последняя идиотка. В углу она шёпотом совещалась с паном Паляновским, судорожно схватив лацканы его пиджака. Гримёр держал меня за голову. Пан Паляновский носился по комнате, пытаясь разговаривать со всеми одновременно.

— Да расскажите же мне ещё что-нибудь! — тихо стонала я. — Я не знаю, что делать! Муж меня узнает!

— Нет, не узнает, — уверяла меня Басенька. — Не обращайтесь на него внимания...

Квартира пана Паляновского превратилась в дом сумасшедших. Мне казалось, что здесь что-то не в порядке, но посмотрев в зеркала, я окаменела как физически, так и умственно. Лысый мужичонка с неправдоподобным мастерством отбирал у меня лицо. Он зачернил брови, к счастью тушью, а не хной, нарисовал родинку под глазом и обвёл рот. В мгновение ока я приобрела вид неудовлетворённой жизнью примадонны, даже противно стало. Гримёр не остановился на этих жутких эффектах и работал дальше — подкрасил мне глаза и причернил четвёртый верхний левый зуб, который у Басеньки был мёртв и слегка потемнел. После зуба ко мне вернулась жизнь.

— Извините, это у меня навсегда останется? — испуганно спросила я вырвав голову из его рук, решив либо категорически отказаться от участия в этой авантюре, либо потребовать миллион золотом. Чёрный зуб. Мать божья!!!..

— Прошу вас, не двигайтесь! Ничего у вас не останется, и зуб и

родинку придётся поправлять ежедневно!

Он дорвался до Басеньки, сорвал с неё парик с чёлкой и нацепил на меня. Результат был поразителен! Теперь я и сама могла ошибиться и принять Басеньку за себя, или наоборот. Во мне не осталось ничего от меня, я полностью превратилась в Басеньку, догадаться, что я это не она было невозможно! Я вдруг засомневалась в прежней мысли, что все присутствующие ненормальные и страдают помешательством, и немного взбодрилась. Кто знает, может этот идиотский розыгрыш и получится...

Чёртова Басенька наконец оставила конспиративный шёпот, вместе с паном Паляновским они с интересом, удивлением и восхищением приглядывались ко мне. Мы занялись к обменом одеждой. Я похвалила её выбор костюма, светлая киноварь с оранжевым и фиолетовым действительно могут увлечь за собой телохранителей, даже если содержимое костюма преобразуется в бородатого старика.

— Вы должны помнить, — нервно произнёс пан Паляновский. — Выглядите вы просто замечательно!... Эти покупки — необходимы, ежедневные прогулки — необходимы! Каждый день немного работы... Вы прекрасно выглядите, все должно получиться!

Его идиотский оптимизм меня неимоверно раздражал, перечень обязанностей до сих пор казался не полным. Мои страхи окрепли при мысли, что в любую минуту может примчаться муж, раздастся дикое рычание на лестнице, последует выламывание дверей пана Паляновского, после чего жертва обмана увидит нас обеих, набросится, естественно, на меня, потому что я больше похожа на Басеньку, чем она сама на себя, сорвёт с моей головы парик, и все представление полетит ко чёртовой матери. Я не понимала, как это может их не волновать, и в этот момент осознала нечто страшное. Я не имела никакого понятия о том, как выглядит мой муж!

То что последовало после сообщения о моем открытии превзошло все. Басенька и её почитатель страшно переполошились. Действительно, я же могла встретить его где угодно, перед домом, и даже здесь, на лестнице, надо было иметь о нем хоть какое-то представление! Они пытались его описать, описание меня не удовлетворило, я требовала фотографии. Басенька обыскала обе сумочки, свою и мою, забыв о том, которая теперь её, нашла снимок его брата, который попыталась мне подсунуть, утверждая, что они очень похожи, в конце концов набросилась на любовника, требуя проверить в каких-то оставленных у него документах. Оглушённый ситуацией пан Паляновский бросился к секретеру, обалдев окончательно я смотрела, как они роются в ящике и наконец, из каких-то

бумаг достают снимок мужчины. Какая удивительная галиматья — снимок мужа у любовника жены, у жены — снимок шурина... Эта большая любовь должно быть сильно отразилась на их мозгах!

Счастья увидеть Басеньку в шляпе своей тётушки, я не испытала. Когда я покидала этот вертеп, она сидела на диване, завёрнутая в купальный халат любовника, курила сигарету и с обречённо смотрела на меня. Все представление длилось не более получаса, был шанс, что мужа на лестнице я не встречу.

Момент облегчения наступил когда я садилась в машину. Близость руля всегда действовала на меня успокаивающе. Я немного подождала, чтобы дать шанс телохранителям, включила зажигание и медленно поехала в чудесном новом вольво. Все, я перестала быть собой и превратилась в Басеньку, Басеньку Мачеяк.

* * *

Осознание того, что я натворила, проснулось по дороге. Когда я наконец нашла нужное место и определила, что дом стоит на улице Загонов, волосы под париком стояли дыбом, внизу ощущалось неприятное щекотание. Это абсолютно точно отражало принятые на себя обязательства, раньше я проектировала загоны для телят... Следы стоянки автомобиля я увидела сразу, припарковалась, вышла из машины и посмотрела на освещённые окна. Где-то там, внутри невинно выглядевшего здания, находилось это ужасное чудовище, этот страшный монстр, вурдалак, которому я отдалась на заклятие... Муж!

Я несмело направилась к дверям. Когда я звенела в замке чужим ключом, руки мои тряслись. Я не подготовилась к встрече с вурдалаком, воображение представляло мне обрывки разных вариантов первого контакта, ни один мне не нравился, ни на один из них я не могла решиться. Открыв двери, я вскочила внутрь, закрыла их за собой и опёрлась о косяк, ноги подо мной подгибались. Не от того, что мысленно я увидела его, стоящего передо мной с диким взглядом и топором в руках, а потому, что меня вдруг посетила мысль о главном, основном упущении. Я не знала, как зовут мужа.

Что я подумала о Басеньке и пане Паляновском, лучше не уточнять. Во всяком случае, мне удалось не произнести этого вслух. Холл передо мной

был пуст, чудовище пребывало в отдалённых районах квартиры. Я неподвижно застыла, опершись о двери, ошеломлённая ударом, и пыталась побороть слабость в ногах, до тех пор, пока из дома не донёсся какой-то звук. Тотчас ко мне вернулись силы, я развернулась, захлопнула за собой двери и сбежала.

Естественно, не насовсем. В роль Басеньки я воплотилась окончательно и бесповоротно, рано или поздно надо было вернуться. Но сначала следовало прийти в себя, собраться духом, поразмыслить над чудовищной ситуацией и найти решение. Война или не война, обижена я или нет, но не могу же я никак не обращаться к этому человеку! В конце концов это мой муж, и я с ним на «ты»...

Вечер был весенне-зимним, холодным и влажным. В оранжевой с фиолетовым одежде Басеньки я блуждала по скверику как потерявшаяся овца, безуспешно стараясь думать. Единственное, что приходило в голову — на этот раз я свихнулась окончательно и, скорее всего, всю жизнь буду питать неприязнь ко всем романам и амурам мира.

В пятнадцать минут десятого я решила вернуться. Правда, ни одна продуктивная мысль меня так и не посетила, зато замёрзла я до полусмерти. Паника постепенно уступила место раздражению, ожидающее дома чудовище казалось все менее опасным.

Решительным шагом я пересекла скверик и впереди, на ярко освещённом фонарями месте, вдруг увидела идущего навстречу человека. Я сразу его узнала. От удивления я замедлила шаг, потому что его появление здесь казалось чем-то необычайным и абсолютно неправдоподобным, хотя у него и не было особых причин, появляться или не появляться где бы то ни было. Муж и его имя, ненадолго вылетели из головы.

По аллее шёл тот самый блондин, на которого я обратила внимание в автобусе. На нем был бежевый плащ и бежевые туфли, он казался ослепительно светлым, и вообще, спереди он выглядел ещё лучше, чем в профиль. Я успела к нему присмотреться, у него были исключительно красивые, светлые, голубые глаза. Он посмотрел на меня как на воздух и направился вглубь скверика.

Я вдруг очнулась, ожила, голова все-таки заработала. Наверное, блондин подействовал на меня как допинг. Я перестала бояться, ощутила нарастающие злость и обиду. С какой это стати муж был дома, когда я пришла? Его не должно было быть. Ему надо было находиться в подъезде пана Паляновского и ломиться в двери! Разве что нанятые им негодяи успели его известить, что Басенька возвращается...

До места я добралась в достаточно боевом настроении, намного смелее открыла двери и заметила, что изнутри они заперты на цепочку. Это меня тоже удивило. Надо было звонить, стучаться?.. Что, черт побери, сделала бы на моем месте Басенька?...

Тут я вспомнила, что имею право на странности. Никаких нормальных поступков, чем большую глупость я выдумаю, тем лучше! Я обошла дом вокруг, увидела, что освещённое окно на первом этаже открыто. Я не имела понятия, какое помещение находится за этим окном, но это не имело никакого значения. Понятно, что я сразу же решила в него залезть.

Лазание в окна я с удовольствием практиковала всю свою жизнь, мне это было нетрудно. Ниже находилось низкое подвальное окошко, а над ним небольшая ступенька. Я повесила сумку на руку, влезла на ступеньку и толкнула окно, которое отворилось пошире. За окном я увидела кухню. В ней никого не было, на газовой плите стоял чайник с кипящей водой, напротив я увидела приоткрытые двери. В тот момент, когда я перекинула ноги через подоконник и уселась на него, двери вдруг открылись и в них появился муж.

Как видно он ещё не привык к выходкам Басеньки, потому что самым настоящим образом одеревенел. Невольно, я тоже застыла без движения, присматриваясь к нему с отчаянной жадностью. Он даже немного походил на предъявленную мне фотографию — чёрный, с лысеющим лбом, с низко подстриженной бородкой, коротким носиком, среднего роста, щуплый, живой, нервный, похожий, вопреки моим ожиданиям, больше на козла, чем на буйвола. Вопрос удушения теперь можно было не рассматривать. В одной руке он держал стакан с кофейной гущей, второй быстро поправил на носу большие квадратные очки.

Я пошевелилась, потому что подоконник врезался в ногу. Муж вздрогнул, упустил ложечку, вздрогнул ещё сильнее, нагнулся, перевернул стакан, успел его поймать, поднял ложечку, у него соскочили очки, он поправил их ложечкой, подул на неё и вставил в стакан. Я с напряжением наблюдала за этими штуками, момент показался мне решающим. Узнает или нет?..

Муж придержал второй рукой дрожащий стакан и дважды кашлянул.

— Это... хм... ты уходишь или возвращаешься?.. — неуверенно спросил он каким-то странным, хриплым голосом.

Испытав безграничное облегчение, я поняла насколько была напряжена. Однако!.. Не узнал! Принял меня за Басеньку! Причём здесь, в ярко освещённой кухне!...

Я перебросила ноги внутрь, слезла с подоконника и некоторое время

боролась с нежеланием обращаться на «ты» к чужому человеку, которого видела первый раз в жизни.

— Вода кипит, — холодно сказала я, помня об оставленных мне инструкциях. — Чайник сгорит.

Муж смотрел на меня так упорно, что я с трудом поборолла желание прикрыться посудным полотенцем. Он поставил стакан и закрутил газ. Я гордо прошествовала мимо и покинула кухню.

Комнату Басеньки я без всякого труда нашла наверху, на этом успехи закончились. Оставшаяся часть вечера представляла собой сплошную полосу кошмаров и страданий.

В кухню я спустилась через добрых полчаса, с намерением приготовить себе ужин, поскольку испытанное облегчение вернуло аппетит, утраченный из-за переживаний. Казалось бы поужинать очень легко, даже в чужом доме. Возможно. Но только не в доме Басеньки.

Муж в комнате внизу устался в телевизор, выкрутив звук на всю катушку, чего я не переношу всей душой, это жутко меня раздражало. Я не знала, должна ли я потребовать сделать потише, или же наоборот — не обращать внимания. Я надеялась, что быть может соседи отреагируют, но соседи, по-видимому, были глухими, как трухлявые пни. Выведенная из равновесия могучим рёвом, я никак не могла найти самых простых вещей, чая, соли, сахара, столовых приборов. Солонка была пустой, сахарницы не было вовсе, а из столовых приборов лежала только одна вилка. Близкая к обмороку, я обыскала всю кухню, утверждаясь во мнении, что Басенька должно быть помешалась. Все было странным образом перемешано. Ложки, ножи и вилки нашлись в шкафчике под холодильником, где можно было ожидать урну для мусора. С макаронами и мукой были перемешаны моющие средства, печенье лежало в холодильнике, а банка с чаем на буфете, в ящике с кухонными приборами. Было похоже, что в области выходок, хозяйка этого дома дошла до совершенства. Кроме всего прочего, во время поисков приходилось внимательно следить, не приближается ли враг, который мог войти и поинтересоваться, чего это я ищу. Чудачества чудачествами, но ведь Басенька — это я, даже если я назло ему что-то и спрятала, то должна знать куда. Не прятала же я от себя!

У мужа перестал рычать телевизор и он высунулся из комнаты как раз в тот момент, когда я собиралась покинуть кухню и отправиться наверх. Мы одновременно отпрянули, после чего одновременно возобновили попытки выйти. Я хотела пропустить его, чтобы он шёл ко всем чертям и не смотрел на меня так нахально в первый же вечер, поэтому я снова отпрянула, но он сделал то же самое. Было похоже, что мы останемся в

своих дверях до судного дня, он проведёт остаток жизни в комнате, а я на кухне. В голове пронеслась мысль, что он умрёт первым, даже если он забрал сахар — надолго не хватит, его ожидает голодная смерть. По-моему он подумал о том же, потому что вдруг выскочил из комнаты и дикими прыжками понёсся наверх. Путь был свободен.

За всем этим я забыла о том, как выгляжу. Взгляд в зеркало в комнате Басеньки чуть было не закончился обмороком, я вдруг увидела абсолютно чужое лицо. Я присмотрелась к себе и немного отошла от жутких переживаний. Понятно, если я так выгляжу, он считает меня своей женой и у него не возникает никаких подозрений! Развитие событий продемонстрировало, что взаимная неприязнь супругов Мачеяк достаточно окрепла и контакты на самом деле не будут слишком оживлёнными...

* * *

Бывший гараж был поделён на две части. В большей разместился муж вместе с помощником. Меньшая, с окошком под потолком, тем самым, над которым я влазила в дом, бала рабочим местом жены. На столе был разложен лист астралона с начатым узором, очень простым, составленным из кружочков и полумесяцев.

Я сидела над работой, продолжение которой не составляло для меня ни малейшего труда, и разбиралась в текущих ошибках и достижениях, пытаюсь, при случае подавить зависть, которая охватила меня утром, при виде комнаты Басеньки. Меблировка комнаты показалась мне потрясающей. Я могла согласиться с висящим на стене гениальным, безукоризненным зеркалом, могла простить серебряные, в стиле рококо подсвечники, могла пережить туалетный столик, тем более, что на мой вкус он был маловат, и кручёное кресло, но не могла забыть про комод. Всю жизнь я мечтала стать обладательницей комода, а этот, ко всему прочему, был fynbrdfhysv. Если бы я увидела его в музее, несомненно посчитала бы его настоящим рококо, но я не верю в настоящее рококо в частном доме, и решила, что это имитация. Но имитация достойная восхищения.

Я досконально его осмотрела, на четвереньках облазила его вокруг, и чуть не обнюхала. Он был не в лучшем состоянии и требовал обновления. Замочек одного из ящичков был повреждён, а вся поверхность была покрыта многочисленными царапинами, одна из которых, с боку, по форме походила

на морского конька. Зависть привела к тому, что в памяти сохранились мельчайшие детали предмета мечтаний. У этой Басеньки действительно было слишком много всего! И большие чувства, и комод, не говоря уже про вольво, не знаю, заслуживает ли всего этого женщина, которая не держит дома соли и сахара!

Простота узора позволяла спокойно занять мысли чем либо другим, для работы нужны были только руки. Неизвестное имя собственного мужа до сих пор меня беспокоило, но эта неприятность не столько уменьшилась, сколько отошла на второй план, смещённая комодом, тем более, что с предыдущего вечера я мужа и не видела. Его было слышно в помещении рядом, где он тяжело и добросовестно работал вместе с помощником. Я надеялась, что помощник обратится к нему так, чтобы прояснить дело, скажет например «пан Каэтан», или «пан Ипполит», или, на худой конец, «пан Зенек», это безразлично, в любом случае из этого можно будет выяснить как его окрестили, другого способа добыть информацию я не видела. Перед тем, как приступить к работе, я обыскала всю комнату внизу, думая, что найду какой-нибудь документ, письмо, бумажку, на которой увижу имя хозяина дома, но убеждение оказалось ошибочным. Чёртова прислуга, отправляясь в отпуск, поубирала все с нечеловеческой тщательностью. Вместо имени я нашла поразительные количества сахара в четырех сосудах, расставленных в самых неожиданных местах. Две сахарницы стояли в библиотеке, среди книг, одна в баре, среди бутылок, а одна — под телевизором. Я подумала, что соль скорее всего найдётся в коробке с пылесосом. Кроме того меня сильно нервировал страшный скрип двери, которую по этой причине пришлось оставить открытой, чтобы не сообщать пронзительным визгом о каждом передвижении.

Занявшись размышлениями я чуть было не пропустила момент выхода за покупками. Я машинально глянула в окно, чтобы проверить погоду, и на мгновение остолбенела.

В окне торчала губа. Это была такая страшная губа, что прежде чем я припомнила, что все губы, прижатые к стеклу, производят не самое лучшее впечатление, испытала потрясение. Я даже удивилась, что не закричала, не грохнулась в обморок и не впала в истерику. В первый момент мне показалось, что это муж, что казалось ещё более ужасным, потому как все это время его было слышно рядом, и ему бы пришлось раздвоиться, но вскоре заметила разницу. Губа была толстой, широкой, имела рыжий окрас и тупо ритмично двигала челюстью. С минуту она позволила смотреть на себя, после чего исчезла.

Я превозмогла одеревенение. Твёрдо решив не давать терроризировать

себя губам без туловища, я выскочила наверх. Бросилась к кухонному окну, потом к двери и успела ещё заметить владельца губы. Он медленно перемещался вглубь улицы и производил впечатление недоразвитого, обшарпанного дебила.

Нет, то во что я впуталась, не было спокойной жизнью. Даже в машине я не перестала нервничать, потому что документы Басеньки вылетели у меня из головы, я не оставила их дома и имела при себе все, что грозило мне пятилетним заключением. Ни разу в жизни я так точно не соблюдала правила движения!

Следующее потрясение ждало меня ближе к вечеру, когда, отработав своё, я вернулась наверх. В прихожей, услышав звонок телефона, я с перепугу не смогла вспомнить, где он стоит. В голове пронеслось, что будет глупо, если появится муж и увидит как я разыскиваю эту адскую машину по всей мебели, если звонят ему, придётся его позвать, а я не знаю имени, я не смогу узнать не ошибка ли это, лучше будет если трубку возьмёт он, а если звонят Басеньке, то вообще не понятно что делать. Одновременно меня осенило. Из-за амуров пана Паляновского я должна была сдуреть окончательно, если мне до сих пор не пришло в голову, что у меня есть телефонная книга, а в книге имя, фамилия и адрес!..

Телефон нашёлся сразу, на полочке за кипой журналов. Мне правильно казалось, что он стоит где-то низко. Телефонная книга лежала рядом, я заколебалась что делать в первую очередь и услышала как бежит по лестнице муж. Он появился на пороге, внезапно остановился, удивлённо посмотрел на меня и поправил очки. Телефон надрывался.

— Чего ты ждёшь? — подозрительно спросил муж. — Возьми это!

Ещё чего! В его присутствии?!..

— Сам возьми, — со злостью ответила я, увидев в этом наилучший выход из положения.

— Исключено! Это наверняка тебя! Я... это... Хочу послушать ваш разговор!

Он даже отошёл на шаг в холл, демонстрируя тем самым непреклонное намерение не трогать телефон. Я было запротестовала, но пронзительный звук слишком меня раздражал. Не скрывая обиды и отвращения я подняла трубку.

— Алло! — сказали оттуда. — Добрый день, это Викторчак. Муж дома?

Викторчак, так ясно и просто решивший все вопросы показался мне симпатичным. Стало немного легче.

— Викторчак, тебя, — с удовлетворением прошипела я, закрыв трубку

рукой. — Да, пожалуйста, он уже идёт, — добавила я Викторчаку.

На лице внимательно наблюдающего за мной мужа промелькнул явный испуг. Он заколебался, открыл рот, ничего не сказал, неохотно подошёл и взял трубку. Было похоже, что этот Викторчак как-то очень не вовремя. Он стоял с трубкой и смотрел на меня с таким же отвращением, как и я на него. Было видно, что он не хочет начинать разговор, пока я не выйду из комнаты. В подсознании что-то щёлкнуло, меня поразило удивительное сходство наших желаний. На его месте, я бы тоже ждала, пока он выйдет...

Меня не интересовали его переговоры с Викторчаком, я забрала у него из-под носа телефонную книгу и демонстративно направилась с ней на кухню. В тот момент, когда я нашла целую кучу Мачеяков и выбирала нужного, муж, просунув голову в дверь, появился снова. Он явно начинал меня настойчиво преследовать.

— Слушай... — неуверенно начал он и внезапно остановился. Он смотрел на меня неуверенно, как бы с сомнением, отчего мне стало не по себе. Я перепугалась, не стёрлась ли случайно родинка.

— Слушай... — повторил он. — Чего ты ищешь?

— Прачечную пера, — не раздумывая ответила я, вспомнив о своём праве на странности.

— Прачечную чего?!..

— Пера. Такие белые, из птиц.

— А... На кой черт тебе прачечная пера?

— Для стирки. Перья стирают, когда они грязные.

— А!..

Замешательство мужа было явным. Минуту он неуверенно смотрел на меня, потом вдруг очнулся, будто вспомнив, зачем пришёл. Не за информацией о прачечной пера, это уж точно.

— Слушай, когда ты закончишь? — торопливо спросил он.

Мне опять стало не по себе. Я не имела понятия о том, что ему нужно. Когда я закончу искать прачечную пера?..

— Что, когда закончу? — неуверенно поинтересовалась я, с трудом избавляясь от паники в голосе.

— Тот узор, который ты делаешь. Викторчак говорит... То есть, он его уже ждёт.

Теперь замешательство перешло ко мне. Шаблон я могла закончить за три часа. Я собиралась делать его три недели. Если я его закончу, то что, ради бога, делать со следующим? Откуда я возьму новый проект? Сознание того, что я не должна делать его сама, ударило меня как обухом и

ошеломило окончательно. Я смотрела на этого мерзкого человека и смотрела, голос не хотел меня слушаться.

— А... потом?... — наконец очень осторожно спросила я.

— Что, потом?

— Следующий узор? У тебя есть какой-то выбранный?

Муж казался был полностью сбит с толку. У уже решила, что все кончено, это как раз тот самый случай, при котором обман должен открыться. Внутри все похолодело.

— Как же... — беспомощно сказал муж, ошеломлённо уставившись на меня. Ведь есть... это... три выбранные. Там... в ящике. Ты сама спрятала.

Мать божья, сама спрятала... В каком ящике, где это искать?!.. Может я потеряла? Тоже не хорошо, не потеряла же я их вместе с ящиком?..

— Викторчаку надо все сделать, — нервно произнёс муж. — Так когда ты закончишь?

Испуг не дал мне задуматься. Черт с ним, будь что будет!

— Завтра, — ответила я, желая любой ценой от него избавиться. — После обеда.

Просунутая в двери голова исполнила размашистый кивок и муж исчез. Я чувствовала себя так, будто чудом выжила в железнодорожной катастрофе, и сидела над телефонной книгой, пытаюсь успокоиться. Пан Паляновский гарантировал отсутствие контрактов... Почему этот идиот до сих пор не понял, что я не его Басенька?! Смотрит на меня вблизи, разговаривает, наверное, он слепой и недоразвитый...

Увидев очевидную умственную отсталость этого балбеса я вернулась к телефонной книге и нашла то, что нужно. Мужа звали Роман. Роман Мачеяк, кандидат химических наук. Правда, оставалась возможность, что Басенька называла его Тютюстиком, Рыбкой, Котиком или как-то иначе, но в состоянии войны это можно было не принимать во внимание. Никаких ласк, Роман и точка!

— Барбара, — сухо произнёс мой супруг, когда я, положив телефонную книгу, намеревалась покинуть комнату, заражённую его присутствием. Я повернулась и посмотрела на него исключительно потому, что он вообще издал какой-то звук, мне даже и в голову не пришло, что Барбара — это я.

Муж вдруг стал каким-то неуверенным и беспокойным.

— Слушай... Ты должна написать мне письмо. На машинке. Я продиктую.

Я застыла в дверях. Конечно, разговор о том, что Басенька занимается его корреспонденцией был, пан Паляновский меня предупреждал,

пропущена была только одна мелочь. А именно — местонахождение пишущей машинки. Я обыскивала этот дом, нашла сахар, нашла имя, нашла даже недостающие столовые приборы и соль, в супнице, кстати говоря, но пишущая машинка мне на глаза не попадалась. И что мне теперь делать?...

Вдруг на меня снизошло вдохновение.

— Пожалуйста, — холодно сказала я. — Вечером, когда вернусь с прогулки. К тому времени будь любезен приготовить машинку и бумагу.

— Хорошо, когда вернёшься — поспешно согласился муж. — Только не возвращайся слишком поздно.

Я исполнила его желание и не стала сильно задерживаться на прогулке. Вид, который я застала по возвращению, подействовал успокаивающе. На низком столе в комнате стояла машинка, рядом лежала бумага, а муж искал что-то в громоздком сооружении одновременно являющимся буфетом, библиотечкой, стеллажом и шкафом. Кроме этого монстра, там было ещё немного мебели, подобранной достаточно старательно, кроме всего прочего и старинный секретер с миллионом ящичков и дверок.

Я пошла наверх переодеться и, спускаясь вниз, услышала как в этой комнате что-то гроыхнуло. Это меня заинтересовало. Я успела подумать, что муж, не дождавшись меня, в сердцах разбил пишущую машинку, после чего увидела причину грохота.

Самый большой ящик секретера лежал на полу, вокруг него валялись россыпью такие же старые серебряные ложки, ножи и вилки, одни в упаковке, другие россыпью, а посреди этих сокровищ ползал сильно взволнованный хозяин дома, поспешно все собирая и заталкивая обратно. Страшно подумать, как много приборов поместилось в такой маленький ящик.

— Я забыл про эту сломанную рейку, — буркнул он, не глядя на меня.

Я не обратила на него внимания и бросилась к машинке, чтобы проверить её тип. Глупо было бы искать запяную, кавычки и восклицательный знак по всей клавиатуре, которой, как видно, я пользуюсь почти каждый день. С облегчением я увидела старенькую Оливетти, то есть то, что случайно знала лучше всего.

Муж вылез из-под кресла, с большим трудом вставил ящик на место, после чего, прохаживаясь по комнате, почёсывая затылок и поправляя очки, продиктовал мне три письма официального содержания. Меня немного удивило, что во всех он передвигает сроки с марта на апрель и отказывается от приёма заказов, я не заметила в мастерской особой спешки,

но не обратила на все это внимания, обдумывая хитрый ход, благодаря которому я смогла бы узнать место укрытия этой чёртовой машинки. Я напечатала адреса, вложила письма в конверты, вышла на кухню, зажгла свет, после чего на цыпочках вернулась в прихожую и спряталась за лестничной клеткой. В случае чего, я могла убежать в подвал. Сильно скрипящие двери были открыты, и мне было прекрасно видно.

Муж собрал свои письма, поднял машинку и засунул её глубоко под секретер. Можно было перестать подглядывать, но меня заинтересовали его дальнейшие действия. Он осмотрелся вокруг, как-то очень подозрительно и неуверенно, отложил бумаги на кресло, и внимательно принялся изучать остальные ящики секретера. Он осторожно открывал их, заглядывал внутрь и закрывал. Один, в самом низу, открыть не удалось, по-видимому он был заперт на ключ. Он подёргал за ручку, после чего задумался на ящиком.

Я смотрела на него со все большим удивлением. Что это должно было значить? Может от всех этих матримониальных потрясений он свихнулся? Даже если ящик закрыл не он, а эта упрямая Басенька, не сегодня же он это заметил? Он должен знать, что в доме открыто, а что заперто!

Мне пришло в голову, что Басенька могла закрыть его в последний момент, из-за меня, спрятав там что-то, что я могла украсть. Она наверное чокнулась, потому что оставила мне золотые часики, колечко с бриллиантом, мужа, меха, машину, стоимостью в пол миллиона с лишним злотых и закрыла какой-то паршивый маленький ящик. Что она там держит, Кохинор?

Муж вёл себя загадочно. Он осмотрел секретер со всех сторон, заглянул под него, поднялся, беспомощно осмотрелся и почесал голову. Сначала он сделал это одной рукой, потом двумя и пахал ногтями причёску с такой силой, будто у него, как минимум, был лишай. Лицо его вдруг оживилось, он быстрым шагом прошёл в угол и раскрыл большой выпуклый футляр. Я с самого начала знала, что это старая довоенная зингеровская швейная машинка, я узнала её, потому что когда-то точно такая же стояла в доме моей бабки. Довоенная швейная машинка в комнате, где рядом с современной мебелью находились невероятные древности, конечно могла удивить, но не своего же владельца!

Открыв машинку муж алчно уставился на неё и явно остолбенел. Какого черта? Он не знал, что у него дома есть швейная машинка? Или первый раз оказался в этой комнате?... Некоторое время он с каким-то оловянным выражением разглядывал её, потом вдруг закрыл и вновь принялся оглядываться. Очки его дико блестели, волосы после чесотки растрепались, движения были нервными, он производил очень пугающее

впечатление. Псих и только. Боже мой, меня заперли в одном доме с сумасшедшим!..

Псих явно что-то искал. Он открывал двери этой махины во всю стену, хлопал ящиками, что-то передвигал и, наконец, затих вне моего поля зрения. Либо нашёл, либо отказался от поисков. Я вышла из-за лестницы и заглянула в комнату. Псих стоял в углу, заложив руки за спину и мерно раскачивался вперёд-назад. На лице его рисовалось тупое раздражение. Что же он потерял, бога ради, что эта пигалица от него спрятала?!...

Я заканчивала ужин, когда он появился в дверях. Меня сразу охватили дурные предчувствия.

— Я бы хотел получить иголку с ниткой, — угрюмо и недоброжелательно произнёс он.

Ужин застрял у меня в горле. До меня дошло что он искал — иголку с ниткой, идиотское желание! Интересно, где я их ему возьму? Черт знает, куда их Басенька спрятала, наверное, в стиральную машину... Никакие устройства для шитья, кроме машинки, не попадались мне на глаза, не начинать же искать при нем в самых неподходящих местах.

— С какой ниткой? — спросила я, чтобы выиграть время.

— Чёрной и белой, — ответил он после короткого унылого размышления. — И булавку. Две булавки.

— Так возьми. Разве я тебе запрещаю?

— Я не буду рыться в твоих вещах, — обиделся он. — Если лежит сверху, я возьму сам. Ты все прячешь неизвестно где. Мне нужна иголка с ниткой.

У меня чуть не вырвалось, что это не я, а Басенька. Действительно, она прятала все неизвестно где...

— Завтра, — огрызнулась я. — От шитья по ночам глаза портятся.

— Можно и завтра, только утром.

Почти пол ночи я потратила на поиски. Как я и предполагала, в ящиках швейной машинки было все, что угодно, только не то, что нужно. В одном лежало множество бутылочных пробок и, о чудо, штопор для них, в другом — мелки, карандаши, ручки и перья для туши. В комнате прислуги я нашла портняжный метр и бельевые прищепки. От швейных принадлежностей не было и следа. У меня не было другого выхода, как назавтра произвести соответствующие покупки в магазине, сумма в пятьдесят тысяч злотых за все эти хлопоты перестала казаться мне слишком большой.

Утром я холодно уведомила мужа, что чёрные и белые нитки кончились, остались только розовые, а поскольку ниток нет, игла ему ни к чему. Я куплю их чуть позже, и он получит все после полудня.

Информацию он воспринял не протестуя, но с очень унылым выражением лица.

Покупая при случае косметику, я подумала не должна ли вместо мыла покупать например шампунь или крем. При таком количестве странностей Басеньки, моё относительно нормальное поведение может показаться подозрительным. Несомненно, Басенька чувствовала себя свободнее, и тем не менее какую-нибудь глупость придётся придумать.

Получив нужные иглы и нитки в новенькой упаковке, муж ничуть не удивился. Было похоже, что все в порядке. Облегчение, которое я испытала после очередного потрясения, повлияло на мои умственные способности и я не задумалась, что все проходит слишком легко...

С каменным спокойствием я восприняла присутствие рыжего дебила, сидящего на корточках за окном. Он заглядывал внутрь, смотрел за моими руками, когда я продолжала круги и полумесяцы и ритмично шевелил массивной челюстью — или жевательная резинка, или нервный тик. В конце-концов это жевание стало меня раздражать, я бы с удовольствием попросила его убраться, но сомневалась, не принадлежит ли он к инвентарю, и не является ли его присутствие чем-то обычным, нормальным и вообще желанным. Пан Паляновский с Басенькой пропустили столько вещей, что запросто могли забыть и рыжего дебила.

Ближе к вечеру я отдала мужу законченный рисунок. Он с ним не церемонился, свернул в рулон, профессионально проверил, как он стыкуется со всех сторон, перевязал его шнурком и жестом позвал меня за собой:

— Поехали, — тихо потребовал он.

Как раз в этот момент я пришла к утешительному выводу, что если он до сих пор не раскрыл обмана, то не раскроет его никогда, и я могу не волноваться. В ответ на просьбу, внутри что-то ёкнуло. Куда, ради бога, мы должны ехать?! Что за животное, получил нитки и иголки, получил рисунок и даже булавки, что ему ещё надо? Пан Паляновский про поездки не говорил!

— Ну, поехали! — повторил муж, потому что я осталась сидеть за столом и тупо всматривалась в его постоянно спадающие очки. — Чего ты ждёшь?

— Куда? — запротестовала я тоном глубочайшей обиды.

— Как куда? К Земянскому!

Господи, кто такой Земянский?!..

— Не хочу, — твёрдо сказала я, — езжай сам.

Муж уже был в дверях, он моментально остановился и обернулся.

— С ума сошла? Думаешь я буду носиться с этим по городу и искать такси? А с шаблоном мне потом тоже бегать? Что за новые фокусы?

От волнения я слегка потеряла и поднялась с кресла. Муж направился вверх по лестнице. Я медленно пошла за ним, не зная, что делать, потому что вдруг вспомнила, что пан Паляновский, что-то на этот счёт говорил. В семействе Мачеяков на личной почве идёт война, а на почве работы царит мир. Культивируемая среди них общность интересов вынуждает меня к сотрудничеству, я должна отвезти его к Земянскому, который, по-видимому, делает шаблоны из узоров, но как я его отвезу, если не имею ни малейшего понятия, где это! Хоть бы знать в какую сторону от дома ехать!..

Муж стоял на последней ступеньке лестницы.

— Поспеши, — нетерпеливо произнёс он. — Надо успеть до шести.

Я опёрлась на перила внизу.

— Это продлится слишком долго, — немного неуверенно сообщила я. — Сейчас у меня нет времени.

— Что значит, нет времени? Ты же знала, что его надо отвозить, не для того же ты его заканчивала, чтобы он лежал!...

— Желания у меня тоже нет...

На мгновение муж оцепенел. Он беспомощно смотрел на меня, на лице его появился испуг, у него свалились очки, он их поправил и вдруг разъярился:

— Я не позволю тебе переворачивать все вверх ногами! — заорал он. — Я знал, что ты придуриваешься, но не до такой же степени! Садись в машину и немедленно едем, это займёт у тебя пол часа. Черняковская не на краю света! Я все могу вынести, кроме этого!!!

Он взмахнул руками, зацепил рулоном за перила и чуть не свалился с лестницы. Я испугалась, что он упадёт на меня. Он рычал что-то ещё, но я уже не слушала, потому что узнала самое главное. Я знаю, куда ехать, кроме того, все сходится — личная война и служебный мир, я должна послушно отвезти его, истекая по дороге ядом и ненавистью. Может у Земянского есть какая-то вывеска...

Вдруг я вспомнила, что должна знать, где это, когда-то я там была. Пару лет назад, когда я делала такие узоры, меня один раз отвезли к парню, делающему шаблоны из матриц, чтобы что-то там поправить на рисунке. Конечно же, это было на Черняковской. Рядом была вулканизационная мастерская, в моей памяти навсегда запечатлелся образ элегантно одетого человека, который пытался поднять колесо, вместо того, чтобы его катить. В конце-концов это ему удалось, и он с кряхтением потащил это колесо в объятиях. Такое не забывается.

— Заткнись, — сказала я, проходя мимо мужа. — Я уже иду.

Прежде чем мы добрались до Черняковской, я поняла причину, по которой машиной пользуется исключительно Басенька. Где-то посреди Хелмской, муж, до сих пор сидящий спокойно, судорожно схватился за приборную панель и странно зашипел. Я удивилась, потому что на проезжей части ничего не происходило, я не делала ничего необычного, ехала нормально, никаких препятствий не было. Муж дико вытаращил глаза, что было заметно даже через очки.

— Помедленнее! — прохрипел он. — Куда ты так гонишь, помедленнее!

Я глянула на спидометр, испугавшись, что у меня какие-то видения, и я теряю связь с действительностью, что при сложившемся положении вещей было вполне возможно, а может это машина свихнулась и едет сама. На спидометре было 65, поэтому я снова посмотрела на мужа, неуверенная в этом ли дело. Я сбавила до шестидесяти, но это не помогло, он продолжал судорожно цепляться за панель и сопеть. При повороте направо, на скорости 15 километров в час, он закрыл глаза и застонал так, будто я проходила этот поворот юзом, над краем пропасти. Стало понятно, что он страдает какой-то автомобилефобией и любая скорость кажется ему сумасшедшей. Странно было только одно, что он впал в панику на Хелмской, где я ехала ровно и не очень быстро, а не на Бельведерской, где я добавила газа, обогнала два автобуса, фольксваген и фиат, перед перекрёстком шла под девяносто, в последний момент притормозила и свернула налево под носом у мчавшегося из Виланова мерседеса. На Хелмской я сбавила скорость, потому что вспомнила, что боюсь Службы Движения.

Я ехала медленно, напряжённо высматривая вывеску вулканизационной мастерской. За мной ехало такси марки «варшава», которое я попыталась пропустить, чтобы не путаться у него под носом, но безуспешно, такси везло сильно пьяного пассажира. Время от времени оно останавливалось и было видно, как водитель пытается добыть из пассажира информацию о цели путешествия. Было похоже, что пьяница либо живёт в нескольких местах сразу, либо нигде. Я была в похожем положении, то есть тоже не знала куда еду, в конце концов пришлось прибегнуть к новой хитрости.

— Куда ты хочешь ехать? — сварливо спросила я.

Муж вдруг очнулся и перестал бояться.

— Все равно. Куда хочешь.

— Я вообще никуда не хочу. Это ты хочешь. Пожалуйста, какой

дорогой?

Он странно посмотрел на меня, постучал пальцем по лбу и сделал жест подбородком:

— Налево. И направо. Не понятно, как здесь можно найти другую дорогу, она вообще одна...

Передо мною появилась вулканизационная мастерская. Земянский должен быть рядом. Я вдруг сделала открытие. Наконец-то я поняла, откуда появились успех этого идиотского представления и слепота мужа, который не узнает собственную жену. Эта Басенька действительно приучила его ко всевозможным бредням и глупостям, заменять её можно как угодно, главное — сохранить внешнее сходство. Действительно, с моей стороны его ничто не удивит...

Муж достал с заднего сиденья рулон и вышел, приказав мне подождать. Он вошёл как раз в тот двор, перед которым я остановилась, что указывала на то, что сама о том не ведая, я подъехала точно к Земянскому. Такси с пьяницей наконец-то меня обогнало и остановилось в нескольких метрах впереди. Пьяница начал высаживаться. Он закачался, упал на капот, с видимым усилием перевернулся и, опершись на машину задом посмотрел вокруг, размахивая руками. Потом, не отрываясь от кузова, он доковылял до дверей и начал садиться обратно. Было видно, как водитель пытается его отговорить.

Я с интересом присматривалась к этой сцене и одновременно думала, не надо ли оставить здесь мужа и сбежать. Если первое поручение я выполнила успешно и послушно, второму должна воспротивиться. Прежде чем я приняла решение, муж вернулся.

— Теперь подбрось меня домой, — буркнул он.

Чуть не сорвав с петель дверь, пьяница наконец-то уселся в такси. Водитель казался смирившимся. Он развернулся раньше меня, но я обогнала его на первом же перекрёстке, после чего вольво показало, на что способно. Я подумала, что должна как-то продемонстрировать неприязнь к мужу. К моему удивлению, он сидел спокойно, принимая сумасшедшие манёвры машины с полным безразличием, и только на Бельведерской он, по-видимому осознал, что происходит, потому что его охватила просто божественная паника. К дому он подъезжал с крепко закрытыми глазами.

Через три дня я окончательно успокоилась и почувствовала себя свободнее. Все шло по плану. В ящике стола в мастерской я нашла множество рисунков и эскизов Басеньки, среди них три скреплённых вместе и отмеченных карандашом — несомненно те самые, выбранные. Я прикрепила к доске новый лист астралона и начала новый узор, к которому

внимательно приглядывался дебил за окном. Муж хлопот не доставлял, вёл себя нормально, как муж, избегал меня так же старательно, как и я его, я его почти не видела. Я обрела равновесие, ко мне вернулась трезвость ума.

Потом я начала удивляться.

Ослеплённый сначала оригинальным романом пана Паляновского, а потом паникой и волнением, мозг наконец-то возобновил свою работу. Что-то здесь не сходилось.

Притворяться Басенькой было подозрительно легко. Если бы муж время от времени встречался со мной только на улице, в тряпках, которые он помнит и знает, и даже если бы он видел меня вблизи, ошибка была бы понятной. Я выглядела абсолютно как Басенька, каждый день, перед выходом из комнаты, я сравнивала лицо в зеркале с лицом на фотографии, точно придерживаясь указаний гримёра. Но лицо же это не все, у человека есть разные индивидуальные черты...

Я удивилась, как он до сих пор не разоблачил обман, но в то же время возникло ощущение, что это вовсе не то, чему следует удивляться, и вообще, дело не в этом, а в чем-то другом. Есть здесь что-то такое, чего я не понимаю, и от этого, все кажется ненормальным...

Я мыла посуду на кухне, старательно пропуская приборы использованные мужем, когда он вдруг просунул голову в дверь.

— Где уют? — безразлично спросил он.

Нож и вилка вылетели из рук. Опять началось!.. Я не имела никакого понятия, где может быть уют, так же, как до сих пор не обнаружила швейные принадлежности. Я почувствовала, что меня снова охватывает паника. Я тут же прокляла Басеньку за идиотскую идею спрятать все от него и от меня.

— Там где и должен быть, — сказала я раздражённо. — А если нет, то в другом месте. У тебя есть глаза, можешь и сам поискать.

Муж уныло посмотрел на меня, заколебался, как будто хотел что-то сказать, но отказался. Он пожал плечами и убрал голову.

Я кончила мыть посуду и приступила к поискам уюта. Что, черт возьми, могла с ним сделать Басенька? Может выбросила в окно, как те тарелки, и теперь он лежит в саду и ржавеет?.. Что бы она с ним ни сделала, я должна знать, потому что Басенька — это я.

Муж отказался от глупых вопросов и тоже искал, пытаясь скрыть поиски от меня. Точно также я скрывала свои от него. Мы вдвоём посвятили себя одной цели, до тех пор пока уют не заполнил собой весь мир.

Исследуя в двадцатый раз кухонные закутки, я слышала, как муж

вышел в прихожую и начал рыться в шкафу под лестничной клеткой. Я решила подождать пока он закончит. Шум раздавался довольно долго, наконец он затих, я подождала ещё немного, после чего, уверенная, что муж удалился, выглянула в холл.

Он стоял над пылесосом, тряпками и щётками, извлечёнными из шкафа, как символ нужды и отчаяния, и чесал голову рукой сжимающей очки. При моем появлении он смешался, в глазах его мелькнула паника, он торопливо одел очки и начал запихивать все обратно в шкаф.

— Конечно! — сварливо произнёс он. — Нет и этого... Ну... Вообще ничего нет!

Было понятно, что нет ни вообще ничего, а только утюга. Я стояла, как соляной столб, смертельно удивлённая, поскольку мне пришло в голову, что он меня боится. Самым настоящим образом боится меня также панически, как и я его. Мы боимся друг друга, где в этом смысл, где логика? Я то понятно, но почему он?!..

Я попыталась над этим задуматься, но утюг помешал. Чтоб они треснули, и Басенька и пан Паляновский! Не в силах оторваться от проклятого предмета, я решила обнаружить его используя дедукцию, хоть и сомневалась, справится ли дедукция с этой идиоткой. Муж сбежал из холла. Я стояла и думала.

Утюг должен лежать там, где гладят, вместе с гладильной доской. Гладильной доски я тоже нигде не видела, а она побольше утюга и поместится не везде. Вообще-то в этом доме есть прислуга, она гладит, если не на кухне, то где? Не в подвале же, не в ванной! Где может гладить служанка?.. Конечно в своей комнате!

Я обрела способность двигаться. Гладильная доска стояла за шкафчиком в комнате прислуги, утюг находился рядом — на полочке. Я чуть было не помчалась поделиться радостным открытием с мужем, но к счастью меня остановила следующая трезвая мысль.

Утюг действительно был там, где должен, почему же он не мог его найти? Не знает, что в доме есть прислуга?... Допустим, что он никогда в жизни ничего не гладил, даже подштанников, допустим, о работе прислуги он не имеет понятия и вообще ею не интересуется, допустим, что утюг понадобился ему в первый раз... Порядок — возможно, он не знал, где он стоит. Искать он тоже имел право, но почему в таком страхе передо мной?!

Мысли смешались окончательно, понять этого не удавалось никак. Я подумала, может, он делает что-то нелегальное, мошенничает, жульничает, злоупотребляет, черт знает, что ещё, и боится, что Басенька все узнает. Этот звонок от Викторчака, когда он не хотел разговаривать при мне... А может,

он знает, что Басенька это не я, то есть я это вовсе не Басенька, он не боится настоящей Басеньку, но боится подставной, а свои мысли, по неизвестным побуждениям скрывает, притворяясь, что принимает меня за свою настоящую жену, и боится, чтобы я не поняла, что он притворяется...

Я почувствовала, что избытка страха и его причин, сама того и гляди свихнусь. Я запуталась в рассуждениях. Что-то во всем этом было очень странно...

Выходя на прогулку, у подножия лестницы я столкнулась с этим несчастным, испуганным и нервным придурком, мне стало его немного жалко.

— Конечно, утюга ты не нашёл? — пренебрежительно спросила я. — Я же говорила, что он на месте. В комнате прислуги. Не знаю, где твои глаза и ум.

— Я не видел, — пробормотал придурок, хмуро посмотрел на меня и скрылся в кухне.

С прогулки я вернулась довольно поздно, ничего плохого не ожидала и полностью была занята единственной темой, а именно — размышлениями о жене блондина из автобуса. Я уже в третий раз встретила его в скверике, у меня создалось впечатление, что он шатается там по вечерам от того, что с ней поссорился. Другого повода для его прогулок я найти не могла.

Я открыла двери, вошла в прихожую и на пороге комнаты увидела мужа, угрюмого, надутого, глядящего на меня жутким взглядом. Он понаполеоновски сложил руки и издавал какое-то странное булькающее бурчание. Я невольно остановилась, немного обеспокоившись и не зная, что это может значить. Муж внезапно сделал выпад ногой в прихожую.

— Негодяйка!!! — неожиданно громким басом зарычал он.

Я опешила. Я ожидала всякого, но не такого! Что на него нашло?! В полном ошеломлении я уставилась на него, не понимая причин такого странного поведения.

Муж убрал ногу, сделал выпад другой, это стало похоже на гимнастические упражнения, взмахнул руками, некоторое время казалось, что он пытается что-то вспомнить, наконец он погрозил мне кулаком:

— Шлюха!!! — для разнообразия дискантом завыл он. — Я знаю все!!! Я не дам мараť своё имя по сточным канавам!!!

Я окончательно остолбенела. Ради бога, какие сточные канавы?! О чем речь, о грязи в скверике? Да, действительно, там грязно, но никакого имени я там не марала, только Басенькину обувь... Нажрался он что-ли?.. Я с удивлением смотрела на него, не могла ни с чем связать этот цирк, и вообще, не зная что делать. Принять участие в скандале, повернутся и

убежать, обидеться?.. Никаких инструкций по этому вопросу я не получала...

— Мне надоели твои любовники, больше я этого не потерплю!!! — сходил с ума муж, не переступая порог комнаты. — Ты моя жена!!! Убью гада!!! Убью!!!!...

Гадом, которому угрожала опасность, мог быть только пан Паляновский. В качестве Басеньки я должна была позаботиться о сохранности почитателя и успокоить мужа. Законный владелец продолжал рычать, как раненный буйвол, сбивая меня с мысли.

— Заткнись!!! — внезапно крикнула я, ещё пронзительнее его. — Люди услышат!!!

Муж на полуслове остановился и застыл с кулаком, поднятым вверх. У него свалились очки, он поймал их и насадил на нос. Я брезгливо постучала себя пальцем по лбу и направилась в сторону лестницы.

— Я вообще не собираюсь говорить с тобой таким тоном, — гордо и обиженно сказала я. — Ни по каким сточным канавам я не хожу, перестань сходить с ума. Странные какие-то манеры...

Я начала подниматься вверх, остановилась посередине лестницы и повернулась:

— Если тебе что-то не нравится, можешь со мной развестись, — примирительно добавила я. — А вульгарных скандалов порошу избегать.

Муж обрёл способность к движению и даже как-бы обрадовался.

— Про развод можешь забыть, — сказал он нормальным голосом с отчётливым удовлетворением. — А с твоими поклонниками я разберусь. Я отлично знаю, чем ты занимаешься.

Я не удостоила его ответом, потому что все это казалось бесконечно дурацким и лишённым всякой логики. Если он знает, чем я занимаюсь, то цепляться не должен, не к чему. Может, посылаемые за мной типы, которых я, кстати, до сих пор не видела, со скуки что-нибудь придумали, а он им поверил. Эдак может дойти и до того, что блондин в скверике заговорит со мной и получит по морде...

Два дня мы совсем не разговаривали. На третий день муж нарушил тишину.

— Я еду в Лодзь, — без предисловий сообщил он, заглянув в мою часть мастерской. — Будь добра, отвезти меня на вокзал.

Я не протестовала, потому что он произнёс это таким тоном, будто доставка его на вокзал принадлежала к таким нерушимым традициям, как путешествие с рисунками к Земянскому. Слава богу, я знала, где вокзал. Кроме того, несколько часов полного спокойствия, без забот о лице, без

парика, казались мне райским отдыхом. Если я его не отвезу, он может вообще не поехать.

— Когда вернёшься? — спросила я по дороге, надеясь, что не раньше чем через неделю.

Он подозрительно посмотрел на меня:

— Как всегда, завтра. Очень рано, на рассвете.

Это меня не интересовало, на рассвете я не функционирую. Я ехала очень медленно, чтобы его не расстраивать, чтобы он, упаси боже, не отказался от поездки.

— Поспеши, мне ещё надо купить билет, — нетерпеливо произнёс он и тут же опомнился. — То есть, езжай медленно! Не несись так, никто тебя не гонит!

На этот раз я не собиралась убеждать его, что он просто чокнулся и просто не знает, чего хочет. Я исполнила его первое желание, отчего до самого центрального вокзала он цеплялся за приборную панель, попеременно закрывал и выпучивал глаза, постанывал и сопел.

— Тебе надо ездить на заднем сиденье, — неохотно заметила я, остановившись у вокзала.

— Зачем? — удивился он, внезапно лишившись страха, по-видимому он задумался о чем-то другом. — А!.. Нет, на заднем ещё хуже. До завтра.

* * *

Утром следующего дня меня разбудил звонок. Спросонья, находясь в полубессознательном состоянии, я посмотрела на часы. Была половина шестого. Я страшно разозлилась, но потянулась за халатом, чтобы спуститься вниз и взять этот чёртов телефон. Когда я была на лестнице, звонок повторился и оказалось, что звонят в двери. В бешенстве я подумала, что этот идиот забыл взять ключи и будит меня в такую рань, уж чего-чего, а этого я ему не прощу. Я все ещё не пришла в себя и даже не подумала, что у меня собственное лицо, без макияжа под Басеньку, то есть, мне нельзя никому показываться. Страшно зевая я открыла дверь.

За дверями стоял незнакомый тип.

— Куры здесь? — сердито спросил он.

Я взбесилась. Что за скотина, будить меня в половине шестого, чтобы спросить про кур!!!

— Нет, — гаркнула я, пытаюсь закрыть двери. Парень их придержал.

— А что? — нетерпеливо поинтересовался он.

— Крокодилы, — не раздумывая ответила я, готовясь задушить его голыми руками.

Несимпатичный тип будто засомневался:

— Ангорские? — неуверенно спросил он.

— Это переполнило чашу. В половине шестого утра — ангорские крокодилы!!!..

— Ангорские, — с яростью подтвердила я. — На луну воют.

— Морковку жрут?

— Не жрут. Трут на тёрке! Что, черт побери, вам нужно?!

Мужик казался непоколебимым.

— Должны были быть ангорские кролики, — недовольно сообщил он. — Вот, это для шефа. Надо отнести ему как можно скорее. Мачеяк здесь живёт?

Я еле удержалась, чтобы не проинформировать его, что не Мачеяк, а король Август Адольф.

— Мачеяк. Здесь.

— Тогда все правильно. Повторяю, это для шефа, отнести сразу.

— Не обращая внимания на моё сопротивление он всунул мне в руки большой и страшно тяжёлый пакет, размером с чемодан, и чуть не упустил его мне на ноги.

— Для шефа, — с нажимом повторил он и удалился прежде чем я успела возразить.

Я осталась за дверями совершенно сбитой с толку, придавленной тяжестью пакета, который весил килограмм сто и в котором, как я поняла, находилась морковь для ангорских крокодилов. До меня дошло, что я сделала одно из дел мужа. Ну что за кретин, бестолочь, скотина, договаривается о встрече на восходе солнца, а потом уезжает, специально, чтобы меня разбудили! С таким гадом я больше не выдержу, все, развожусь!

Мысль о морковке была настолько сильной, что я, не задумываясь о полной бессмысленности своих действий, отволокла пакет на кухню, с большим трудом установила его на столе, после чего вернулась в постель.

Муж объявился только к вечеру. К тому времени я уже успела проснуться, прийти в себя и задуматься. Тот невоспитанный тип, который спрашивал про крокодилов, в смысле про куриц, прибыл скорее неожиданно, недоговорившись, иначе бы муж хоть что-то сказал. Даже если бы он заранее не предупредил меня, что ожидает визита, спросил бы

после возвращения. Не спросил. Мне это показалось странным, тем более, что сопутствующие обстоятельства были очень оригинальными. В самом факте доставки пакета для какого-то шефа я не видела ничего странного, в конце-концов можно было согласиться даже со временем суток, но сопутствующий диалог был верхом идиотизма. Какие курицы, почему ангорские?!.. Я бы подумала об ошибке, если бы не то, что тип упомянул имя...

Возвращаясь наверх из мастерской, я заглянула на кухню. Муж готовил себе поесть. Лежащий на кухонном столе пакет ему явно мешал, он услышал меня, повернулся и показал на него пальцем:

— Что это? Оно должно лежать здесь?

Я с трудом подавила уверенность, что в пакете морковь, а место моркови на кухне.

— Не знаю. Ты должен немедленно отнести это шефу.

— Что?!..

— Отнести шефу. Немедленно. Какой-то жлоб принёс это утром.

С минуту муж выглядел как поражённый громом. Он неподвижно стоял и в тупом ошеломлении, я даже забеспокоилась, не моё ли это дело, то есть Басеньки, не я ли должна знать шефа и лично отнести ему все, возможно, даже в тайне от мужа. Раньше это не приходило мне в голову, я не подумала над этим вопросом и теперь не оставалось ничего другого, как продолжать. В конце-концов, пусть думает, что я сошла с ума.

С большим трудом муж очнулся.

— А!.. — неуверенно сказал он, немного подумал и добавил. — Он что-нибудь говорил?...

— Кто?

— Жлоб.

Я заколебалась. В крокодилах я решила не признаваться. Моё состояние в утренние часы довольно специфично. Басенька может чувствовать себя по-другому.

— Ничего особенного. Спросил здесь ли живёт Мачеяк. Просил сразу отнести шефу. По-моему, он был здесь в первый раз.

— Кто?

— Жлоб. Я его не знаю.

— А!..

Мне показалось, что муж его тоже не знает. Он выглядел совсем оглушённым, что меня не очень удивило, я все ещё считала, что это дело не его, а Басеньки. Я предпочитала не углубляться в обсуждение, оставила его вместе с пакетом и вышла из кухни. Поздно вечером, когда я зашла туда

снова, пакета на столе не было.

Увидела я его на следующий день. В поисках толстой кисти я оказалась на той половине мастерской, которую занимал муж, отодвинула мешающий шаблон и наткнулась на собственность шефа, опёртую о стену. Почему я решила вмешаться, не понятно, наверное у меня помутился разум.

— Что это значит? — обиженно спросила я. — Может ты не расслышал? Это надо сразу отнести шефу.

Стоящий ко мне спиной муж прикручивал к столу струбцины. Он вздрогнул, застыл, потом повернулся и посмотрел.

— Что? А!.. Это... Не было времени. Теперь тоже некогда. Будь любезна, отнеси сама, я сейчас отнесу тебе в машину, а ты отвезёшь.

Я вздрогнула не меньше чем он.

— Исключено, любезна я не буду. Сам неси. Я занята.

— Ты не делаешь ничего срочного. Сразу, так сразу. Мне он это говорил или тебе? Лучше езжай сразу.

Внутри у меня что-то оборвалось. Что же это за шеф, черт его побери?! Похоже на то, что толстяка посыльного не знают ни муж, ни Басенька, но оба должны знать шефа. По каким-то таинственным причинам он пытается свалить все на меня, интересно, как мне из этого выпутаться... Муж заботливо уложил пакет на заднее сиденье и помахал мне рукой. Не видя другого выхода, я оделась и поехала.

Я посетила разные места. С одинаковым успехом шеф мог жить и на соседней улице и в Ломянках. Мне надо было изобразить поездку к нему, поэтому, на всякий случай, я решила возвращаться не слишком скоро. Я выбрала себе самую длинную очередь в «Деликатесах», сделала покупки про запас, объездила пол города, какое-то время просидела в машине на стоянке у «Суперсама» и, в конце-концов, вынуждена была вернуться, не придумав ничего осмысленного.

Во время поездки я все больше нервничала, потому что в разрешение проблемы шефа добавлялись все новые неясности, беспокоящие и подозрительные. До сих пор я в них не разбиралась, забывала про них, с непонятным легкомыслием пренебрегала ими, а теперь они свалились на меня все сразу. В результате пакет для шефа вылетел из головы, я забыла, что он все ещё лежит на заднем сидении, количество покупок превзошло мои транспортные возможности и, не задумываясь о том, что делаю, я попросила мужа помочь.

— Как? — обиженно крикнул он, заглянув в машину. — Ты не отвезла?

У меня спёрло дыхание. Ещё чуть-чуть и я бы во всем призналась.

— Там никого не было, — решительно сказала я. — Придётся отнести вечером. Возьми его домой, а то ещё украдёт кто-нибудь.

При мысли, что я должна буду возить пакет в машине, я испугалась, это автоматически накладывало на меня обязательство доставить его этому проклятому шефу. Этого я не должна была допустить ни за что на свете!

— И вообще, отстань от меня, — твёрдо добавила я. — Для меня он слишком тяжёлый. Из-за твоих дел я не собираюсь зарабатывать грыжу. Странная идея, делать из меня носильщика...

Муж хмуро посмотрел на меня, пожал плечами, вытащил пакет из машины и отнёс в дом. Мне стало легче дышать, но беспокойство осталось.

На следующий день с утра шёл дождь, было непохоже, чтобы он перестал к вечеру. По инструкции я должна была отправиться на прогулку с зонтиком. Единственный зонтик, который был в комнате Басеньки, был летним, пляжным, плоским, с большими прямоугольными цветами. Он решительно не годился. Где-то должен был быть другой и этот другой предстояло найти.

В сумасшествии Басеньки все же существовала какая-то закономерность, поэтому я сразу решила воспользоваться дедукцией, а не слепо шарить по всему дому. Я решила, что зонты, галоши, плащи и другие вещи для дождя должны находиться там, где вода может стекать ничего не повреждая. Следовательно там, где соответствующий пол. То есть, на кухне, в ванне, в подвале... Было понятно, что искать надо в тайне от мужа, предшествующие события были не в мою пользу.

Поиски в ванной, кухне и моей части мастерской не дали требуемого результата. Я почти обнюхала вешалку и шкафы в прихожей. Во время поисков муж несколько раз выходил из мастерской и как-то подозрительно и неуверенно присматривался ко мне, так, будто следил за мной. Меня это жутко раздражало.

И наконец я попала. Размышляя над тем, где здесь ещё может быть кусочек водонепроницаемой поверхности, плитки, пластика или бетона, я наконец добралась до входа в подвал. За дверями был помост и что-то вроде стенного шкафа, на который я до сих пор не обратила внимания, а теперь алчно распахнула, поскольку пол под ним был бетонным.

Внутри были три дамских зонтика, один мужской, две пары резиновых сапог, два плаща, калоши и пакет для шефа.

Я отчётливо ощутила, как внутри у меня что-то щёлкнуло. Что, черт возьми, происходит с этим проклятым пакетом?! Не отнёс его вчера, не отнёс сегодня, и может, черт его поберёт, не относить до судного дня, но

зачем он прячет его по закоулкам?!..

Муж появился на лестнице, как призрак. Я как раз успела дать себе слово, что про шефа больше не скажу ни слова, даже если придётся спать на этом пакете. Я потянулась за ближайшим зонтиком. Муж несколько раз кашлянул.

— Кстати, — сказал он слегка охрипшим голосом, при этом выглядел он так, будто ему не хватало воздуха. — Этот пакет... Вчера его... То есть, вчера, это... не успел. Может отвезёшь сегодня?

Я потеряла терпение:

— Я твоим шефом сыта по горло! — закричала я на него. — Он у меня уже через уши вылезает! Оставь наконец меня в покое! Отцепись!

Муж явно очень испугался. Может, я сделала какое-то неловкое движение зонтиком, но он так быстро отпрянул, что слетел с двух последних ступенек лестницы вниз. Я собиралась уйти также быстро, споткнулась о верхнюю ступеньку, схватилась за дверцу и заехала себе в ухо ручкой зонтика. Ярость затмила мой разум.

— Можешь его вообще не относить! — прошипела я. — Отвечать будешь сам! Я не буду! Меня все это не касается!

— Не знаю, действительно ли все это настолько срочно, — протестовал муж ползая на четвереньках. — Если бы было срочно, он бы сказал...

— А он и сказал! Срочно!

— Мне он не говорил...

— А мне сказал!

— Раз тебе сказал, ты и относи...

Я почувствовала, что через секунду сойду с ума. Я запуталась, кто я такая, и уже не понимала, ругаюсь с ним как я, или как Басенька. Сопротивление с его стороны было необъяснимым. Вдруг до меня дошло, я глянула на него, увидела на лице выражение полного угнетения и абсолютной паники. Что-то с этим пакетом было сильно не в порядке...

Внезапно муж будто очнулся. Он справился со своим лицом, поднялся, пробормотал что-то под нос и исчез в мастерской. Я пришла в себя и успокоилась. Мне пришло в голову, что надо будет наконец подумать, что-то здесь не сходится...

Вопреки ожиданиям, к вечеру дождь прекратился. Я сидела на лавочке в тёмном месте скверика и курила, погрузившись в раздумья. Аллейку передо мной освещал фонарь.

Несомненно, если бы не сцена, которая разыгралась передо мной на этом освещённом месте, мои размышления дали бы результаты намного

раньше. Собственно говоря, то что я увидела, даже трудно назвать сценой, таким коротким и незначительным было это событие. И одновременно несущим такие последствия!

Идущего блондина из автобуса я заметила издалека. В этом скверике он появлялся также регулярно, как и я, что казалось мне непонятным. Если бы это был лес, парк, или Лазенки, это бы ещё можно было понять — гуляет, потому что ему нравится, хоть и странно, но возможно. Если бы он просто проходил быстрым шагом, я считала бы это нормальным — проходит, потому что здесь лежит его путь домой. Так нет же, иногда он и правда проходил, но чаще медленно плёлся, явным образом прогуливаясь. Где вы видели нормального человека, который прогуливается по такому паршивому маленькому скверiku, состоящему из одной лужи посередине и двух перекрещивающихся аллеек?

С каждым разом я все больше к нему приглядывалась, он все больше меня интересовал. Мне показалось, что он отличает меня от кустов и деревьев. Уже на третий день он смотрел на меня не как на воздух, а как на личность, хотя, я готова поклясться, он не заметил, была ли я восьмилетней девочкой или столетним старичком. Я задумалась над причиной его прогулок по вечерам именно здесь, у меня не вышло ничего, кроме его красивой жены, которая создаёт ему дома невыносимую атмосферу. Я наполнилась антипатией к ней.

Одновременно я чувствовала себя полностью довольной и удовлетворённой при мысли, что уже давно лишилась глупых фантазий. Пару лет назад такой похожий на идеал блондин потряс бы меня до глубины души, теперь же, слава богу, из этого ничего не вышло. Я уже достаточно напереживалась с блондинами, мне все время казалось что попался тот, что нужно, после чего происходили жуткие события, от которых кровь в жилах стыла, которые полностью противоречили надеждам. Больше я не дам себя обмануть, этот может заинтересовать меня чисто теоретически.

Теоретически я наблюдала за тем, как он приходит, временно забыв о размышлениях. С другой стороны приближался неприметный парень. Встретились они как раз передо мной, в этом освещённом месте.

Если бы они поприветствовали друг друга обычным поклоном, я бы не обратила на это внимания, мне бы и в голову ничего не пришло. Они, однако, сделали то, что вообще трудно описать словами. Это не был поклон и, даже, не приветствие, это было как бы мгновение общего понимания, невидимое для постороннего глаза. Я заметила это только благодаря усиленному вниманию, с которым наблюдала за блондином, ни на минуту

не отрывая от него взгляда. И, опять таки, это не имело бы никакого значения, если бы я случайно не знала, кто такой этот незаметный парень и какие привычки были свойственны его кругу.

Идиотская, иррациональная радость разлилась по всему телу и чуть не задушила меня. Он мной интересовался!.. Точно, он интересовался мной! Это не мой глаз обратил на него внимания, а мой нюх! Внешность внешностью, красота красотой, но в глубине души я чувствовала, что в нем что-то есть! Боже мой, познакомиться с ним, поговорить, любой ценой!...

Именно в этот момент семейство Мачеевых, муж, пакет и шеф вылетели у меня из головы. Остался блондин из скверика, до безобразия интригующий, желанный и безнадежно недоступный. Если бы он выглядел немного по-другому, я бы без колебаний завязала с ним знакомство, прицепилась бы к нему как пиявка и прямо сказала, что от него хочу. Но в присутствии его необычайной красоты я не могла сделать ничего. Его должны были хватать направо и налево, это хватание должно было надоесть ему по уши, и ни каким образом я не смогла бы его убедить, что ни о каком хватании и речи нет. Какая жалость!

Я несколько расстроилась и испугалась, что в результате эти прогулки войдут в привычку, после возвращения в себя я начну маниакально блуждать по скверу, скрывая от себя надежду, что встречу его, чтобы не создавать несоответствующей атмосферы. То, чего я бы не сделала для самого прекрасного мужчины мира, я бы не раздумывая сделала ради загадки, сенсации и тайны...

Мысль сбилась с верного пути на бездорожье. Остатки трезвости заставили меня подавить ненужное умиление, понятно было, что этот блондин был для меня недостижим. Я ещё немного посидела на лавочке, замёрзла, поднялась, отправилась домой, через несколько шагов сориентировалась, что иду к себе, быстро развернулась и отправилась к Басеньке.

Наконец-то я вспомнила, что должна была подумать о муже и шефе, и, что о чем-то уже начала догадываться. Я поймала нить рассуждений, прерванную блондином, не отдавая себе отчёта, что поймала её в несколько другом месте и то, о чем я думала раньше, находится в некотором противоречии с тем, о чем я думаю теперь.

До этого я размышляла над загадочным поведением мужа в простых обстоятельствах, понятных и несложных, во мне даже начали пробуждаться очень странные подозрения, но, тем не менее, обоснованные. Теперь же на первый план выдвинулся пакет для шефа...

Сомнений не было, он был очень испуган. Любой ценой он старался

всучить его мне, а увидев моё сопротивление, начал прятать его по углам, вместо того, чтобы отнести шефу. Что это значит? И что это вообще за шеф — человек, место, организация?!.. И чего он так сильно боится? Ему просто необходимо избавиться от тяжести пакета, но он его не относит, держит дома и трясётся над ним от страха. Что же там упаковано?!..

Волосы под париком слегка встали дыбом, мне стало не по себе. Пакет для шефа приобрёл таинственные черты, от него веяло страхом. В мгновение ока воображение подсказало мне его содержимое, вместо подгнившей моркови я увидела разрезанные на кусочки руки и ноги, а также другие фрагменты тела. Все сходилось, муж про это знает и, понятно, боится, потому что эти останки того и гляди завоняются. Надо бы их понюхать, может, уже слышен трупный запах...

Причин, по которым пан Роман Мачеяк должен был держать дома человеческие останки, в страхе ожидая, пока пока все разнюхает жена, я не понимала. Трезвости ума хватило только на то, чтобы отказаться от блондина. Мысленно я видела только лицо мужа, впала в панику не хуже, чем он, и даже подумала, стоит ли возвращаться в этот дьявольский дом, может лучше сбежать, наплевав на паршивые пятьдесят тысяч пана Паляновского...

* * *

Обстановка была угнетающей. Муж явно боялся меня, а я мужа. Мысль о пакете для шефа не оставляла меня ни на минуту, хотя разговоров о нем не было. В расстроенных чувствах меня все чаще посещала идея, что этот дебил как-то преступает закон, это выводит его из равновесия и приводит к нервному расстройству. Одновременно меня не оставляло чувство, что чего-то не хватает, мне казалось, что мимо меня проходит какая-то страшная тайна, которую я могла бы раскрыть и не раскрыла. Был момент, когда я стояла у её порога и отступила. Я лизнула её, но не надкусила. Тайна была тесно связана с мужем, шефом и пакетом, но своё участие принимали и другие элементы, однако объединить все в одно целое я была не в состоянии. Блондин сбил меня с мысли.

Спускаясь вниз, в мастерскую, где было слышно, как работают муж с помощником, я поймала себя на том, что иду на цыпочках, сдерживая дыхание. Я испугалась, что уже страдаю манией преследования, но, тем не

менее, громче идти не стала. Бесшумно я уселась за стол и потянулась за тушью, дверь в соседнее помещение была открыта, я слышала шелест разворачиваемой ткани, глухие удары рулона материала об стол и голоса.

— У вас действительно нет ничего другого? — недовольно спросил помощник. — Нельзя же так считать, я ошибаюсь уже на тридцати сантиметрах... У вас должен быть обыкновенный метр.

— Должен, но где, не знаю, — с тяжёлым вздохом ответил муж. — Куда-то делся, надо купить новый.

— Так покупайте, без измерения не обойтись. Тому, что они пишут на этих делениях, верить нельзя.

Я встала с кресла, на цыпочках подошла к двери и заглянула внутрь. Помощник с мужем мерили ткань, пользуясь треугольником с делениями, длиной тридцать сантиметров. Ничего удивительного, что помощник протестовал. Я некоторое время удивлённо присматривалась к ним, портновский метр с ручкой, такой каким продавщицы в магазинах отмеряют ткани, стоял в кухне, в углу, возле холодильника. Правда, в глаза он не бросался, но муж то должен о нем знать. Даже если туда его поставил не он, а Басенька, он уже давно должен был про него вспомнить, или хотя бы поискать. К утюгу он прицепился. Похоже на то, что как минимум одиннадцать дней он меряет тряпки угольником, как идиот, не попробовав воспользоваться более подходящим прибором. Или он ненормальный, или... Или что?

Я вернулась к шаблону. Подозрения, которые меня одолели, были настолько глупы, что я почувствовала головокружение. Да нет же, чепуха. Вздор. Полная ерунда. Такое вообще невозможно...

Я машинально взяла мягкий карандаш, лежащий на столе передо мной и начала возить им по листку бумаги, как делаю это всегда, когда думаю, не зная, что рисую. Передо мной возникали точки, цветочки, завитушки, а внутри набирал силу страх.

Ради бога, что происходит с этим человеком? Он страдает склерозом?.. Да, склерозом можно было кое-что объяснить. Забыл, несчастный, что дома у него есть швейная машинка и остолбенел, увидев её, забыл, что у него есть прислуга, которая в своей комнате пользуется утюгом, забыл где поставил портняжный метр, забыл адрес шефа... Возможно, он забыл все, не хочет в этом признаться и боится, что его умственная недостаточность проявится... Это возможно, почему бы и нет? Но каким чудом он мог забыть, что страдает автомобилефобией?!..

Все странности мужа стояли у меня перед глазами. Эта сцена ревности ни с того ни с сего... Он забыл зачем ему изменяющая жена? Эти

безустанно падающие очки, прятки от меня, переполох при звонке Викторчака... Он точь-в-точь повторяет все, что делаю я, я тоже испугалась Викторчака, но для меня это естественно, я то настоящая. А он?..

Наконец эта страшная мысль сформировалась, по спине побежали мурашки. От одной только мысли, что муж тоже фальшивый, я почувствовала, что схожу с ума. Это бы означало что свихнулись все, и Мачеяки, и пан Паляновский, и я. Общее помешательство, не только было лишено смысла, но и выливалось в копеечку.

Эта мысль, какой бы идиотской она ни была, показалась мне удивительно подходящей, после её появления избавиться от неё я уже не могла. Я потянулась за сигаретой, поняла, что пачка пуста, смяла её, поискала другую, другой не было, я попробовала подумать дальше, но раздражающее отсутствие сигареты мешало. Я встала из-за стола и отправилась вверх. Муж как-будто этого и ждал, потому что вошёл в помещение, едва я его покинула. Он подошёл к столу, наверное, что-то искал. Секунду царила тишина.

— Барбара!!! — вдруг услышала я могучий и жуткий рёв.

Состояние, в котором я находилась привело к тому, что я чуть было не загремела с лестницы. Хоть Барбара и не ассоциировалась со мной, но рёв меня очень испугал. В голове пронеслось, что он скорее просто сумасшедший, чем фальшивый, и я замерла судорожно вцепившись в перила. Муж высунул голову из-за двери.

— Барбара!!!.. — опять заревел он и, увидев меня рядом, понизил голос, в котором слышалось эмоциональное оживление. — Слушай, это великолепно! Прекрасный узор! Немедленно начинай это делать!

Мне удалось обрести дыхание и способность разговаривать.

— Сейчас, — на всякий случай сказала я, потому что не имела понятия, что ему нужно. — Я принесу сигареты. Сейчас вернусь.

Когда я осторожно и испуганно опять заглянула в мастерскую, муж стоял над измазанным листком бумаги, очень возбуждённый, полный необычайной энергии. Он уже успел позачеркивать карандашом фрагменты моих художеств.

— Нарисуй это! — потребовал он. — Соедини это с этим, здесь немного пореже. Бросай эту дрянь и делай этот узор, он у тебя получился здорово. Уж я то смогу на нем заработать. Прекрасный узор!

Я стояла рядом, молча, неспособная ни на что. О том, что самые лучшие узоры выходили у меня из бессмысленного мазюкания, я знала не первый год, его эйфория меня совсем не удивила. Но кое-что другое поразило меня, как гром среди ясного неба, в мгновение ока превратив

смутные подозрения в твёрдую уверенность.

Он мог проглядеть все что угодно. Мог страдать от потери памяти и любых других недугов, мог не заметить разницы между мной и Басенькой, мог не найти нитки, утюг и метр, мог не знать шефа. Но, в любом случае, он не мог не понять, что мой узор похож на узоры его жены, как кулак на нос!

Басенька, как любой человек, имела свою манеру рисования, отличную от моей, её многочисленные эскизы и наброски узоров лежали в ящике под столом. Произошло именно то, чего я старалась избежать любой ценой, зная что это неминуемо меня деконспирирует. Я сделала узор по-своему. Рисунки отличаются друг от друга, как и почерки, профессионал узнает руку с первого взгляда, а муж несомненно был профессионалом. С текстильным производством он должен быть связан уже много лет, перед ним проходили сотни и тысячи узоров. Если он не заметил, что этот не имеет ничего общего с творчеством Басеньки, это могло означать только одно...

Этот человек ни разу в жизни не видел лежащих в ящике рисунков и не имел материала для сравнения. Этот человек вообще не знал настоящую Басеньку. Из него был такой же муж, как из меня жена!!!!..

Я онемела от страха. Через несколько минут мне удалось зажечь сигарету и кивнуть головой. Случайно созданный узор был трудным, сложным и трудоёмким, но в тот момент я была готова рисовать фрески на потолке, лишь бы он от меня наконец отцепился, оставил меня в покое и дал сосредоточиться. После такого страшного открытия ситуация представала в совершенно новом свете.

Что за идиотская идея, играть роль Басеньки пред мужчиной, который играет роль её мужа? Что общего это имеет с большой любовью пана Паляновского? Что произошло с её настоящим мужем, куда он подевался?.. В голове пронеслось — может в пакете для шефа? Но если и так, целиком он туда не поместился, где тогда остальное?..

И вообще, зачем это все? Какого черта я должна так старательно подделываться под Басеньку, если он, скорее всего, её и в глаза не видел, и какого черта пан Паляновский платит за это такие деньги?! Какое отношение к этому имеет роман, что ему мои любовники, если он не муж?! Не мои, а Басеньки... Все равно. Чему может служить такой странный, неожиданный поворот? Не впуталась ли я в какое-то свинство, существа которого понять не в состоянии, которое грозит мне огромной и неизбежной опасностью?..

За что собственно пан Паляновский заплатил пятьдесят тысяч

злотых?..

* * *

Поздно ночью я закончила обыскивать ящики, полки и шкафы, так и не достигнув поставленной цели. Целью были фотографии. Любые фотографии, любительские или на документы, такие, которые каждый делает хотя бы пару раз в жизни. Невозможно, чтобы у хозяина дома не было ни одной фотокарточки!

Ситуация казалась мне настолько невероятной, что поверить в неё без вещественных доказательств я не могла. Мне было трудно представить, что пан Паляновский сошёл с ума настолько, что кроме меня оплатил и подставного мужа, представив ему обстоятельства романа. Засомневавшись в фальшивости мужа я решила найти настоящее лицо пана Романа Мачеяка и сравнить его с шатающейся по квартире личностью.

Найти я нашла, и даже целый альбом, но не из того периода. Любовно приклеенные и снабжённые подписями типа: «Ромочка, Пабяницы 1938», снимки представляли одного и того же младенца, то сражающегося с гигантским мячом, то ползающего по ковру в компании зайца сверхъестественных размеров. Из фотографий удалось сделать только один вывод — родители пана Романа пытались привить своему отпрыску гигантоманию.

Из бумажек, в большей или меньшей степени наполняющих каждый дом, я нашла почти все. Разные документы, счета, страховые полисы, квитанции и свидетельства. Не хватало только фотографий. Вывод был простым, фотографии спрятали специально. Их спрятали от меня, значит это не настоящий муж. А если это не настоящий муж, фотографии Басеньки спрятали от него, чтобы он не догадался, что я не настоящая жена. Словом, сплошная каша.

Возбуждённый мозг не мог остановиться, подсовывая мне все более страшные гипотезы. Я легла спать, даже погасила свет, но разволновалась и не смогла заснуть. Я лежала и думала, разрабатывая рискованный способ деконспирации фальшивого мужа, пока от эмоций и сигарет не пересохло горло. Я решила попить чая. Включив лампу у дивана, я одела халат, тапочки и тихо открыла дверь.

И тут же услышала внизу какой-то звук.

Я застыла, схватившись за дверную ручку, у меня сразу перехватило дыхание. Этого ещё не хватало, как раз подходящий момент для звуков!... Муж, не известно настоящий или фальшивый, спал в своей комнате мёртвым сном, храпя как иерихонская труба. Странно, как у него стекла не вылетели, потому что у двери можно было оглохнуть. Раз он храпел здесь, там его быть не могло. Внизу звуки издавал кто-то чужой.

Ещё немного, и я бы задохнулась. Я стояла неподвижно, сдерживая дыхание и вслушиваясь так долго, пока не перестало хватать воздуха. Тогда я вздохнула, пытаюсь сделать это бесшумно, отпустила ручку, схватилась за перила и осторожно, на цыпочках, спустилась на несколько ступенек вниз.

Внизу кто-то был и что-то делал. Из-за двери был виден слабый свет, скорее всего от фонарика. Я сразу поняла, что он не закрыл дверь от того, что она жутко скрипит. В перерывах между храпом я слышала какие-то слабые звуки, трудные для определения и очень тихие. В этот момент слух у меня был острым, как бритва.

Отупляющий испуг вдруг забурлил во мне с такой силой, что я сама удивилась. Я вообще-то не трусиха, в своём доме, в обычных обстоятельствах, я повела бы себя иначе, возможно умнее, но здесь на меня свалилось слишком много сразу. Я ощутила, что с меня хватит. В этом идиотском положении ещё и взломщик, с которым вообще не понятно, что делать... За долю секунду я подумала обо всем сразу: что какой-то негодяй обкрадёт супругов Мачеяк, а потом все свалят на меня; что внизу ничего ценного нет, он придёт наверх, испугается и грохнет меня; что неизвестно сколько их там, может быть — сорок; что под рукой у меня нет никакого оружия; что этот кретин спит, а я тут боюсь за себя и за него...

Последняя мысль привела к тому, что в меня вселился дух воеводы. Протест против одиночества вдруг взорвался с силой воздушного шара и почти заглушил вялую деятельность уставшего мозга. Одним прыжком я оказалась наверху, дёрнула за дверную ручку комнаты мужа, комната оказалась закрытой. В голове пронеслось, что он может спать как убитый, что надо избегать шума, чтобы не спугнуть бандитов, после чего я заколотила кулаками в дверь.

— Эй, ты-ы-ы!.. — заорала я, совсем забыв как его зовут. — Вставай!!! Проснись!!! Вставай!!! Бандиты!!!

Какое впечатление произвели крики и грохот на воров внизу, не знаю, но муж отреагировал правильно. Я услышала в его комнате какой-то вскрик, шум, грохот, как-будто он свалился с кровати, в двери клацнул ключ и двери открылись. Он выскочил в пижаме, в полубессознательном состоянии, всклокоченный, с испугом на лице, без очков и босиком. Я едва

отскочила, а то бы он толкнул меня с лестницы.

— Что случ... — невнятно пробормотал он.

Неизвестно зачем, я дёрнула его за рукав пижамы, наверное я думала, что так быстрее его разбужу.

— Внизу бандиты! — прошипела я страшным шёпотом. — Тихо! Сделай что-нибудь!!! Воры, не знаю кто!.. Их слышно!

— Телефон тоже внизу!... — промямлил муж и перегнулся через перила.

В этот момент вора стало слышно. Тот, кто был внизу, услышав, что я делала наверху, наверняка в первое мгновение одеревенел, но это быстро прошло. В комнате что-то стукнуло, полоска света исчезла, какой-то силуэт выскочил из прихожей и бросился по лестнице в подвал, не заботясь о сохранении тишины. Муж отпрянул, секунду поколебался, после чего тоже бросился вниз. Я, не раздумывая, отправилась за ним.

Глухо шлёпая голыми пятками он вступил на лестницу в подвал, споткнулся в темноте, слетел на несколько ступенек, выругался и поднялся. Нервно шаря рукой по стене прихожей, я никак не могла найти выключатель. Пришлось зажечь свет в комнате.

— Потуши!!! — крикнул муж.

Как можно быстрее я выключила свет, с чувством, что снаружи в нас кто-то начнёт стрелять. Муж бросился на кухню, к окну. Я бездумно метнулась за ним. Муж, неизвестно зачем, дёргал окно, пытаюсь открыть раму, закрытую на шпингалеты. На улице было абсолютно пусто.

— Догоняй его!!! — глухо прохрипел он. — На машине!!!..

Он открыл окно, что-то упало на пол, на ноги мне посыпались какие-то мелкие предметы. Я сдурела окончательно, бросилась к двери, чтобы исполнить его приказание, подумала про ключи, бросилась к лестнице, потому что ключи лежали в сумочке, споткнулась и разбила колено. Это немного отрезвило меня. Куда догонять, кого догонять, на какой машине, пока я заведусь, он уже будет далеко, и вообще, в какую сторону?! Идиотизм!

— Милиция!!!.. — невольно вырвалось у меня.

И сразу же я прикусила язык. Какая может быть милиция, кажется я свихнулась! Если он вызовет... Конец. Могила. Документы Басеньки. Пять лет без конфискации!..

К счастью, вызывать милицию муж не торопился. Он оторвался от окна, перестал выглядывать наружу, как обезьяна из клетки и повернулся ко мне.

— Зажигай свет, — уныло произнёс он. — Если он что-то украл, ты

свидетель — я спал. То есть... Это...

Я зажгла свет. Он замолчал и с тупым страхом смотрел на меня. Если бы я не догадалась раньше, то поняла бы теперь. У него появилась та же мысль, что и у меня: если что-то украдут, все свалят на него! Значит, из него такой же муж, как из меня жена!

Муж пошевелился и что-то пнул. Мы одновременно посмотрели вниз. Под стеной лежала большая раскрытая коробка, а по всему помещению рассыпались иголки, нитки, булавки, ножницы и пуговицы. Чёртовы потерянные швейные приборы! Они стояли на подоконнике, за шторой...

Довольно долго мы разглядывали эту свалку, после чего, посмотрели друг на друга. На лице мужа было нарисовано удручение.

— Милицию вызывать бессмысленно, — забеспокоился он. — Я не вижу, чтобы он что-нибудь украл, в конце-концов, здесь ничего нет. Зачем делать переполох, может, он ничего и не украл, мы его спугнули...

Момент показался мне самым подходящим из всех возможных, специально созданным для того, чтобы одним ударом устранить все возникшие сложности.

— Послезавтра приезжает тётка Розмари, — сказала с интересом присматриваясь к нему. — Она звонила и спрашивала, забрал ли ты её меха из химчистки.

Муж долго смотрел на меня с выражением тупого растущего страха.

— Откуда звонила? — глухо спросил он.

— Из Плоцка. Ты забрал?

— Что?

— Меха.

Было видно как он делает какое-то сверхчеловеческое усилие.

— Нет. То есть это... ещё нет... У меня потерялась эта... квит...

Надо было его остановить, иначе он не признается. Выкрутится также, как выкрутилась бы я.

— Так что делать?

— С чем?

— С тёткой. У неё инфаркт будет. Сколько ей лет?

У мужа, казалось, будет обморок.

— Не знаю, сколько ей лет, откуда мне знать, сколько ей лет! Ты не знаешь?

— Это же твоя тётка, а не моя, — обиженно сообщила я, почти поверив в существование тётки Розмари. — Ты говорил, что она очень старая. Её инфаркт свалит.

Муж угрюмо глянул на меня, присел и начал собирать катушки, иголки

и пуговицы, не удостоив меня ответом. Я смотрела на него и думала, хватит, или предложить ему ещё дядю из Радома.

— Слушай, кто ты собственно такой? — осторожно спросила я.

Муж подпрыгнул, как будто что-то его укусило, укололся иголкой, зашипел, ничего не сказал и со страхом смотрел на меня.

— У тебя действительно есть тётка, которую зовут Розмари?...

— По-моему, от страха ты чокнулась, — вынес он приговор после очень долгой минуты молчания. — Я не понимаю о чем речь.

— Поздно, — твёрдо сказала я, почувствовав необычайную уверенность в себе. — Про это надо было спрашивать при первом же упоминании о тётке. Теперь уже все. Дурак. Тебе ни разу не приходило в голову, что со мной что-то не так? Ни разу не удивлялся? Сколько тебе надо притворяться Мачеяком?

Муж отказался от сбора пуговиц, бросил иглы, пососал уколотый палец, неуверенно посмотрел на меня, поднялся и закрыл окно.

— А ты, что? — осторожно спросил он.

— А со мной примерно также. Я вовсе не твоя жена. Ты не мой муж. Я могу сразу тебе доказать, что ты это не он, а ты. Я не знаю, какую роль ты играешь в этом представлении, и больше ничего не скажу, пока ты не признаешься. Это мне уже совсем не нравится.

Сказав это, я одновременно подумала, что если вся история по загадочным причинам направлена против меня, и он сознательно принимает в ней участие, я своими руками накидываю петлю себе на шею. Меня утешило, что в конце-концов, я могу просто сбежать.

Муж отвернулся от окна.

— Ногам холодно, — серьёзно сказал он. Дурацкая мысль — ссориться среди ночи. Я хочу одеть тапочки.

Шлёпая босыми ногами, он гордо отправился наверх. Подумав, я отправилась за ним, за сигаретами, вниз мы вернулись вместе.

— Собери это, — приказала я. — А я заварю чая.

— Я бы предпочёл кофе.

— Хорошо, сделаю кофе, только поубирай этот мусор.

Он охотно присел, увидев удобную возможность подумать. Когда я с подносом вернулась в комнату, он сидел в кресле за столом, упорно всматриваясь в коробку с нитками.

— Ты уверена в том, что говоришь? — решительно спросил он. — То есть, что я — это не я.

Я поставила поднос между нами и тоже села.

— Ради бога, ты что не знаешь, кто ты такой? Кроме того, посмотри на

меня. Замечаешь разницу? И где твои очки?

— Черт. Я знал, что если попадусь, то из-за этих паршивых очков. Я не привык...

— У тебя вообще была когда-нибудь жена?

— Нет. А что?

— Вот-вот. Ты бы знал, что для ссоры с женой, неподходящих моментов не бывает. Середина дня так же хороша, как и середина ночи. Что все это значит?

Муж тяжело вздохнул, махнул рукой и налил кофе себе и мне.

— Я бы хотел узнать это от тебя. В конце-концов, моя ты жена или нет?

— Точно также, как ты — мой муж. Мне кажется, что нас подставили, почему — непонятно. Я думаю, нам надо как-то договориться.

На некоторое время муж задумался, размешивая кофе.

— Кто не рискует, тот не пьёт шампанского. — Вдруг решился он. — Мне иногда казалось, что здесь что-то не сходится, но я думал, что мне почудилось. Меня предупреждали, что жена чокнутая и может вытворять всякое... Я тебя очень боюсь, — добавил он неуверенно глядя на меня.

Сходство нашего положения было поразительным. С ним было также, как со мной. Вдруг все стало ясно.

— Что ты теряешь, если что-то случится? — поинтересовалась я.

Трехкомнатный кооператив в пломбе, если ты понимаешь, что это значит.

Я понимала. Я кивнула, не скрывая сочувствия. Пломба на строительном языке означает дом, вставленный между двумя другими, преимущественно старыми. По разным причинам, в подобных случаях трудно придерживаться нормативов, поэтому квартиры обычно бывают больше и лучше обычных. Трехкомнатная квартира в пломбе должна быть шикарной, занять такую квартиру — редкая удача.

— Я мог бы выкупить чью-нибудь долю, — объяснил муж, — но платить надо сразу и наличными. У меня было двадцать тысяч, не хватало пятидесяти, а тут Мачеяк, как с неба свалился. А что дали тебе?

— Тоже, что и тебе, плюс пятьдесят долларов. Можешь перестать бояться.

— Ну хорошо. Выпьем ещё кофе и перестанем бояться. Что теперь?

Я насыпала себе сахара, закурила и уселась поудобнее. Я и сама не знала, что теперь. Разрешение главной загадки доставило мне огромное облегчение, но на её месте оказалось неизвестное число следующих, кто знает, возможно более серьёзных. Прежде всего следовало прояснить

простые вещи. Муж будто вернулся к жизни и стал выглядеть намного симпатичнее, чем до сих пор. Понимание между нами появилось неизвестно откуда и казалось абсолютно естественным.

— Начнём сначала, — предложила я. — Кто тебя нанял и зачем? Ты со мной разводишься?

— И речи быть не может. Ты мне очень нужна, в основном потому, что делаешь эти узоры и имеешь долю в предприятии. Меня подцепил Мачеяк. Настоящий.

— Он на тебя похож?

— Не очень. Вообще-то — я блондин, пришлось перекраситься и отпустить бороду. Брови мне сделали так же, как высаживают волосы на лысину, если захочу — могу выщипать. Но скорее всего — не захочу. А я ему подошёл, потому что у меня такая же фигура и я разбираюсь в набивке тканей. То есть, он будет похудее, поэтому, черт побери, у меня все время отрывались пуговицы, рубашки сдавливали шею, а иголку с ниткой я нигде найти не мог. На кой черт ты их так спрятала?

— Это не я, а Басенька. Подожди, а что он хотел?

— Это довольно сложно. Разводиться с тобой он не хочет, но хочешь ты. Со мной ты не живёшь и используешь первый же удобный повод, поэтому я должен быть чист, как слеза. А он нашёл себе девчонку и хотел съездить в отпуск. Просто так у него не получалось, потому что ты следишь за каждым его шагом и только того и ждёшь. Как только ты узнаешь про девчонку, он попадает в суд. Ну я и должен был заменить его возле тебя на это время, пока он будет пользоваться привалившим счастьем. Человек он состоятельный и может себе это позволить. А чтобы ты не догадалась, я должен к тебе цепляться и устраивать сцены ревности. Про это я все время забывал.

— А!... Поэтому ты ни с того ни с сего выскочил и стал обзывать меня шлюхой?..

— Ага. Я боялся, что влип из-за этого утюга, потому что он действительно стоял на месте, и хотел закрепиться в своём положении. А что, плохо получилось?

— Не лучшим образом. Так, ни к селу ни к городу. Я думала, что ты просто чокнулся.

Муж обречённо махнул рукой.

— Я все время боялся, что у меня плохо получается. А с тобой как было?

Я объяснила ему свою роль и рассказала про пана Паляновского. Он слушал с большим интересом. В общих чертах все совпадало. По

непонятному и удивительному стечению обстоятельств Басеньке и её мужу, движимым одним и тем же желанием, в одно и то же время, пришла в голову одна и та же идея. Два самостоятельных потока, независимо друг от друга сошлись в одной точке. Настоящее чудо!

— Ты веришь в то, что это действительно совпадение? — скептически поинтересовался муж. — Один человек — я ещё понимаю, но два сразу? Мне это кажется невозможным.

Мне это тоже казалось невозможным. Несколько неуверенно и хаотично мы поговорили немного о вероятности нашей встречи, в результате чего пришли к выводу, что в этом мире возможно все. Время суток и все пережитое слегка отразились на ясности нашего мышления.

— Хуже всего то, что в самом начале ты забралась в окно, — недовольно сообщил муж. — Если бы все так не совпало, я пришёл бы в себя намного раньше. Должна была быть неуравновешенная идиотка с левой резьбой, и пожалуйста — неуравновешенная идиотка с левой резьбой. Я даже удивился, что он в тебе нашёл и как все это терпит...

— Кстати, а на кой черт ты закрыл дверь на цепочку? — разозлилась я. — Этого в программе не было!

— Ну, не было, — признался муж. — Вообще-то все от нервов. Мне показалось, что возле двери что-то происходит, я боялся, что ты застанешь меня врасплох, хотел осмотреть дом... Ну а потом, естественно, забыл открыть. Кстати, а ты по случаю не подскажешь мне, где в этом доме соль?

Оказалось, что соли в супнице он не нашёл. Втайне от меня он приобрёл солонку и носил её в кармане. С искренним облегчением мы объясняли друг другу разные загадки, при чем я явно чувствовала, что соль у меня ассоциируется с каким-то важным открытием, которого я пока не могла определить.

— Через девять дней кончается наша работа, — заметила я, почувствовав в нем сообщника. — Нам надо решить. Что мы делаем до того времени, и что — потом?

— В каком смысле?

— Продолжаем притворяться Басенькой и... сейчас, как тебя зовут? А, Роман. И Романом. Так будто мы ничего не знаем или нет? А потом, признаемся в открытии или нет? Как ты думаешь?

— По-моему, нам надо быть последовательными. Наши личные наблюдения не имеют никакого значения. Нас наняли, заплатили, мы должны закончить работу. А потом надо поразмыслить.

Муж глубоко задумался. Он закурил и задрал ноги, пытаясь поместиться в кресле. Я бросила ему подушку с дивана, чтобы он

прикрылся и не чихал потом по всему дому.

— Как чужой человек ты гораздо симпатичнее, чем жена, — со вздохом признался он.

— Ты тоже. Как муж. То есть, не как муж. Слушай, надо что-то решить!

— Мы ведь уже решили. Ты говоришь правильно и я с тобой согласен. Притворяемся до конца, тем более, что теперь будет легче. Во всяком случае, я смогу избежать нервного расстройства.

— Слушай! — вдруг вспомнила я. — А что ты вытворял в машине? У тебя болезнь, или эти штучки тоже входят в программу?

— Вот, черт, — озабоченно произнёс муж и пригладил волосы на голове, что указывало на то, что этот жест был его собственным, а не наследием пана Романа. — Он специально говорил мне об этом, а я все время забывал. У него какая-то автомобилефобия, или что-то в этом роде, приходилось при каждом удобном случае валять дурака. Он на этом очень настаивал. Я ничего подобного никогда не испытывал и понятия не имею, как это должно выглядеть. Я старался, как мог.

— У тебя получалось совсем неплохо, — снисходительно признала я. — Ты вёл себя точно как придурок, только не очень последовательно. Кстати, портняжный метр стоит в кухне, возле холодильника. Угольником можешь больше не пользоваться.

— Откуда ты знаешь? Слышала?..

— Понятно! Возвращаясь к нашему разговору...

— Но твой узор я действительно использую, — с внезапным оживлением остановил он меня. — По профессии я химик, но как и у Мачеяка, у меня есть приятель, который делает набивку. Временами я с ним работаю, буду брать с него процент с прибыли, тем более, что клей я тоже улучшил. Подожди, не перебивай, тебе тоже кое-что причитается. Это классная работа, вне рамок нашего спектакля.

У меня были некоторые сомнения.

— Не знаю, не будет ли это свинством. Ты как договаривался насчёт работы?

— Никак. Мог бы вообще ничего не делать, но это бы показалось подозрительным, поэтому надо было делать хоть что-то. Все заказы передвигать на потом. Я и так уже сделал в два раза больше, чем мы договаривались, но это не имеет значения. Ты тоже не должна была ничего проектировать, тебе даже признаваться нельзя. Сколько ты хочешь за узор?

— Лучше бы я не хотела и ничего не делала. Исключительно паршивый узор.

— Дурочка. Посмотришь, сколько денег пойдёт! Ты тоже получишь процент от прибыли. Согласна?

Я подумала, что у меня есть ещё девять дней, избыток времени, а никто другой, кроме меня, этого не сделает... Я дала себя уговорить. Обычные житейские дела вытеснили амурные семьи Мачеевых из наших мыслей.

В ходе дальнейших переговоров и размышлений мы решили, что надо во веки веков держать язык за зубами и никому ничего не рассказывать. Совесть наша была чиста. Басенька своей цели достигла и компромат на мужа не добавил бы ей счастья, Мачеев же о похождениях жены узнает и без нас. Поэтому лучше всего будет выполнить обязательства в рамках соглашения и больше ни во что не вмешиваться.

— Слава богу! — с облегчением вздохнул муж. — Я чувствовал себя совершенно по-дурацки, теперь намного легче. Кстати, между нами, чего ты добивалась с этой тёткой? Как её там, Розамунда?.. У неё действительно есть меха?

— Розмари. Ты что, какие меха?! Я придумала это на ходу, чтобы окончательно убедиться насчёт тебя. Настоящий муж знал бы, что у него есть тётка.

— О, господи, ты меня просто оглушила! Он столько всего пропустил, что среди всего могла затеряться и тётка.

— А про этого рыжего дебила он тебе говорил?

— Про какого рыжего дебила?

— Того, что время от времени сидит у окна и смотрит мне на руки. Последнее время его не было. О нем ты что-нибудь знаешь?

— Впервые слышу. Ни про какого дебила ничего не знаю. Хотя, кажется, я видел здесь какого-то бродягу, но не обратил на него внимания. А что?

Внезапно я попыталась задуматься, чувствуя, что нечто ускользнуло от нашего внимания.

— Послушай, — забеспокоилась я. — Сюда сегодня кто-то влез, мы про это забыли, но факт остаётся фактом. Вокруг шатался дебил, может, он подсматривал? Может, он из тех, кто сначала знакомится с местностью, а потом обворовывает квартиры?

— Возможно. И что?

— Придётся рассказать им про дебила.

— Про вора тоже расскажем, но каждый отдельно, — удивительно трезво заметил муж. — Мы не должны выдать им нашего взаимопонимания. И про этого чёртова шефа, тоже.

— Кстати! А что с шефом?!

Муж вновь забеспокоился.

— Понятия не имею. Ты про это ничего не знаешь?

— Абсолютно ничего. И Мачеяк тебе ничего не говорил?

— Ни слова! А тот, что принёс пакет, тоже ничего не говорил?

— Как раз тот и говорил. Очень настаивал, чтобы немедленно отнесли шефу.

— Я этого вообще не понимаю и ничего относить не буду! — занервничал муж. — Может, это и срочно, но я про это ничего не знаю. Черт его знает, кто такой этот шеф! Я не чудотворец и на ясновидение не подписывался! Если ему так уж хотелось, надо было сказать!

— Надо проверить двери внизу, — механически сказала я. — Преступник вышел туда.

— Какие двери? Там нет дверей!

До меня вдруг дошло, что в мастерскую действительно нет другого входа, только через дом и лестницу в подвал. Ворота гаража навсегда закрыты и заставлены шкафом. Мы здесь болтаем, а запертый взломщик, быть может, затаился где-то внизу...

Мы синхронно вскочили. Муж забежал на кухню, схватил портняжный метр, а мне в руки сунул железный подсвечник из прихожей. Вооружившись, мы направились к подвалу, не пытаясь скрываться и осторожничать.

Вора не было, сразу же стало ясно, как он вошёл и вышел. Окно над моим столом было открыто, столом он воспользовался как ступенькой. Он должно быть был худым и ловким, потому что высота окна была не больше полуметра, а размещалось оно под самым потолком.

— Милиция бы сильно обрадовалась, — меланхолично заметила я, показывая на чёткий след подошвы на белой бумаге. — Я думаю, на всякий случай, это надо сохранить.

— Милиции это будет до задницы, — убеждённо ответил муж. — Другое дело, если бы нас убили, но он, кажется, даже ничего не украл. Что ты делаешь?

Я достала кусочек целлофана, прикрыла им след подошвы и как раз собиралась все это вырезать, когда меня заинтересовал узор на подошве. По счастливой случайности он идеально подходил к придуманному раньше.

— Смотри, сказала я мужу. — Дать это кусочками в этих местах, между... Что? Получается почти кружево...

— Чтоб я сдох, прямо просится! Знаешь, а ты права... Гениальная

мысль! Гениальная!...

Прозаическая жизнь бесцеремонно вторглась в афёру супругов Мачеяков, отодвинув в тень тайны и странности. Мы снова забыли об интригующих загадках, без остатка занявшись практическим использованием следа, оставленного нам на память. Таким образом, многократно размноженная подошва преступника на веки осталась не только на погонных километрах ткани, но и в моей памяти...

— Ладно, пока хватит, — в конце-концов решил муж, очень довольный результатами нашей работы. — Я страшно замёрз и начинаю засыпать, а завтра тоже будет день...

* * *

День казался обычным, похожим на другие, весенним и исключительно тёплым. Мне и в голову не приходило, что в моей жизни он станет переломным. Никаких предчувствий у меня не было, я старательно работала над новым узором и старалась задуматься над проблемами, которые, после вчерашнего, перевернулись с ног на голову. Муж, полностью преображённый, полный энергии, посвистывал рядом, в своей части мастерской.

Как и договаривались, мы придерживались прежних порядков и к продолжению переговоров приступили только после полудня.

— Слушай, одна вещь продолжает меня удивлять, — задумчиво произнёс он входя в комнату, где я составляла икебану из веточек в гипсовой вазе Басеньки. — У тебя был когда-нибудь муж?

— Был. Давно уже, но был.

— И что? Если бы тебе подсунули такого парня, ты бы его не отличила?

Я отставила вазу, сгребла в кучку остатки веточек и уселась на диван к столу.

— Во-первых, во всем мире нет человека похожего на моего мужа, — ответила я подумав. — У него были уникальные черты. Во вторых, я никогда не вела с ним такой идиотской войны. Если бы я на него вообще не смотрела и не разговаривала с ним, то сначала не обратила бы внимания, что это не он. Это естественно, что человек, который открывает своим ключом двери моей квартиры — мой муж... Но я сомневаясь, что эта

ошибка продолжалась бы больше двух дней.

Муж энергично кивнул головой, положил на стол очки и стремительно опустил в кресло.

— Так я и думал. Укуси меня собака, но я этого не понимаю. Как ты считаешь? С одной стороны ему очень нужен был этот обман, а с другой — он слишком многим пренебрёг. Как бы это тебе объяснить... Понимаешь, как будто ему было достаточно, что я буду похож на него издалека, приблизительно. А на то что будет вблизи, он чихал и плевал.

Я внимательно слушала, чувствуя, как во мне кристаллизуется угнетающая меня с самого начала туманная мысль.

— Продолжай, — потребовала я. — Это очень интересно. Но сначала скажи, что ты знаешь о следящих за мной бандитах.

— Каких бандитах? — заинтересовался муж.

— Не знаю. Любых. Кажется, ты нанимаешь отбросы общества, чтобы они за мной следили.

Муж нетерпеливо махнул рукой.

— Нонсенс. Не путай меня. Ночью я был сонный и не в себе, но теперь у меня на чердаке стало светло. Если они сделали это независимо друг от друга, она могла подумать, что за ней кто-то будет следить. Хотя он утверждал, что это ты нанимаешь кого попало. Ты про это знаешь?

— Наоборот, я знаю, что это он. Подожди, все усложняется. Остановимся на чем-нибудь разумном, а то мы с ума сойдём. Предположим, что он... или она, или они вдвоём... перед отъездом обеспечили себе слежку. Каждый уехал спокойно, зная о том, что за время отсутствия получит полный рапорт, и все думали, что двойник будет на виду. Поэтому они побеспокоились о сходстве издалека.

Муж так ритмично кивал головой, как-будто в нем работал какой-то механизм.

— Да, в этом что-то есть. Логично. Неправдоподобно, но возможно. Теперь второе, а что насчёт сходства вблизи? По моим сведениям изображаемого человека надо хорошо знать, изучить как он ковыряется в носу, научиться грызть ногти и всякое такое. Только теперь я вижу, что такого обучения не было вовсе. Он так меня задурил, голова у меня так была занята этой квартирой, что я даже не успел понять, что я делаю. По инструкции я должен был почти не попадаться тебе на глаза, не встречать, не говорить, в случае чего выскакивать с криками про любовников. Только к Земянскому мне надо было ехать исключительно с тобой, на машине...

— Почему?

— Не знаю. Было известно...

— Подожди. Откуда ты знал, где этот Земянский?

— Товарищ делал у него шаблоны. Было известно, что ты будешь сопротивляться, потому что отравляешь мне жизнь на каждом шагу. Все совпадало, ты была, как цикута, да и все остальное было плохо. Я вечно терял эти очки и вообще не мог понять, чего это ты так взрываешься!

— Взаимно. Я постоянно думала, что ты или слепой или недоразвитый. У меня точь-в-точь то же самое.

— Вот тебе и пожалуйста. И что это должно означать?

Вывод напрашивался сам собой.

— Похоже, они знали, что в доме будут люди, которые друг друга не узнают. Каждый из нас может делать все, что в голову взбредёт, а другой будет думать, что так и надо. Только в этом случае они могли не возиться с подробностями.

— Значит, ты думаешь, что они действовали согласованно?

Я кивнула головой. Неясные подозрения постепенно складывались в логичную последовательность. Сотрудничество обоих супругов было единственным осмысленным объяснением удивительного пренебрежения, которое проявили Басенька и пан Паляновский в вопросе полного сходства с заменяемыми особами. Как настоящий муж, так и настоящая жена, расшифровали бы обман в мгновение ока, надо было спятить окончательно, чтобы не понимать это.

— Ну хорошо, — задумчиво произнёс муж. — Но на кой же черт им понадобилось это представление?

— Не знаю, — тяжело вздохнув, ответила я. — Он так придавил меня своей большой любовью, что я не могла от неё оторваться. Теперь получают две больших любви. Ничего не понимаю.

Сложные амуры семейства Мачеяков вместе с созданной ими самими ситуацией казались настолько идиотскими, что кружилась голова. Нельзя же представить, что они оба заранее знали о своих планах на путешествие и нанимаемых двойниках, причём последние имели целью исключительно обслуживать нанятых людей. Ни на что другое они не годились.

— Во всем этом я вижу тень смысла только в том случае, если они не только знали друг про друга, но и действовали в полном согласии, — сообщила я. — А если в согласии, то я понимаю ещё меньше. Воюют они или не воюют?

— Нет, — рассудил муж. — Такая идиотская семья существовать не может. Ни в какие романы я не верю. Попробуем разобраться в мелочах.

Оказалось, что нас обрабатывал один и тот же гримёр, незаметный, худой, лысый человечек. День и время тоже сходились. Мужа обработали

до меня, причём пана Паляновского он не видел. Что-то почувствовав, я потребовала предъявления фотографии настоящего пана Романа, которая должна была находиться в его документах. Предчувствие меня не обмануло, это была та самая физиономия, которую Басенька представила мне как своего шурина.

Страшный обман проявился во всей своей красе.

— Твоя фотография была в доме пылкого любовника, — сообщила я мужу. — Хватает уже и этого. Все они из одной шайки и, по непонятной причине, посадили нас сюда вместо себя. Мне это кажется все подозрительнее.

— Мне тоже. Тем более, что мы не должны были про это знать...

— Вот именно! Я только теперь понимаю, откуда этот идиотский балаган в доме. Был разговор, что Басенька чудит назло мужу и я тоже могу себе это позволить. Во всем этом столько же правды, как грязи под ногтями, я подозревала об этом ещё со вчерашнего дня, из-за этой соли, потому что никакого смысла в здесь нет...

— Подожди, скажи ещё раз. Я не совсем понял, что ты имеешь в виду.

— Камуфляж, — объяснила я в приливе остроты ума. — Каждый из нас удивлялся бы, почему второй человек не узнает дублёра, в конце-концов одинаковых людей нет. Они защитились тем, что якобы известный много лет человек вдруг переменялся и делает что-то совсем не то, что раньше. Мне объяснили, что Басенька чудит, поэтому, все, что я ни придумаю, муж будет считать её выбрыками и обмана не поймёт. В свою очередь, я бы удивилась, если бы нигде не нашла следов её выбрыков, им надо было как-то все инсценировать, времени было мало, а фантазии у неё не хватило. В спешке она сделала все как попало, что-то попереставляла, что-то спрятала и все. Получилась такая каша, что в её сумасшествии можно было не сомневаться.

— Ты думаешь, что обычно она ничего такого не делает и вообще нормальная?

— Конечно! Везде, там куда она не достала, царит педантичный порядок. По-видимому, до последней минуты они вели нормальную жизнь, а потом, возможно, вместе взялись за воспроизведение выбрыков. Таким способом они могли обмануть и тебя и меня.

— Согласен, — подумав признался муж. — Обманули. Теперь все становится логичным и цельным.

— Но становится все более подозрительным...

— Я в чувствую какую-то подлость, — решительно остановил он меня. — Никто не пустит на ветер сто штук только для того, чтобы

посмотреть, как они летят. Надо во всем разобраться, с уголовным кодексом я связываться не хочу. Так получается, что мне нужна незапятнанная репутация, я химик и добиваюсь стажировки в Швейцарии на пол года, сама понимаешь. И вообще, у меня есть разные планы... Я не желаю портить себе жизнь из-за дурацких идей какого-то Мачеяка! Не для того я столько лет вкалывал за эти мизерные гроши, чтобы разрушить все одним ударом!

— Ты где-то работаешь?

— Конечно. В политехническом.

— А как тебе удалось вырвать эти три недели?

— Я взял отложенный отпуск за прошлый год. И неделю с этого года. Неважно. Ты лучше подумай, что все это значит.

— В комнате было накурено, как на вокзале. Мы сделали себе сначала кофе, потом чаю. Весь пол был усеян обломками веточек из икебаны. Невозможность разрешения странной загадки приводила нас в ярость, а ощущаемая за ней опасность казалась все ближе и все страшнее.

— Начнём ещё раз, сначала, — озабоченно сказала я. — Романы в подобной ситуации отпадают. С какой ещё целью можно было совершить такую двойную замену? Показную, ко всему прочему.

Муж бродил по комнате двумя руками теребя волосы.

— Показную, показную... — бормотал он. — Что? Показную?.. Подожди, почему показную?

— Мне все больше кажется, что весь этот маскарад не для меня и тебя, а для кого-то другого. На что он больше всего напирал? Чтобы вместе ездить к Земянскому и чтобы ты притворялся в машине. Ты что-то делал в Лодзи?

— Ничего, оставил заказ на ткань. Можно было послать по почте, но он приказал съездить и посмотреть...

— Вот видишь. А мне приказали бегать на прогулки. И делать покупки. Кто-то нас должен видеть...

— На прогулках тебе никто в рот не заглядывал?

— Не знаю. Но debil смотрел мне на руки... И когда мы ездили к Земянскому, за нами кто-то все время плёлся. То такси с пьяницей, то парень на мотоцикле...

Муж остановился у стола, выпил остатки кофе, посмотрел на меня обезумевшим взглядом и опять принялся ходить.

— Да. В этом что-то есть, — признался он. — Напоказ, чтобы все думали, что мы дома. Но это не то, это ещё не то... Перед этим ты сказала что-то важное, и у меня что-то наклёвывалось... Ты не помнишь, что

говорила?

— Разное. Больше всего меня беспокоит то, что они скрыли взаимную связь...

— Подожди, подожди... вот именно, что они являются одной шайкой... Нет, не то. Они посадили нас вместо себя, коварно и под фальшивым предлогом. На кой черт? Может этот дом должен взлететь на воздух?

В моем мозгу внезапно взорвался свет. Я похолодела внутри, что-то начало меня душить.

— Где пакет для шефа? — быстро спросила я.

— Муж остановился, как вкопанный, посмотрел на меня и застыл, запустив руки в причёску.

— Лежит в моей комнате. А зачем?..

— Они же знали, что мы никуда его не отнесём, верно? Оставим его дома. А если в этом пакете что-то... Я не говорю, что бомба, но что-то вредное... О боже, может оно что-то выделяет, излучает...

В воздухе повеяло жутким страхом. Муж сильно побледнел.

— Уран?.. — хрипло прошептал он.

Меня выбросило из кресла.

— Не знаю. Может, оно взорвётся и снесёт с лица земли всю эту халупу, или ещё что... Такое иногда делают. Крестьяне сжигают целые деревни, получают страховку; а может, им нужна фиктивная смерть...

Муж обрёл способность к движению. Не слушая моих апокалиптических допущений, он рванул к лестнице, чуть не сорвав с петель двери. Я бросилась за ним. Мы ввалились в его комнату и застыли, опершись о стол, глядя на лежащий на нем пакет, как на страшную ядовитую змею, временно погруженную в лёгкую дрему.

После короткого мгновения гипнотического транса, под влиянием одной и той же мысли, мы одновременно склонились над столом, напряжённо прислушиваясь. Ничего не было слышно, пакет лежал молча, не издавая никаких звуков.

— Бомба должна тикать... — неуверенно прошептала я.

— Тяжёлый гад... — пробормотал муж.

Некоторое время мы стояли неподвижно, молча, возможно думая, хотя за это поручиться нельзя. Куда вероятнее, что мыслительные процессы в нас тоже остановились.

— Что будем делать, — наконец спросила я драматическим шёпотом.

— Надо подумать, — беспокойно прошептал муж. — Кажется, надо на это посмотреть...

— Распаковать?..

Он кивнул головой, неподвижно и тупо всматриваясь в грозный предмет.

— С соблюдением всех средств осторожности?.. — нервно прошептала я. — Какие они, эти средства?..

Муж будто очнулся.

— Какого черта мы шепчемся? — раздражённо нормальным голосом спросил он. — Не будем сходить с ума! Чтобы та ни было, ясно, что надо на это посмотреть, ты настроила меня на катаклизм, теперь я не засну! Это ещё может быть тем, зачем приходил взломщик, а независимо от того, что это — взлом является преступлением, а если это имеет что-то общее с преступлением, я не могу рисковать, потому что это откроется, и что я докажу, сейчас, кажется я запутался...

— Ничего, все понятно. Ты имеешь ввиду, что в случае существования преступления и его раскрытия ты не сможешь доказать, что не принимал в нем участия. Надо узнать, существует ли преступление. Обращаю твоё внимание, что я в той же самой ситуации.

— Значит, твоими свидетельскими показаниями мы сможем подтираться. Жаль. Шеф, не шеф — открываем!

Я не раздумывая с ним согласилась. Проклятый пакет не дал бы заснуть и мне.

— Откроем на кухне, — предложила я. — В случае чего, под руками будет достаточно приспособлений.

Муж одобрил предложение, осторожно взял пакет в объятия и отнёс на кухонный стол. Когда он схватил нож, я его удержала.

— Подожди! Глупо будет, если там окажется, что-то невинное. Придётся даром во всем признаться. Оставим себе выход, распакуем его так, чтобы в случае чего, можно было запаковать обратно.

Муж признал мою правоту. Мы приступили к тяжёлой работе. Пакет был завернут в толстую бумагу и несколько раз окручен шнуром, завязанным на десятки узлов, распутывание которых отняло у нас остатки сил. Щадя ногти, я пользовалась вилкой, штопором и шилом, а муж, ругаясь и сопя, орудовал отвёрткой и плоскогубцами. Наконец, шнурок удалось снять.

Он, в свою очередь, остановил меня, когда я хотела снять бумагу.

— Подожди! Осторожно, ещё не известно, что там такое.

Я отдернула руки так быстро, будто пакет зарычал. Муж сдвинул брови и на некоторое время задумался.

— На всякий случай, надень маску и перчатки, — потребовал он. —

От излучения это не спасёт, но от излучения нас уже ничто не спасёт, кроме того, в излучение я не верю. Но там может быть что-то едкое, ядовитое, черт его знает, какие-нибудь вещества могут там соединиться, получится газ или испарения. Понятия не имею, а допустить могу все.

Трезвая мысль о том, что все, что мы делаем, не имеет никакого смысла, до меня так и не добралась. Тип, который доставил пакет не соблюдал особой осторожности и сам обходился с ним довольно бесцеремонно. Принимая во внимание все, что мы с ним делали, то, что должно было соединиться или среагировать, уже давно соединилось и среагировало. Не сумев подумать над этим, я достала из аптечки марлю и вату и через минуту мы выглядели как жертвы авиакатастрофы. Из-под больших белых подушек выглядывали только наши глаза, волосы торчали над белыми мотками, а голоса звучали, как из бочки.

Мы развернули бумагу и увидели под ней большую картонную коробку, всю обвитую шнуром, ещё более тщательно чем бумага. Было похоже, что остаток жизни мы проведём за расплетанием узлов.

— Я уже по горло сыта этими Мачеяками! — как через глушитель раздражённо высказалась я.

— Исключительно беспокойные люди, — невнятно согласился муж. — Если под этим будет ещё одна верёвка, я все бросаю и бегу из этого дома. Повнимательнее, возьми с той стороны!

Мы осторожно сняли крышку с коробки, стараясь сделать это одновременно. От волнения мне стало жарко.

В середине показалась доска.

Мы алчно посмотрели на неё, потом друг на друга, а потом снова на неё. Доска была обыкновенной, струганной и занимала почти весь ящик, по краям она была подоткнута скомканной туалетной бумагой. Осторожно, кончиками пальцев, мы вынули бумагу, после чего муж взялся за доску, как за тухлое яйцо и медленно её приподнял.

Я чуть не заработала косоглазие, пытаюсь одновременно смотреть на её нижнюю сторону и внутрь коробки. Муж держал доску как икону, направив её на меня.

— Что там? — нетерпеливо пробормотал он.

Некоторое время я была не в состоянии ему ответить. У меня перехватило дыхание.

— Не знаю, — наконец ответила я, забыв о коробке, чувствуя, что не могу оторвать взгляда от того, что увидела. — Думаю, что шедевр декоративного искусства. Единственная опасность, которую я в нем вижу, это то, что он может присниться.

Заинтригованный муж выглянул из-за доски, безуспешно пытаясь рассмотреть её обратную сторону. Это ему не удавалось, поэтому он осторожно опер доску о стол, развернул и положил. После чего застыл, глядя на неё в безграничном ошеломлении.

Да, удивляться было чему. Второй стороной доски было нечто, что можно было считать картиной в роскошной раме, объясняющей тяжесть пакета. Неизвестный богомаз изобразил рыцаря на коне, на фоне грозовой тучи, перечёркнутой молнией, точно такой, как на знаке «Осторожно, высокое напряжение!». Рыцарь имел голову, похожую на тыкву, тупую и кривую морду, у коня была голова, похожая на рыбу и удивительно рахитичные ножки. Рядом протягивала руку дева в белом тюле, для разнообразия состоящая в основном из живота, причём поднятая вверх рука вырастала из груди. С точки зрения анатомии и зоологии персонажи были просто уникальными. Впечатление усиливала рама, солидно, как крепостная стена, изготовленная из камня. Точнее говоря, из кусочков мрамора, местами разбавленными булыжником. Ни разу в жизни я не видела ничего подобного.

— Боже мой, чтоб я сдох, что это?!.. — испуганно прохрипел муж.

— Доказательство изысканности вкусов шефа, — неуверенно ответила я, пытаясь успокоиться. — Это, должно быть, какой-то свежеразбогатевший коллекционер, который желает окружить себя произведениями искусства. Не смотри на это так старательно, заболеешь.

Муж издал неартикулированный стон и очень быстро перевернул шедевр. Он обеспокоенно заглянул в коробку.

— Там этого много?..

— Не знаю, с первого взгляда видно бумагу...

— Под романтично-электрической картиной лежали какие-то предметы, запакованные в бумагу и пообтыканные ею со всех сторон. Мы осторожно вынули их, удивившись тяжести, странной для их размеров. Перед нашим взором появились четыре очень странных подсвечника, два железных и два керамических, бочковатые, бесформенные, усеянные множеством ненужных украшений, каких-то цветочков, сердечек, кокардок и черт знает, чего ещё. Они даже неплохо подходили к рыцарю с рыбоголовом. Под ними оказался ещё один слой помятой бумаги.

— Ну, — нерешительно произнёс муж. — Кажется хуже уже не будет...

Он поднял бумагу и замолчал. Рядом с шедевром, который поразил наши взоры, рыцарь и подсвечники перестали существовать. Присниться должно было именно это!

Рама была точно такой же, из мрамора с булыжником. Содержание картины до нас дошло не сразу. Она изображала силуэт в чёрном, заломивший руки на открытой могиле, в которой можно было разглядеть гроб, сверхъестественной силой удерживаемый в воздухе. Оба шедевра создавал один и тот же художник, который, по-видимому, начинал с головы, после чего, на все остальное не оставалось ни места ни сил. Силуэт поражал своим лицом. Голова у него была ещё больше, чем у рыцаря, разинутый рот, торчащие зубы, бельма на глазах и синяки под глазами.

Муж конвульсивным движением стянул марлю с лица и глубоко вздохнул.

— Я вижу этому только одно объяснение, — ехидно заметил он. — Шеф должен был это получить, посмотреть, потом прибежать сюда и надавать по морде всем, кого застанет. Отсюда и поступок Мачеяка.

— Слишком дорого это ему обошлось, — заметила я снимая защитную маску. — Давай не будем на это смотреть, а то мысли сбиваются. Не знаю, как ты, а я не чувствую себя удовлетворённой.

— Как, тебе этого мало?!..

— Смотря чего. Художественных впечатлений мне хватит надолго, а вот объяснений мне не хватает. Если это возможно, я понимаю ещё меньше, чем раньше. На кой черт кто-то посылает кому-то такую мазню? На полуторадюймовых досках!.. И эти рамы!.. Для чего они нужны, для падения со стены на голову?

— Муж устался на подсвечники.

— Кажется, ты права, — признался он. — Это все страшно тяжёлое. Для падения на голову оно будет в самый раз, жаль только, если разобьётся... Этот железный хлам я ещё понимаю, а эта керамика? Глина это или нет?

Каждый из нас взял в руки по подсвечнику, пытаясь сравнить их вес. Мои руки были оттянуты одинаково.

— На первый взгляд одинаково, — засомневалась я. — Подожди, дай мне подумать. Собственный вес железа, насколько я помню, около семи тысяч на кило... Я хотела сказать, семь тон на кубометр. Глина, даже прессованная, сейчас...

— Точно прессованная, — перебил меня муж, ощупывая подсвечник.

— Кажется от тысячи восьмисот до двух тысяч. Пусть даже две двести. Железные должны быть в три раза тяжелее!

Муж некоторое время взвешивал подсвечники в руках.

— Это не так, — произнёс он приговор.

Мы молча смотрели друг на друга и на удивительные произведения

искусства. В кухне Мачеяков поселилась неразгаданная тайна. Муж осторожно поставил подсвечники на стол.

— Или я недоразвитый, или здесь что-то есть. Я понимаю все меньше. Любовь отпадает, взорваться это не взорвётся, ядовитым не кажется, кроме того, кто будет это лизать!..

— И не воняет, — добавила я, обнюхав художественные изделия.

— Так за что же, черт их дери, эти люди заплатили сто тысяч золотых?!!!

Я ощутила умственное бесплодие. Пакет для шефа продолжал хранить тайну, только увеличив беспорядок в рассуждениях. Мне пришло в голову, что на декоративных деталях может быть что-то написано или выбито, какой-нибудь шифр или кабалистические знаки, которые окончательно перепутают мысли, но существование которых надо проверить. Одновременно упоминание о полученном гонораре напомнило о принятых на себя обязательствах. Как минимум полчаса, как я должна быть в скверике.

— Оставим пока, — попросила я. — Над этим придётся подумать, а пока у меня нет времени. Подожди меня с новыми открытиями, я отработаю и сразу вернусь...

Бродя по грязной аллее и смотрела в основном под ноги, предмет своих чувств я увидела совершенно случайно. По-видимому у меня внезапно изменилось выражение лица, потому что блондин посмотрел на меня, явно узнал и легко поклонился. По этому поклону я поняла, что это за человек.

Есть такой особый вид людей, жутко хорошо образованных, вид очень немногочисленный и вымирающий. С самой старой и толстой спекулянткой на базаре они разговаривают так, будто это самая красивая девушка мира. Надо уметь в них разбираться, чтобы знать, что означают их поступки, на неопытную особу каждый их жест производит впечатление далеко идущих авансов. Я определила принадлежность блондина к редкому виду и мне стало приятно, хоть это и не имело смысла. Из-за его прекрасной противной жены я должна была пожелать, чтобы он был невоспитанным грубияном.

Мысль, как всегда при его виде, произвела крутой поворот. Я шла дальше, отбросив в сторону супругов Мачеяков и шефа, жёлчно, с издёвкой и сожалением рассматривая полную бесполезность обычных сердцедающих методов, которые, конечно, я ни за что не использую. Черт. Такого бы блондина пару лет назад... Судьба должна меня очень не любить, если так надо мной подшутила. Она сделала нечто, как по моему заказу, но показала

мне это слишком поздно...

Выбравшись из дому на эту позднюю прогулку, в нервной спешке я оделась слишком тепло. Я надела тот же зимний костюм, что и вчера, не смогла найти косынку и взяла первый попавшийся шарф. Снизу на мне были тёплая блузка и свитер, вместе этого оказалось многовато. Медленно шагая, опять задумавшись, но теперь совсем о другом, я расстегнула жакет и отпустила шарфик.

Шагов сзади я не услышала, голос раздался так неожиданно, что внутри у меня все перевернулось.

— Извините, по-моему вы это потеряли...

Я обернулась. Сзади блондин моей жизни держал в руках какую-то тряпку. Я никак не могла освободиться от того, о чем думала.

— Исключено, — сказала я твёрдо. — Никакие потери я выдумывать не собираюсь. Исключено.

Блондин слегка удивился:

— Извините, не понял. Я своими глазами видел, как это у вас упало...

Он стоял передо мной с выражением нежного, неописуемо приятного внимания. Я пришла в себя, узнав в тряпке косынку Басеньки, ту самую, которую не смогла найти дома. По-видимому он был в рукаве, зацепился кончиком, а теперь скользкий шёлк спустился по спине под расстёгнутым жакетом. Если бы он был моим, я бы нашла способ от него отказаться, но разбрасываться собственностью Басеньки не могла.

— Действительно, это моё, — призналась я подавив сопротивление, и, не сумев вовремя остановиться, добавила: — Но я не теряла его специально!

Блондина, казалось, это сбило с толку. Он посмотрел на тряпку в руке, потом снова на меня.

— Мне очень жаль, но я все равно не понимаю. Почему, ради бога, вы должны специально потерять это или что-то другое?

Ситуация стала безнадёжной и неразрешимой. Я конечно могла вырвать у него из рук платок, крикнуть «большое спасибо» и убежать, но это не показалось мне самым правильным выходом. Я могла объяснить что имела ввиду, но стало бы ещё хуже. Я почувствовала себя такой бессильной, как никогда в жизни.

— Ну да, — невольно вырвалось у меня. — Если бы не это, все равно терять нечего, я пошла бы топиться. Какое счастье, что я не встретила вас десять лет назад!

— Наверное вы правы, но нельзя ли поинтересоваться, почему вы так считаете?

— Тогда я была молодой, глупой и полной нежных чувств, как почка на морозе. А может бутон, это безразлично. Столкновение с чем либо подобным навеки заморозило бы мою душу.

— Вы чувствуете, что говорите вещи, требующие объяснения?

— Не совсем. Видите ли, дело в том, что я сильно задумалась, кроме всего прочего, и о потере разных вещей. Кажется у меня все перемешалось...

— Ну, хорошо, а какое отношение к этому имеет замороженная душа?

Я смирилась с тем, что не смогу выпутаться. Он задавал вопросы так, что они требовали ответов, а из меня вырывалось совсем не то, что я хотела. Я сдалась.

— Отдайте мне эту тряпку, — сказала я вынув из его руки косынку Басеньки. — Чтобы вы потом не говорили, что вас держало что-то материальное. Если бы я захотела понятно и по мере возможностей дипломатично объяснить вам в чем дело, мне пришлось бы говорить целый час. А я готова поклясться, что у вас нет времени!

— А если попробовать недипломатично?..

Непостижимым для меня образом, на дальнейшую прогулку мы отправились вместе.

— Я удивлена, что вам понадобилось объяснение того бреда, который из меня вырвался, — с неприятным осадком на душе сказала я. — Не все ли вам равно?

— Нет. Когда мне говорят странный бред... Извините, я не хотел быть невежливым, но вы сами это так определили... то я должен узнать причины и цель. Я люблю понимать происходящие вокруг меня события.

— Очень обременительное увлечение. У вас много времени.

— Наоборот, у меня мало времени.

— В таком случае, что вы делаете в этом скверике?

— Пытаюсь добиться от вас объяснения редкой реакции на получение потерянного предмета.

Меня разозлило это упрямство.

— Это была реакция не на предмет, а на вас, — раздражённо заметила я. — Вы думаете, что я не думаю, что вы знаете, как вы выглядите?!...

Как и ожидалось, я сдурела окончательно и выложила ему все, что старательно пыталась сохранить в себе. Претензий, неизвестно к нему или к судьбе, я даже не скрывала.

— Ну, хорошо, — согласился он. — Допустим, что вы правы, хотя, по моему мнению, вы сильно преувеличиваете. Но я не понимаю в чем мешает моя внешность.

— В приставании к вам, — объяснила я. — Я не могу приставать к человеку, у которого по горло цепляющихся к нему женщин. Для меня вы неописуемо привлекательны совсем в другом смысле.

От этого другого смысла я полностью обалдела, потому что осознала, что не могу высказать ему ни своих взглядов, ни причин, по которым такой человек как он для меня бесценен. Моя страсть к сенсациям, загадкам и тайнам должна была остаться необоснованной, как же ему объяснить, что я про все это пишу, если я ничего не пишу, я Басенька, я грызусь с мужем и делаю узоры для тканей! Сбить его с темы было очень трудно, в довершение ко всему он нравился мне все больше, а мне казалось, что я ему нравлюсь все меньше, и себе нравлюсь все меньше, и вообще я попала в такую умственную трясину, вытащить меня из которой не мог ни один человек.

— Из того, что вы сказали следует, что вы любите таинственные события, — сказал он таким тоном, в котором едва чувствовалось неодобрение. Меня удивило то, что из того, что я говорю, для него вообще что-то следует.

— Люблю, — согласилась я. — А вы нет?

— Нет. Не вижу в них ничего привлекательного. Обычно они бывают очень мучительными.

— Возможно, но страдать я тоже люблю. К счастью складывается так, что на протяжении всей жизни меня встречают сенсационные идиотизмы, невыносимые для нормальных людей. Это случается настолько часто, что слишком долгое спокойствие всегда кажется мне подозрительным.

— И вам ещё мало? Вы надеетесь на большее?

— Конечно! Развлечений всегда не хватает, а спокойная жизнь отнимает у меня трезвый ум и хорошее настроение.

— Вы не похожи на человека которому не хватает трезвого ума и хорошего настроения...

— Откуда вы знаете, на кого я похожа, если смотрите на меня в темноте?

— А откуда вы знаете, как я выгляжу? Кроме того достаточно перекинуться с вами несколькими словами, чтобы узнать некоторые ваши особенности, даже в полнейшей темноте. Люди настолько переполненные жизнью как вы, встречаются очень редко.

— Вы говорите об этом так, будто считаете громадным недостатком, — критически заметила. — Активность характера всегда казалась мне достоинством.

— Мне тоже. Возможно вы почувствовали в моем тоне некоторое

неодобрение, потому что, говоря об этом, я одновременно думал о способах расходования подобной энергии и активности. Способах, которые могут привести к довольно плачевным результатам...

Мне показалось, что в царящий во мне хаос вторгся спасительный луч света. Боже мой, о чем он говорит?! Что он имеет ввиду?! Может он знает про афёру Мачеяков?!..

Я вдруг утвердилась в дурацком убеждении, что он знает, что я не Басенька, знает тайну всего предприятия и даёт мне это понять. Он имеет что-то общее со всем этим, хотя известно, кто он, то есть не известно кто он, то есть не известно, что он здесь делает, то есть известно, что он здесь делает...

Я окончательно запуталась в собственных впечатлениях и в том, что известно, а что неизвестно. Кто он вообще такой, кто? Должен же он быть кем-то...

— Кто вы собственно такой? — спросила я прежде чем успела себя удержать. — Случайно не журналист?

— Да, — очень спокойно ответил он. — Я журналист.

Искусство мышления временно стало абсолютно для меня недоступным. Меня несло нечто такое, чем, насколько я понимала, следовало управлять, но я была не в состоянии.

— И кто ещё?

Он некоторое время молчал.

— Кто ещё? Например, рыбак.

— Извините, кто?..

— Рыбак.

— Где-то на задворках сознания промелькнула мысль, что любой нормальный человек спросил бы, какого черта он должен быть кем-то ещё. Он отвечает так, будто это естественно...

— Какой рыбак? — неуверенно спросила я. — Который стоит над Вислой и мочит в воде удочку?

— Это рыболов. Обычный рыбак, такой, который плывёт на промысел и ловит рыбу в море.

— У вас очень разные профессии... Может, вы кто-то ещё?

— Возможно. У меня очень разнообразные интересы. Особенно сильно меня интересуют последствия необдуманных и непредсказуемых действий, происходящих от избытка неконтролируемой энергии.

— И вы стараетесь противодействовать им?

— Стараюсь, как могу.

— Тогда у вас очень много работы...

— Да, не жалуюсь.

Что-то страшное толкало меня дальше.

— И по воле обстоятельств вам приходится вмешиваться в разные дурацкие истории, — осторожно продолжила я. — Наверняка, сенсационные и таинственные? И вам это все бесконечно надоело и вы предпочли бы полный покой?

— Вы очень неплохо это определили. Может слегка упрощённо, но довольно точно.

— Значит, вы являетесь моей противоположностью. Мне это не надоело и я не желаю полного покоя...

— И поэтому вы встречаете во все, что подворачивается?

Я выросла в землю. Мы стояли под фонарём, лицом друг к другу. Он смотрел на меня взглядом, наполненным вежливым интересом, каменно-спокойным лицом. Вместо того, чтобы напрячь мозг, разгадать, понять, расшифровать, что означает то, что я слышала, я чувствовала только одно — он смотрит не на меня, а на лицо Басеньки. На эту дурацкую чёлку, на идиотскую родинку, на агрессивные брови и недовольный рот...

Первое, о чем мне наконец-то удалось подумать, что моё отупение не имеет границ и я с ним не справлюсь. Затем я решила, что всегда приятнее иметь такого противника, как этот, чем какого-нибудь уроды. Потом я стала сомневаться, действительно ли он мой противник. Потом я решила продолжать играть роль и скрыть правду, которую минуту назад я чуть не выболтала.

— Откуда вы знаете, что я во что-то встречаю? — обиделась я.

— А я и не знаю. Я догадался по тому, что от вас слышал...

Я увидела спасительный свет, невероятным образом ситуация радикально изменилась. Гнетущая меня тяжесть бесповоротно исчезла, хотя я только теперь осознала, что за весь вечер так и не овладела положением. Все происходит независимо от меня. Единственное достижение, которого я добилась собственными усилиями — добыча не столько бизона, сколько телёнка, я полностью вышла из роли Басеньки и теперь не имела возможности в неё вернуться. Телёнок был хоть и маленьким, но было непонятно, не вырастет ли он, поскольку от неё я оставила только лицо...

Я очень смутно ощущала течение времени, в ногах чувствовалась тяжесть бесчисленных километров, темы для разговора появлялись сами собой и размножались, как кролики весной, мне казалось, что этого человека я знаю бесконечное число лет. Я расслабилась, сознания мне хватило только на протест против того чтобы он шёл со мной дальше края

скверика и наконец, в окончание чудесного вечера, я подстрелила вожака стада.

Если точнее я невольно протянула руку для прощания. И, конечно, он мне представился.

— Раевский, — отчётливо и благожелательно произнёс он.

— Хххххххх... — сказала я, панически пытаюсь преобразовать эти первые буквы во что-нибудь — хрип, кашель, отхаркивание, отрыжку, хоть что-то, лишь бы не Хмелевская!!!

Фамилия Мачеяк сквозь горло не пробилась. Обидевшись на себя, решив вернуть пану Паляновскому его паршивые пятьдесят тысяч, я ограничилась невнятным бормотанием...

* * *

Разволновавшийся до сумасшествия муж ждал в гостиной.

— Боже мой, я уже думал, что ты попала под машину! — раздражённо выкрикнул он, увидев меня. — У тебя, осенние манёвры, или как?! Я сижу здесь как на сковородке, ни хрена не знаю, что делать, это просто скандал, я все выяснил!!!

Перестановка на новые пути расслабившихся и разомлевших мозговых центров потребовала от меня долгого времени и геркулесовых усилий. Про пакет для шефа я полностью забыла и в первый момент вообще не поняла, о чем он говорит и чего хочет.

— Что с тобой... — начала я с лёгким испугом.

— Пошли!!! — остановил меня муж и схватив за руку поволок на кухню. — Посмотри сама! Я их изобличил! Я химик!

Я не понимала, какое отношение имеет к делу то, что он химик, до тех пор пока не увидела результатов его деятельности. Собственность шефа лежала на столе в состоянии достойном сожаления. Каменные рамки картин были частично поколоты, из рыцаря на доске торчали щепки, а лишённые излишних украшений подсвечники производили впечатление надкусанных.

— Смотри! — горячо потребовал муж. — Когда ты ушла мне было нечего делать и я присмотрелся к этому повнимательней. Это такое же железо и такая глина, как я китайская роза! Мрамор. Разве это мрамор? Это искусственный мрамор, как называется то, из чего делают колонны,

стены?..

— Алебастр, — машинально ответила я.

— Алебастр. Сколько он весит? Столько же как мрамор?

— Ты что, мрамор это камень, а алебастр — это гипс. В две тонны разница...

— Вот из алебастра все это и сделано, дерьмо это, а не мрамор! И подсвечники дутые!

Я испугалась, что он от чего-то свихнулся:

— Успокойся, говори по-порядку! — потребовала я, вырывая у него руку. — Может сделать тебе холодный компресс на голову? Или воды выпей... Ничего не понимаю, какие дутые, какой алебастр?!

— Да посмотри же, ослепла ты на этой прогулке, что ли?

Я присмотрелась к охаянным обломкам, все ещё не зная, что должна увидеть, пытаясь избавиться от впечатления, что мой сообщник свихнулся и в приступе сумасшествия пообгрызал подсвечники. Сообщник стоял надо мною словно палач и возбуждённо сопел. Я заметила отпиленный кусочек железа, увидела крошки псевдомрамора, осторожно взяла в руку надгрызенную оболочку и заглянула в выдолбленную дыру. Мне показалось, что там что-то блестит.

— Там что-то есть? — неуверенно спросила я.

Муж кивнул головой так, что она у него чуть не отвалилась.

— Золото. Настоящее золото, чтоб я сдох. Во всех.

Я вновь остолбенела. Я осмотрела остальные подсвечники, взглянула на повреждённую раму рыцаря, заглянула под щепки. Это была не настоящая доска, дерево было очень тонким, а в середине тоже что-то лежало. Я наклонила рыцаря, муж подсветил фонариком, под мазнёй блеснули драгоценные камни.

— Вот тебе и на, похоже на икону! — сказала я с недоумением. — Утыканную драгоценными камнями и, кажется, старую!

— Как пить дать, икона! — с воодушевлением подтвердил муж. — Золото и произведения искусства в ординарной упаковке. Ты что-нибудь понимаешь?

Рыцарь ущипнул меня за палец, благодаря чему я обрела уверенность, что мне это не снится. Я посмотрела на все ещё раз и уселась в кресло, ощутив, что с этого надо было начинать.

— Зажги газ, — попросила я. — Это серьёзное дело, мне надо выпить чая. Придётся подумать.

— Пахнет мошенничеством, — подвёл итог муж, послушно доливая воду в чайник. — Не знаю, что за человек этот шеф, но чувствую

преступление, получается так, что мы станем жертвами. Нам это подбросили в полной уверенности, что мы ничего не сделаем и это будет лежать. С минуты на минуту примчится милиция, возьмёт нас за шкуру...

— Дурачок, это было бы слишком просто. Милиции здесь делать нечего, каждый может хранить свои драгоценности хоть в сушёном дерьме. Кроме того, сразу бы стало ясно, что мы это мы, а не они. Разве что... Подожди...

Муж с интересом повернулся ко мне:

— Ну?

— Подожди, кое-что пришло мне в голову. Разве что...

Моё больное воображение понеслось галопом.

— Разве что их убили и подозрение должно пасть на нас. Возможно, все устроено так, что они найдут их трупы, примчатся сюда, увидят нас, притворяющихся ими, с ворованным имуществом и привет — преступники готовы. Объяснения, которые мы будем давать будут, естественно, такими идиотскими, что нам никто не поверит, а если и поверит, нас посадят за подделку под кого-то другого. Выхода нет, мы замешаны в преступление!

Муж стоял посреди кухни, с руками застрявшими в вздыбленных волосах и смотрел на меня с тупым страхом.

— Ты это серьёзно? — хрипло прошептал он. — Ты уверена?..

Я опомнилась. С некоторым усилием я овладела буйством разошедшегося воображения, потому что мысленно увидела труп Басеньки, вытянутый из-какого-то болота в неизвестной мне местности. Было бы очень странно, если бы Мачеяки выбросили сто тысяч за убийство самих себя. Положение казалось серьёзным, нельзя было поддаваться панике и буйству воображения. С некоторым трудом я поднялась с кресла, сняла жакет и повесила его на спинку.

— Ну ладно, возможно, дело не в убийстве, а в чем-то другом. Может должны быть замешаны не мы, а шеф? Нет, это нелогично. Кроме того, как мы замешаны? Мне в голову ничего не приходит.

— Муж вдруг пришёл в себя, вынул руки из причёски и закрутил газ под закипевшей водой.

— Я бы ничего не говорил, если бы это не было так странно замаскировано. С этими преступлениями ты кажется переборщила, но какая-то пакость быть должна. Я понимаю золото, понимаю антиквариат, но на кой черт делать из этого такие штуки? Для шефа!.. И эта наше показное сходство! За тобой никто не следил на прогулке?

Внутри у меня все перевернулось. Следил!.. Нет, действительно, слежкой этого назвать нельзя... С минуту я не могла сообразить, что ему

ответить, действительность перемешалась с измышлениями, факты с допущениями, сама я не могла разобраться, что имеет отношение к делу, а что нет. Мизерные остатки трезвого ума предостерегли меня от приплетения к этому блондина...

— С одной стороны этот дурацкий маскарад, а с другой фаршированные шедевры, — уныло говорил муж. — Все отдельно ещё ничего, но вместе — для меня многовато.

— Для меня тоже.

— Пятьдесят штук я уже вложил в квартиру. Черт, не знаю, что и делать...

— Заварить чая, — решила я. — Надеюсь ты в состоянии?

Я подумала ещё немножко и твёрдо добавила: — Я лично все больше созреваю для обращения к милиции.

Муж выронил банку с чаем.

— Чокнулась, что ли?!..

— А ты предпочитаешь, чтобы милиция пришла к нам? Прежде чем мы догадаемся в чем тут дело, может быть уже поздно. Да налей же наконец воды!... Я думаю, на всякий случай с ними надо побеседовать.

— Я уже вижу, как они поверили во всю эту болтовню про любовь! Ты знаешь, что будет за пользование чужими документами?

— Ты показывал кому-то документы Мачеяка?

Муж застыл с чайником в руках, интенсивно думая. Он сделал движение, будто пытался почесать голову, но чайник помешал. Он чуть не ошпарился.

— Нет, — ответил он через минуты с необычайным облегчением. — А ты?

— Я тоже, нет. Обвинение в использовании чужих документов отпадает. Заметь, что о нашей договорённости никто не знает. Если бы мы, например, поселились здесь на время их отпуска, для охраны дома и мастерской...

— Что? А знаешь, это мысль... Неплохая мысль! Слушай, это гениально!

Мы сдвинули на край стола подозрительные богатства, принялись за чай и приступили к дальнейшему обсуждению. Все вместе было очень сложно, непонятно, подозрительно и беспокояще, необходимость войти в контакт с милицией начинала нам все больше нравиться. В любом случае это было единственным безопасным решением. Первое потрясение у нас уже прошло и мы начали думать почти нормально.

— Это отнюдь не гениальная мысль, а просто следующий идиотизм,

который мы не должны совершить, — безжалостно сказала я. — Первое, что мы должны обсудить, — отношения, связывающие нас с Мачеяками, без этого, все остальное не имеет смысла. Как только мы попробуем соврать, немедленно окажемся в безвыходной ситуации и подозревать начнут нас, а не преступников. Придётся говорить правду, без этого не обойтись. Но это ещё ничего, я вижу здесь кое-что похуже.

— Что именно?

— А то, что они позаботились о нашем показном сходстве. Мы не можем этим пренебречь, это имело какую-то цель. Я подозреваю, что за нами кто-то смотрит. Кто-то за нами наблюдает. Может быть, кто-то непрерывно за нами следит...

Муж нервно обернулся и посмотрел на газовую плиту.

— ...проверяет, что мы делаем, — зловеще продолжала я. — Как ты думаешь, что будет, когда они увидят, что мы мчимся в милицию?

— Кто увидит?

— Те, кто за нами следят.

— Как ты думаешь, кто это?

— Что я, дух святой? Черт его знает. Если Мачеяки позаботились, чтобы мы были похожи издалика, то Мачеяки могли позаботиться и о том, чтобы кто-то проверял, не пренебрегаем ли мы своими обязанностями. Вероятно, какой-то враг Мачеяков. В это должно быть замешано много людей, не станут же они посылать себе пакет и лезть через подвальное окно. Наш визит в милицию наверняка в программу не входит.

Муж с неприязнью посмотрел на меня:

— Ну и что? Ты думаешь, что нас застрелят на пороге или набросят лассо?

— Дурачок, не будем же мы сидеть в милиции до конца света. Выйдем. Потом пройдёт ночь, потом будет следующий день, потом нас может повстречать несчастный случай...

— На лице мужа появилось выражение безграничного недовольства.

— Я уже решил, что не дам себя обдурить. От твоих видений можно чокнуться, ты все время выдумываешь что-нибудь такое, что я в конце-концов и сам не знаю, в каком мире живу. Слежка кажется мне правдоподобной, а весь остальной винегрет — по-моему преувеличение. Все это странно, не спорю, но может, ничего особенного? Может, никакое не преступление, а обыкновенное мошенничество?

— Я не знаю такого мошенничества, исполнители которого любили бы обращаться в милицию. Кроме того, это может быть даже благородный поступок, младенчески невинный, это могут быть реликвии и святыни,

закрытые специально, чтобы взгляд человека их не портил. Тем более, явное обращение к милиции недопустимо. Подумай логично. Одно из двух, либо мы имеем дело с преступлением и тогда преступники стукнут нас по темечку, или все это нам кажется — тогда мы представляемся истерическими свиньями. Мало того, что мы должны попасть к легавым незаметно, но и должны позаботиться о сохранении тайны, если окажется, что это личные дела Басеньки и Романа. Они заплатили и как благородные люди имеют право потребовать...

В конце-концов муж дал себя убедить, выдвинув некоторые опасения.

— И как ты себе это представляешь? Товарищ начальник, есть преступление, но только никому не говорите... Они же заставят тебя дать письменные показания, начнут следствие...

Я успокаивающе махнула чайной ложкой:

— Ничего подобного. Я знаю, к кому идти. К одному полковнику, он меня знает, немного, но знает. Это человек интеллигентный, видел в своей жизни и не такое и сможет понять.

— Вместе пойдём, или ты сама?

— Сама. Лично. Я договорюсь с ним по телефону.

— Как ты или как Бася?

— Чокнулся? Конечно, как я! В этом все и дело. Тебе придётся помочь, потому что по дороге надо будет превратить её в меня. Я выхожу из дома как Басенька, а в милицию вхожу, как я, собственной персоной. Надо что-то придумать.

Муж уже перестал сопротивляться и даже загорелся новой идеей. Личная беседа со знакомым полковником казалась мне наилучшим выходом, особенно после того как я отметила его достоинства. До поздней ночи мы обсуждали технические вопросы предприятия и в конце-концов спланировали его до мельчайших деталей...

* * *

Полковнику я позвонила назавтра и условилась с ним на следующий день, ровно в полдень. Затем, согласно плану, я обеспечила себе транспорт. А именно, позвонила одному из друзей, обладателю «трабанта». Он уже давно привык к моим странным идеям.

— Ежи, — таинственно сказала я, — можешь ли ты завтра, ровно без

пятнадцати двенадцать, ждать меня на Хмельной, перед входом в кинотеатр «Атлантик», чтобы отвезти меня на Мокотув? Только отвезти и больше ничего. Как можно быстрее.

— Завтра?

— Завтра. Без пятнадцати двенадцать. В полдень.

— Рад стараться. Конечно есть экипажи, которые отвезли бы тебя быстрее, например пожарники, но насколько я понимаю, по каким-то причинам ты не желаешь воспользоваться их услугами. Без пятнадцати двенадцать, на Хмельной, перед входом в кинотеатр. Я и моя машина к вашим услугам...

Больше пока ничего улаживать не требовалось. Эмоции должны были появиться завтра. Проблемы загадочного существования Мачеяков стали в мёртвую точку, позволив перевести дыхание.

Я шла в скверик, наполнившись добродушным меланхоличным интересом. Знакомство с блондином казалось каким-то нетипичным, с одной стороны удивительно строгим, а с другой — непостоянным и ни к чему не обязывающим. Я не была в состоянии предвидеть, что из этого получится и получится ли что-нибудь вообще. Воображение, вопреки привычке, ничего не подсказывало, а мозг, измученный шефом, временно отказывался работать. Я была готова только к одному, не скомпрометировать себя какой-либо инициативой.

Увидела я его внезапно, он спускался вниз намного раньше чем обычно. Я столкнулась с ним как-раз на перекрёстке аллеек, вежливо не делая никаких усилий для этого. Я, правда не развернулась и не бросилась бежать, но и не чувствовала, что должна это сделать.

Он остановился, поклонился, и как-то само-собой получилось, что поздороваться стало необходимо и естественно.

— Не ждала вас увидеть в такое время, — произнесла я ни о чем не думая. — Обычно вы появляетесь позднее.

— У меня был исключительно тяжёлый день, и только теперь я возвращаюсь домой, — живо ответил он. Я попытался хоть как-то сгладить последствия того, что вы так любите. Избытка неизрасходованной энергии.

Этим напоминанием он сразу же меня разозлил.

— Кто-то столкнул с рельсов паровоз? — с ядовитой доброжелательностью поинтересовалась я, медленно двинувшись вниз по аллейке.

— Не совсем. Но разбил стоящую на стоянке машину и сядет. Молодой парень, которого мне жалко, потому что он сделал это по-глупости, пьяным. А напился он от ревности к девушке.

— Шутите! Такие чувства у теперешней молодёжи?!

— Это случается чаще, чем нам кажется. А парня мне жаль, он вообще-то стоящий, если бы не эта девушка из него могло что-нибудь выйти.

— А вы случайно не антифеминист?

— Не думаю. Хотя временами задумываюсь, не стать ли им. Женщины бывают просто ужасными.

— Мужчины тоже, — убеждённо ответила я и остановилась. — Я не хочу навязываться, но не могли бы мы присесть? Разговор в вертикальном положении доставляет мне мучения, а встать отсюда мы можем в любой момент.

Я вспомнила, что не должна была проявлять никакой инициативы.

— Может вы спешите? — как можно скорее добавила я.

— Наоборот, я с удовольствием здесь отдохну...

Он выбрал скамейку, вытер её, и заботливо, как паралитичку, усадил меня. Во время возни со мной он выглядел так, будто до блеска начищает редчайшую жемчужину. Осознавая значение этой вежливости, я мысленно уныло кивнула головой.

— Кажется вы хотели вернуться к теме, — потребовала я. — На каком основании вы интересуетесь мальчиком деморализованным плохой девочкой? Милиция, комиссия по делам несовершеннолетних?

— Ни то ни другое, а скорее и то и другое. Я случайно знаю парня. Девушку ему подставили специально, чтобы столкнуть с пути истинного. Наши преступные элементы иногда работают масштабно и используют самые изощрённые методы.

— И зачем вам это? Вы этим занимаетесь?

— Частично. Я этим интересуюсь. Я не люблю организованной преступности, действия которой отражаются на всем обществе. Если могу, противодействую.

— Невероятно! — вырвалось у меня. — Мафия, преступления, тайны... Это же мне и нужно!

— Зачем?

Я прикусила язык. Роль Басеньки начинала меня тяготить, как ядро, привязанное к ноге. На кой черт я вообще согласилась разговаривать с паном Паляновским?!.. Ах, да, без пана Паляновского я не попала бы на эти прогулки...

— Такой у меня характер, — уныло сообщила я. — Я питаюсь сенсациями и без них ощущаю голод. Как солитёр.

— Солитёр предпочитает мясо. Мне кажется, что в настоящее время

вам грех жаловаться на отсутствие загадок и тайн.

— Откуда вы знаете?

— Вы мне сами сказали...

— Вы говорите мне вещи от которых волосы становятся дыбом. Кажется мне, что-то, что вы делаете... вы делали и в прошлом... это то, что всегда меня притягивало. Не могла бы я как-нибудь в это впутаться?

— Нет, — спокойно ответил он, даже не пытаясь воспротивиться моим инсинуациям. — Вы не можете. Для этого надо иметь соответствующую подготовку и черты характера, которых вам недостаёт. Например, терпение...

Я никак не могла его понять. Если он был кем-то из тех, о ком вслух не говорят, он должен был категорически отказаться, тогда бы я точно знала, кто он. Но он вовсе не отпирался, из-за чего я терялась ещё больше. Он демонстрировал искреннее радушие, из которого ничего не следовало.

На различии наших характеров сказала разница пола. А из разницы пола естественным образом следовал брак. О браке, как таковом, у меня всегда было собственное не слишком лестное мнение. Из его ответов начало проясняться нечто, что меня удивило и что я решила выяснить не взирая на последствия, которые легко было предвидеть. Было похоже, что отстрел бизонов я веду на всех парах.

— Не знаю, будет ли это тактично, но нет ли у вас жены?

— Нет. Но была. А вы? Я имею в виду мужа.

Меня застопорило. Что я могла сказать? Врать плохо, сказать правду ещё хуже. Надо было решиться, кто я, Басенька или я...

— Нет у меня никакого мужа, — решительно произнесла я, чувствуя, что признаться в существовании пана Романа Мачеяка выше моих сил. — Был, но теперь нет. Он со мной не выдержал. А что касается вашей жены, я удивлена, что её нет, потому что она должна быть, и я даже знаю, как она должна выглядеть.

Я справедливо предположила, что его жена заставит забыть про моего мужа. Он не скрывал интереса, довольная произведённым эффектом, я описала ему его выдуманную половину. Моё описание его позабавило, но не пришлось по вкусу.

— Вот уж не знаю, понравилась бы мне она, — решил он. — Внешность ещё так сяк, но характер...

— Поэтому я и решила, что ваш союз не очень счастливый. Кроме жены у вас ещё должен быть кабинет с довоенным письменным столом, — продолжала я без остановки, пытаясь подавить в зародыше всякие мысли о моем муже. — В трехкомнатной квартире...

— Я живу в однокомнатной, — остановил он меня. — Письменного стола у меня вообще нет, пишу я на маленьком столике. Ради бога, откуда вы все это взяли?

— Вы так выглядите. От нечего делать я присматривалась к вам в скверике и добавила вам антуража. Вы выглядите как цвет цивилизации.

— Как что?

— Как цвет цивилизации. Который не приспособлен к жизни в лесу, потому что там все колетса, здесь ему мокро, там грязно, а там за воротник капает. Который садится на муравейник.

У него начался такой приступ смеха, что я удивилась. Мне совсем не хотелось его так веселить.

— А вы знаете, это лучший комплимент из всех, что я слышал, — сказал он не переставая смеяться. — Вы понятия не имеете, как я боялся и сколько усилий потратил на то, чтобы быть похожим на цивилизованного человека, а не на лесного отшельника. Я очень долго жил именно в лесу. Лес был моей естественной средой, я до сих пор чувствую себя там намного лучше, чем в городе. Этого действительно не заметно?

— У вас что, зеркала нет? — ехидно спросила я.

— Нет, — признался он, продолжая смеяться. — Есть маленькое, для бритья. В нем видно отрастающую бороду, которая не производит очень цивилизованного впечатления. А вы любите лес?

— Естественно. И даже неплохо себя там чувствую, не мёрзну и не страдаю от насморка...

Я с чистой совестью могла поклясться, что не удерживала его на этой скамейке силой. В любой момент он мог встать и пойти домой. По неизвестным причинам он не вставал и не шёл. Странно...

Когда я ввалилась в прихожую Мачеяков, оказалось, что уже полночь. Муж ждал меня в пижаме, очень злой.

— Ты меня в могилу вгонишь, — уведомил он меня. — Что на тебя нашло, почему именно теперь ты исчезаешь на всю ночь! Прежде ты возвращалась раньше!

Обременительная афёра, мешающая ему весь вечер, диссонансом ворвалась в моё благостное настроение и показалась мне невыносимо противной. Я на мгновение забыла, что люблю сенсационные происшествия.

— Кто просил тебя ждать? — раздражённо спросила я. — Как муж ты меня не ждал, а теперь у тебя крыша поехала! Что-то случилось?

— Конечно! Я отколупнул кусочек от глиняного подсвечника и, слушай, там какая-то скульптура.

— Какая скульптура?

— Ну статуэтка. Из золота.

— Наверное тоже шедевр. Это просто извращение действий торговцев. Они подделывают стекла под бриллианты из царской короны, а тут шедевры превратили в мазню. Хоть убей, но я не понимаю, зачем им это было нужно!

— Я не знаю, наверное, придётся ещё поразмыслить, может что и придумаем до разговора с полковником. Ты отдаёшь себе отчёт насколько по-идиотски все это выглядит?

— Будет ещё более идиотски, если окажется, что мы должны отдать шефу его собственность в первоначальном состоянии, — беспокоило заметила я, когда обнаружила, как он разорил драгоценности. — Надеюсь, это все-таки преступление...

Муж направился за мной на кухню, упёршись в необходимость продолжить рассуждения. Он выдвинул предположение, что визита взломщика ожидали и старались отбить у него искушение выкрасть самое ценное, спрятав его таким изощрённым способом. Отталкивающе могла подействовать и тяжесть. В конце-концов я дала себя вовлечь в тему, придерживаясь все-таки версии правонарушения и боязни милиции, поскольку от одной мысли о том, что мы разломали на кусочки собственность порядочных людей и теперь мне придётся собственноручно реконструировать морду плакальщицы, мне делалось нехорошо. Дополнительно меня сбивало воспоминание о пане Паляновском, пылкая чувственность которого не позволяла исключить амуры с Басенькой. Нельзя же было допустить, что предметом чувств мог быть рыцарь с головой, как дыня...

На следующий день, в половине двенадцатого, мы начали действовать. Я запарковала Басенькин вольво у торгового центра и вместе с мужем пошла в «Саву». На мне была яркая шляпка и плащ в клетку, муж нёс сильно набитую сумку. Старательно симулируя желание что-либо приобрести мы обошли первый этаж, поднялись наверх и вышли на лестничную клетку в задней части. На лестнице как раз никого не было. Я сорвала шляпку с головы, сорвала с себя плащ, муж выхватил из сумки светлый жакет от юбки, которую я надела под плащ, я воткнула ему в руки сумочку от плаща, вырвала сумку от костюма, прошлась гребнем по волосам, подготовленным косметическим молочком смыла рот, брови и родинку с лица. Длилось это ровно полторы минуты. Я напялила тёмные очки, оставила его запикивающим в сумку клетчатый плащ и помятую шляпку, и через второй этаж вышла наружу со стороны Хмельной улицы.

Мой надёжный друг ожидал в «трабанте» среди кучи машин.

— Делай что хочешь, — сказала я, поспешно усаживаясь. — Но не допускай, чтобы кто-либо нас догнал. Посмотри, не едет ли кто за нами, и, если едет, оторвись от него. Я не могу ехать на Мокотув явно.

— Ты меня удивляешь, — с невозмутимым спокойствием сказал Ежи трогаясь с места. — Мне казалось, что ты там живёшь и это все знают. Кроме того, если догонять нас будет милиция, предупреждаю сразу — убегать не буду.

— Милиция мне не мешает, я боюсь частных лиц.

— По-моему наше грустное серое существование набирает красок! Что на этот раз?

— Понятия не имею, но через две недели тебе расскажу. К тому времени все должно разъясниться. О боже, езжай!!!!..

Ежи отказался от соблюдения правил и проехал перекрёсток на жёлтый свет, благодаря чему мы стали последней машиной на дороге. За нами никто не ехал. Я успокоилась.

К полковнику меня впустили сразу, хоть я пришла на пару минут раньше. Мы посмотрели друг на друга со взаимным интересом, не лишённым опасений. Его наверняка беспокоило, какую новую глупость я выдумала, а я размышляла, как долго он будет меня терпеть. Меня немного утешало то, что с мужчинами, которые мне не нравятся, разговаривать как-то легче, даже если это чисто казённые разговоры.

Полковник мне понравился с первой нашей встречи, это было и естественно, поскольку он был мужчина видный, и удивительно, поскольку он носил бороду. Я не люблю бород, но должна была признать, что она ему исключительно идёт, и, кто знает, возможно без бороды он выглядел бы намного хуже. К общению с ним я относилась с симпатией, испытывая тихую надежду, что симпатия окажется заразной.

— У меня трудности, — сказала я. — Я пришла как частное лицо, чтобы донести на себя. Я преступила закон, не знаю, что теперь делать, и очень прошу не садить меня сразу.

— Скажите, в чем дело. Если это не убийство, то возможно, вы останетесь на свободе.

— Если позволите, я начну с конца. Мне кажется, что я впуталась в дело, которое заключается в подделке произведений искусства. По-моему вам это знакомо.

Полковник как-то странно посмотрел на меня:

— Не знаю, понимаете ли вы, что мы довольно редко подделываем произведения искусства.

— Но вы раскрываете преступления в этой области намного чаще, чем я. Значит так, я нашла пакет... То есть, его нам принесли... Нет, все-таки с этого начинать не стоит.

Полковник смотрел на меня с выражением терпеливого отвращения. Я решила с конца не начинать.

— Жаль, по-видимому придётся начать с начала. Итак, один мужчина уговорил меня, чтобы я три недели изображала женщину, которая уедет. Я должна была поселиться в её доме и ссориться с мужем. Как она. Я похожа на неё лицом, особенно в её парике и её шмотках. Я там поселилась.

— Зачем? — остановил меня полковник.

— Как зачем, чтобы изображать эту женщину...

— Зачем её изображать?

— Так этот мужчина, который меня уговорил, говорил, что для любви. Чтобы она могла уехать с ним в тайне от мужа. Такая большая любовь, тайная, с препятствиями... Подождите, как раз здесь собака и зарыта. Я поселилась и через некоторое время узнала, что её муж вовсе не её муж, а подставное лицо...

— Не могли бы вы говорить попонятнее?

— Стараюсь, как могу. Я выступила в роли хозяйки дома, и в доме был муж, который, как оказалось, очутился в точно такой же ситуации, то есть, один мужчина уговорил его, чтобы он изображал мужа, то есть этого мужчину. Чтобы он поселился в его доме и ссорился с его женой. Он поселился и был уверен, что жена это я...

— По-моему, вы как раз пишете какую-то неслыханно запутанную повесть. Какое отношение к этому имеет подделка произведений искусства?

— Жаль, что я не принесла эту плакальщицу над гробом, вы бы сразу поверили, что все это правда, — уныло сказала я, одновременно подумав, что мои рассуждения действительно звучат не совсем понятно. — Но она чертовски тяжёлая, кроме того я не хотела испытывать ваши нервы. Вместо того, чтобы поблагодарить меня, вы надо мной издеваетесь.

— Не знаю, кто над кем, по-моему, вы надо мной.

— Я бы не решилась. Слушайте дальше. Короче говоря, выяснилось, что в доме живут два человека, которые, вдвоём, в тайне друг от друга, должны изображать чужих людей. Причины, по которым нас уговорили, показались нам неясными и подозрительными, до сих пор мы их так и не поняли. Это ещё ничего, я бы к вам не прибежала, подозрительным нам показался пакет, который принёс пару дней назад какой-то жлоб. Впервые, он по-дурацки со мной разговаривал...

— Как? — снова остановил меня полковник, я вдруг поняла, что вопреки доброжелательной недоверчивости он слушает удивительно внимательно и безошибочно вылавливает из хаоса самое важное. А говорит, что ничего не понимает!.. Я почувствовала, что-то вроде удивления.

— Абсолютно бессмысленно. Спросил меня про кур, согласился на крокодилов и сказал, что принёс для них морковь...

— Не могли бы вы воспроизвести этот разговор поточнее? Морковь для крокодилов меня немного сбивает.

— Меня тоже. Конечно могу. Вы хотите сразу?

— Нет, потом. И что дальше?

— Он вручил мне пакет для шефа.

— Для кого? — очень резко спросил полковник.

— Для шефа. Извините меня, но я не выдумываю...

Полковник жестом остановил меня. С минуту он размышлял, мне показалось, что в его взгляде я увидела некоторый страх, после чего он поднялся, выглянул к секретарше и потребовал немедленно позвать капитана Рыняка. Я слегка забеспокоилась.

— Подождите со своими откровениями, — сказал он, вернувшись в кресло. — Сейчас сюда придёт мой сотрудник, которого они заинтересуют. То что вы говорите, это голая правда, или вы добавили кое-что от себя?

— Вы меня переоцениваете, к такой правде трудно что-либо добавить...

Капитана Рыняка я знала уже много лет. Он, кажется, тоже меня помнил, причём лучше меня, потому что, увидев меня, будто поперхнулся. Я подумала, что все-таки люблю милицию без взаимности.

— Пани Хмелевская рассказывает интересную историю, — язвительно произнёс полковник. — Она может вас заинтересовать. Ей встретился какой-то пакет, предназначенный для шефа.

Капитан посмотрел на меня как на привидение.

— Вы?!

Я кивнула.

— Она, она, — нетерпеливо подтвердил полковник. — Ей вручили этот пакет, потому что уже несколько недель, она играет роль совсем другого человека, её на это уговорили. Как её зовут, жену?

— Мачеяк. Барбара Мачеяк.

С минуту капитан был похож на человека поражённого громом. Он сорвался с кресла, застыл на полпути, уставившись на меня взглядом наполненным удивлением и страхом. Мне стало жарко и я очень нехорошо

подумала про пана Паляновского. У полковника было каменное лицо.

— А мужа?

— Роман. Тоже Мачеяк, естественно.

— И, судя по тому, что вы говорите, некоторое время вместо Барбары и Романа Мачеяк в их доме живут два абсолютно посторонних человека.

Капитан свалился в кресло, после чего подхватился и молча выбежал. Я почувствовала себя, как в тропиках. Я сделала несмелую попытку объяснить в чем тут собственно дело, которую полковник подавил в зародыше. Через несколько очень долгих минут капитан вернулся с бумагой в руке.

— Она вышла из дома, одетой в фиолетовую шляпу, клетчатый плащ, фиолетовое, чёрное, красное. Чёрная сумочка, чёрные туфли, — прочитал он с бумаги. — Вошла в «Саву»...

Он остановился и оба они, как по команде, посмотрели на мой светлый костюм и бежевую сумочку, после чего одновременно перенесли взоры на ноги.

— Сходится, — неуверенно призналась я. — Туфли у меня те же самые, они не подходят к этому костюму, но я надеялась, что никто не обратит внимания. Все остальное в сумке у подставного мужа, который ждёт на лестнице в торговом центре.

Полковник и капитан посмотрели друг на друга. Капитан свалился в кресло, как человек у которого отнялись ноги. Воцарилось зловещее молчание.

— Рассказывать дальше? — осторожно спросила я, сильно испугавшись. — Кажется, я вам перешла дорогу?..

— Да, немного, — ответил полковник. — Вам обязательно впутываться в такие дела?.. Начните ещё раз, сначала, и теперь со всеми подробностями. И повторите тот разговор.

Я придерживалась хронологии событий, всеми силами пытаюсь выпятить большую любовь пана Паляновского, которая для меня была единственным смягчающим обстоятельством. Капитан слушал внимательно, выражение удивления сменилось выражением угрюмой злости, он смотрел на меня с нескрываемым упреком. Я опять добралась до пакета для шефа.

— Почему вы пришли только сейчас?! — обиженно и возмущённо выкрикнул капитан.

— Раньше не было повода, в супружеской измене я не вижу ничего подозрительного...

— Как вы сюда добрались? — спросил полковник, осенённый какой-то

мыслью.

Я объяснила все относительно моего визита. Они посмотрели друг на друга. Лицо капитана слегка посветлело.

— Ещё можно кое-что исправить, — пробурчал он с надеждой.

— Это может даже пригодиться, — ответил полковник, мужа...

— Подождите, это ещё не все, будут вещи и повеселее, — вмешалась я раздражённая тем, что они постоянно перебивают меня на шефе и дают рассказать остального. — Вся соль в содержимом пакета! Именно поэтому я пришла.

— Как, вы его открыли?

— Конечно, вместе с мужем. Подставным.

— И что там было?

— Видите ли, именно здесь мы и подходим к подделке произведений искусства. Это определение неточное и неправильное, это следовало бы назвать маскировкой произведений искусства. Две жуткие мазни, а под ними старые иконы, кроме того, четыре золотые статуэтки, переделанные в подсвечники каких свет не видел. Какие статуэтки я не знаю, мы доковырялись только до кусочка. Все это вместе показалось нам странным.

— И где это теперь?

— Лежит на кухне, на столе, прикрытое бумагой.

Полковник снова посмотрел на капитана. Капитан потёр подбородок и над чем-то задумался, сосредоточенно глядя на меня. Мне показалось, что они спорят друг с другом при помощи телепатии. Афера супружеской четы Мачеяков была им известна, в этом у меня уже не было ни малейшего сомнения, хуже того, это, должно быть, какой-то ужасный скандал, судя по производимому впечатлению. Полковник не принадлежал к числу людей выдающий трения, происходящие в кругу милиции, людям вне этого круга.

— Как вы?.. — вдруг спросил капитан, посмотрев на полковника.

— Поможет, без колебаний ответил полковник. — Другого выхода нет.

Я испытала облегчение. Капитан кивнул головой.

— Порядок, — жёстко произнёс он. — Завтра к вам придут сантехники. Скорее всего трое. Я попрошу вас впустить их.

Я согласилась, вспомнив, что это ещё не все. Я рассказала про взломщика. Они восприняли это удивительно благодушно, после чего начали перекрёстный допрос. Мои знакомства в скверике они трактовали легкомысленно, на вопрос гонорара почти не обратили внимания. Наконец мне показалось, что они удовлетворены.

— Теперь надо как-то добраться к вашему подставному мужу, энергично сказал капитан. — Где он вас ждёт?

— На задней лестнице в «Саве». Добирайтесь к нему осторожно, а то он нервничает.

— Я с ней посижу, — сказал полковник. — А вы потом зайдите ко мне.

Они обменялись какими-то непонятными жестами, полностью договорились при помощи взглядов и капитан вышел. Полковник обратился ко мне.

— Что вам ударило в голову, зачем вы согласились на этот идиотский маскарад? — с раздражением, осуждением и некоторым отвращением спросил он. — На кой черт вы превратились в эту жену? Вам не приходило в голову, что это нечто противоправное?

— Изображать другого человека всегда противоправно, — согласилась я с раскаянием. — Но бог свидетель, в первый момент я поверила в их дикие чувства! Я люблю романы, а они меня разволновали... Проявите же хоть тень человеческих чувств, скажите, в чем дело!

— Конечно скажу, а то неизвестно, что вы ещё придумаете. О сохранении тайны, я думаю, напоминать не надо, вы сами поймёте, чем грозит разглашение. Дело в том...

Он на мгновение остановился. Я задержала дыхание и перестала думать.

— Речь идёт о контрабанде. Уже полтора года мы разбираемся с этим отвратительным делом. От одного немецкого барона остались так называемые сокровища, награбленные им за время войны, вы знаете, как это происходило... Собрание произведений искусства большой ценности, наших, советских, болгарских, даже греческих и итальянских. Где он это спрятал неизвестно, но кто-то это нашёл и теперь переправляет, а кроме того, переправляет те жалкие крохи которые остались у нас после войны. Вы знаете, как болезненно я к этому отношусь, и как подумаю, что вы приняли в этом участие, что вы облегчили... Если бы я вас не знал...

— Но вы же меня знаете и лучше не говорите, что бы было, если бы вы меня не знали, — поспешно прервала я его, глубоко обидевшись, потому что к такой контрабанде я относилась не менее болезненно, чем полковник. — И вообще подождите, а то у меня инфаркт будет. Контрабанда произведений искусства!..

Я сдержала напрашивавшиеся комментарии, но лицо моё наверно приняло идиотское выражение, потому что полковник сделал успокаивающий жест.

— Только спокойно, — предостерёг он. — Не устраивайте мне здесь сцен!

— Спокойно!!!.. Меня удар хватит! Большая любовь, черт побери,

придумали! Пусть вывозят доллары, водку, колбасу, но только не произведения искусства! И замешать в это меня!!!..

Я вдруг вспомнила про мебель Мачеяков.

— Там есть и ещё, — мстительно сообщила я, разозлившись до бессознательного состояния. — Там стоит рококо, мебель, на стене висит Ватто, серебряные подсвечники, гипсовая ваза восемнадцатого века! Делайте что хотите, но немедленно это прекратите!!!

— Так не я же вывожу...

— Все равно! Пресеките! Хватит, можете успокоиться, я сделаю все!..

— Ради бога, не выцарапайте мне глаза. Хотелось бы обратить ваше внимание, что это не я подставная жена, а вы...

Понемногу я начала приходить в себя. Глупая шутка превратилась в большое свинство. Ирония судьбы состояла в том, что мои патриотические чувства пышнее всего расцветали при виде старины в чужих странах, в Дании, Франции, Италии... Осознание нашей утраты в этой области грызло моё сердце и будило преступные мысли. Мне чертовски хотелось все оттуда украсть и привезти сюда.

Отвратительный поступок пана Паляновского превратил меня в Эринию, пылающую жаждой мести. Полковник добавил масла в огонь, безжалостно продемонстрировав мне, кем я выгляжу в глазах закона. Если бы он не знал меня лично...

— Вы меня уже сагитировали, — зло сказала я. — Что я должна делать?

— Только одно. По-прежнему, старательно притворяться Барбарой Мачеяк.

— Как это?!.. Изображать Басеньку и ничего больше?

— А что вы ещё хотели? Стрелять по прохожим? Изображать Басеньку, причём так, чтобы никто не догадался, что вы что-то знаете. Предупреждаю вас, эта игра может быть опасной. В расчёт берутся большие деньги, эти люди могут решиться на крайние меры. Абсолютно никто не должен догадаться об обмане и нашем взаимопонимании. Контактировать вы будете исключительно с капитаном Рыняком, он даст вам свои телефоны. А теперь возвращайтесь домой...

— Не могу, я не так выгляжу! Я опять превратилась в себя, не закрывать же мне голову газетой! У мужа в сумке плащ и шляпка!..

— Ничего, успокойтесь. Загримируетесь дома. Подумайте логично!

— А!.. — сказала я внезапно приходя в себя и замолкая. Мне стало понятно, что за четой Мачеяков наблюдала милиция, а не таинственные бандиты. Отсюда и наше чисто внешнее сходство!...

Домой я возвращалась окольными путями, через торговый центр, откуда надо было забрать машину. По пути я пыталась остыть и разобраться с полученной информацией. Все у меня сходилось неплохо. Чета Мачеяков, почуяв слежку, постаралась исчезнуть и спокойно уладить дела, оставив слежке на растерзание двух невинных жертв. Идея была великолепной, настолько глупой, что никто бы не догадался, и, одновременно, неожиданно успешной...

Муж вернулся к вечеру, полуживой от переживаний. Я потребовала отчёта о происшедшем.

— Я сказал им все! — драматически признался он. — Ко мне пристал какой-то мужик, кажется капитан, кажется он говорил с тобой, не понимаю, что это значит, они разжаловали полковника?.. Должен был быть полковник!

— Дурачок, полковнику больше нечего делать, как носиться по лестницам и ловить тебя. Он выделил нам этого капитана, с тебя достаточно.

— А!... Возможно. Там была небольшая суматоха, какая-то девушка свалилась с лестницы, продавщица, пришлось отвести её в медпункт, потому что она хромала, а он там уже ждал. Не знаю, откуда он знал, что она свалится и придёт? Нормальный мужик, мне он понравился, хоть я из этого ничего и не понял. Слушай, он просил меня продолжать притворяться Мачеяком! А тебя?..

— Меня тоже. Продолжай!

— Я думал, что он мне не поверит, я сам бы себе не поверил, но нет, выглядел он так, как будто все у него сходилось. Они про это что-то знают. Не знаю, как ты, а я держусь за милицию, это была прекрасная идея. Буду работать за Мачеяка, хоть год! Он пообещал мне, что никто не узнает, при условии, что мы им поможем. Логично, если не поможем, значит мы сами замешаны. Кажется завтра должны прийти какие-то водопроводчики, а про шефа я до сих пор ничего не знаю. Боже мой, какая каша получилась, а что с тобой?

Сообщение показалось мне ясным, понятным и согласованным с моими допущениями.

— Со мной тоже самое. Я до сих пор Басенька, разрази меня гром. Полковник не подозревает меня в преступной деятельности, зато считает меня такой идиоткой, каких свет не видел. Не понимает, как можно было клюнуть на эту болтовню о любви.

Муж кивнул:

— Ты бы послушала, как плакался этот гад, — обиженно сказал он. —

Я даже удивился, как он шалает из-за своего бегства, а под обман жены даже подвёл научную базу. Вообще-то такое случается, хоть и странно, но возможно. Он скулил, стонал и почти плакал, любой бы сдался. Кроме того, у меня мягкое сердце. Только после того как я пришёл в себя, мне показалось, что что-то здесь не сходится. Слушай, между нами, а в чем здесь собственно дело? Мне сказали, что нас втянули в преступление, но не сказали в какое. Ты знаешь?

— Знаю. Контрабанда произведений искусства.

Муж тупо уставился на меня.

— Контрабанда к нам, или от нас? — неуверенно спросил он через некоторое время.

— Идиот! К нам было бы хорошо.

— Как это? Эти жалкие остатки?!..

— Предупреждаю, — вновь рассердилась я, — я лично считаю это последним свинством! Я видела всякий антиквариат в разных странах, и внутри у меня что-то происходило. Я бы охотно самолично выкрала то, что было от нас вывезено до войны, независимо от того, в чьи руки оно попало!

— А что? — вдруг заинтересовался муж. — Ты уже пробовала?

— Условий не было, — с сожалением призналась я. — Но если бы были, бог свидетель, я бы что-нибудь свистнула! И привезла. А что делают эти?..

До мужа наконец дошло и он разволновался ещё больше меня. В оценке деятельности четы Мачеяков и пана Паляновского наши мнения полностью совпали. На долгое время мы погрузились в разбор их морального уровня и общественной опасности событий, в которые нас так вероломно впутали.

— Мы тоже не святые, — со смертельной обидой высказался муж. — Нимба у меня над головой нет, но я думаю так: можно спереть подушку у того, у кого их двадцать, тем более если у тебя её нет, но воровать у того, у кого она только одна, для того, чтобы подложить себе под зад, а тот будет мучиться на голых досках — это обыкновенное скотство. Я не буду принимать в этом участие ни за какие деньги!

Аргументация мне очень понравилась, я подобрела и в доказательство поддержки поджарила ему отбивную. Обломки собственности шефа сами напрашивались в качестве темы для разговора. Сопоставление событий с полученной информацией позволило нам открывать все новые тайны, но мы никак не могли найти смысла в упаковке сокровищ. Следовало думать, что они подготовлены к нелегальному вывозу через границу. Настоящие произведения искусства спрятали внутри произведений народного

искусства. Каким чудом в таком виде они могли не вызвать интереса таможенников, понять было невозможно. Замыслы организаторов контрабанды оставались для нас загадкой.

— Ты даже понятия не имеешь, как мне это не нравится, — с отвращением сообщила я. — Размышлять и размышлять! Хорошо полковнику говорить, что мы знаем достаточно, а об остальном догадаемся! Черта с два, догадаемся! Я люблю знать наверняка, а не догадываться. Что мне с того, что я догадаюсь, если всегда есть сомнения!

— И в чем теперь? — поинтересовался муж.

— Как в чем? Во всем! Я не уверена, знали ли они, что за ними ходят легавые, или просто перестраховались. Не могу понять откуда такие противоречия с этим пакетом, парень просил поторопиться, а они про это ничего не говорили! Если бы они предупредили, что придёт пакет и должен полежать, нам бы и в голову не пришло в него заглядывать! Я догадываюсь, что пана Паляновского вообще не подозревали, кристальный человек, хорошо знакомый с Басенькой, к которой он чувствует личную привязанность и ничего более. Только я и его подставила. Я думаю, милиция хочет определить их контакты и связи и взять всех сразу, так всегда делают. А этот пакет для шефа может привести на ценный след. Но про это я только догадываюсь и, черт знает, может, я догадываюсь неправильно?

— По-моему ты догадываешься правильно, странно что ты не боишься другого. Я только теперь вижу чем мы рискуем. Золото в доме, черт бы его побрал, и драгоценные камни! Не знаю, может, не ходить спать, а остаться сторожить. Не дай бог, что пропадёт, все на нас свалят!

— До сих пор не пропало, не пропадёт и сейчас. Я думаю, что сантехники завтра утром все обезопасят.

— Завтра! — возмущённо фыркнул муж. — До завтра что хочешь может случиться!

— Тьфу, чтоб не сглазить. Если я не вернусь с прогулки, звони в милицию, пусть скажут полковнику, а он найдёт мой труп. И независимо от всего надо позакрывать окна...

С искренним нежеланием я дорисовала декоративные подробности на лице и надела парик с чёлкой. Возможно, большой разницы в красоте это не сделало, но из двух зол я предпочитала нравиться блондину как я, а не как Басенька. Прогулка выглядела точно как вчера, никто его силой не удерживал, он сидел до поздней ночи и разговаривал со мной абсолютно добровольно...

Вопреки мрачным предчувствиям мужа, до утра ничего не случилось. Мой труп вернулся самостоятельно и искать его не потребовалось, драгоценности для шефа лежали нетронутыми под столом на кухне, никаких подозрительных визитов нам не наносили. Царили тишина и спокойствие.

Трое сантехников пришли ровно в полдень, при чем меня поразили вид капитана, зажавшего под мышкой колено канализационной трубы. Я воспользовалась случаем, чтобы развеять некоторые сомнения. Кроме всего прочего, меня удивляло, откуда в этом деле появился полковник, служебное положение которого, по моим сведениям, исключало непосредственное вмешательство в какие либо дела. Капитан не делал из этого тайны.

— Полковник интересуется, если так можно сказать, частным образом, — ответил он на мой вопрос. У него личное отвращение к контрабанде произведений искусства и он просит, чтобы его держали в курсе. По-моему, он сам охотно бы взялся за это дело, потому что очень на них злится, но ему не хватает времени.

Что же касается пакета, то он искренне признался, что сам ничего не понимает. Он обошёл дом, обсыпал порошком для снятия отпечатков пальцев весь антиквариат вместе с комодом, приказал мне все подмести, открыл запертый ящик секретера, мы вместе убедились, что он пуст, после чего он принялся за работу.

— Как вы договорились об их возвращении, — спросил он. — Есть какое-то соглашение? Срок, телефонный звонок, встреча?

Вопрос застал нас врасплох. Мы с мужем вытаращились на него, и потом друг на друга.

— О, боже, я не знаю, — испуганно сказал муж. — Я это упустил. А ты?

— Аналогично, — неуверенно ответила я. — Про это мы вообще не говорили. Я думала, что они как-нибудь дадут знать... Нет, собственно говоря, я и не думала...

Капитан недоверчиво уставился на нас. Он сделал жест, будто хотел постучать пальцем по лбу, но удержался, наверное из вежливости. Мне стало плохо при мысли, что из-за этого идиотского упущения я приговорена к пребыванию в шкуре Басеньки до конца жизни.

— Знаете, — сказал он обвиняющим тоном. — Если бы у меня до сих

пор оставались сомнения относительно вашего участия в этом деле, теперь я лишился бы их окончательно... Сколько ещё?

— Что, сколько ещё?..

— Этой игры в Мачеяков. Времени, сколько ещё. Пять дней, так?

— Ну, пять. Кажется пять?... Потом они как-нибудь дадут знать...

— А если нет?

— Наверное, я сдурел окончательно, — с унылым отворачиванием сознался муж. — Три недели и три недели, а как потом выкручиваться, ни слова! Умственное затмение...

— Ради бога, а они ещё не сбежали? — испугалась я. — Они должны вернуться, иначе, на кой черт им это нужно...

Капитан задумчиво качал головой.

— Нет, убежать они ещё не убежали, — решил он. За эти пять дней они вероятно внезапно найдутся. Но в данной ситуации мы не можем ни о чем договориться и вы будете информировать меня о происходящем. Что бы ни случилось, звоните, но так, чтобы вас не было видно в окно. Телефон поставите ниже...

Два других сантехника ограничили свою деятельность территорией кухни и собственностью шефа. Они не скрывали своего недовольства, выяснилось, что большую часть отпечатков пальцев на шедеврах нам удалось почти полностью замазать. Реконструкция повреждённых участков была необходима, на месте сделать её было нельзя, поэтому нам сказали, что забирают все до завтра и завтра утром принесут обратно. Это означало, что сантехнические работы в доме четы Мачеяков затянутся и требуется договориться о показаниях, которые нам придётся давать по этому вопросу.

На следующий день бригада сантехников, на этот раз состоящая только из двух человек, принесла в ящике с инструментами драгоценности шефа, починенные так, что я ничего не заметила. На них не было ни следа нашей разрушительной деятельности. Удивлённый муж с минуту поговорил с ними при помощи химических формул, после чего они проследили, чтобы мы запаковали пакет точно также, как раньше. Муж очнулся от эйфории и слегка забеспокоился:

— Вы оставили золото там внутри? — неуверенно спросил он, взвешивая один из подсвечников в руке. — И эти вещи в картинах? А если они исчезнут, что будет?

— Можете не беспокоиться, это не ваше дело, успокоил его один из мастеров. — Что там есть, то есть, уж мы за этим проследим.

— Дурачок, наверняка же они положили поддельные, — сказала я, когда они ушли. — По моим сведениям, настоящие стоят как минимум

десять тысяч долларов. Никто в здравом уме так рисковать не будет. Как хорошо, что мы так осторожно со всем этим разделились!..

Пакет для шефа вернулся к первоначальному виду и ожидал своего времени на кухне, под столом. Неизвестно почему, но именно это место показалось нам самым безопасным. Теперь главным поводом для беспокойства стала неуверенность в нашем возвращении в себя, мы были близки к тому, чтобы позавидовать пакету. Боязнь, что Мачеяки продержат нас так ещё три недели, а может и три года, казалась реальной и приводила нас в отчаяние. Было известно, что милиция не освободит нас с нашего поста до окончания дела. Муж одурел до такой степени, что пренебрёг своими основными обязанностями.

— Что ты сидишь? — рассердилась я во время нашего последнего визита к Земянскому. — Мне за тебя бояться?

Он немедленно испугался, причём так, будто страдал всеми фобиями мира, после чего энергично постучал пальцем по лбу:

— Ты свихнулась, — недовольно сказал он. — Мы же должны были притворяться перед милицией. А если милиция и так знает, в чем дело, на кой черт нам это представление? Для чистого искусства?

— А откуда ты знаешь, не смотрит ли сейчас на тебя шеф? Откуда ты знаешь, не спросит ли Земянский Мачеяка, когда это у него прошло? Лучше не рискуй, чтобы не потерять ориентировки. Я на прогулки хожу аккуратно!

Муж тяжело вздохнул и продемонстрировал взрыв паники, что удалось ему очень легко, потому что увлечшись нравоучениями я чуть не въехала под грузовик. В случае чего, это было бы виной грузовика, но катастроф у нас в программе не было.

На прогулки я в самом деле ходила исправно, если не вспоминать о соединении их с моими личными делами. Личные дела начали меня беспокоить. Блондин казался мне слишком умным и вообще всеведущим, тем не менее его поведение оставалось непонятным. Первоначально он подчёркивал отсутствие времени и одновременно целые часы проводил со мной в скверике, без всякой уважительной причины. Я даже подумала, что это неспроста.

Погода испортилась, стало холодно, дул пронизывающий ветер. Я сидела на скамейке, задумавшись так глубоко, что не замечала окружающих. Блондин у меня перепутался с шефом, контрабанда с мечтами о краже произведений искусства в западных странах, сомнительный роман Басеньки с моей собственной биографией. Мысль о том, что он здесь присматривает за мной по поручению пана Паляновского, возникала все настойчивее, словом в голове была настоящая каша.

Очнулась я примерно через час, вероятно специально для того, чтобы увидеть, как он приближается.

Он дошёл до моей скамейки, поклонился и задержался. На преступника он не походил. Мой приглашающий жест исполнился сам собой, без участия сознания. Я бы и на эшафоте присягнула, что ничего специально не делала для затягивания узлов!

— Вы так задумались, что заметили меня только после того, как я поклонился в третий раз, — заинтересовался он. — Что-то случилось? Может я смогу помочь?

По неизвестной причине, в его обществе я все время говорила совсем не то, что хотела. Моя охота на бизонов продолжалась.

— Не знаю, — ответила я не задумываясь. — То есть, я уверена, что да, но смотря для чего. Временно я увязла в проблемах, которые должна решить сама. Не стану скрывать, что вы входите в разряд неразгаданных загадок, и чувствую, что у меня начинают болеть зубы.

— Ну хоть в этом я могу принять участие? Нет, не в зубной боли! Не знаю, что вы увидели во мне загадочного, но охотно все объясню. Вам не холодно?

Мне было жутко холодно. За час неподвижного сидения, влажный ветер пронизал меня насквозь, я как раз начинала громко постукивать зубами. Никакие гриппы и ангины в расчёт можно было не принимать, но меня беспокоила мысль о трупном цвете, который должно было приобрести моё лицо. Раз уж это так необходимо, пусть я буду выглядеть как Басенька, но нельзя быть при этом сине-зеленой!

Предательский поступок пана Паляновского как бы снимал с меня обязанность твёрдо придерживаться уговора, поэтому я без колебаний согласилась выпить кофе в заведении «Шуэстра». Революция в привычках Басеньки в возникшей ситуации возможно не была благоразумной, но ещё в возрасте семнадцати лет я поклялась себе, что никогда не буду благоразумной и эту клятву мне пока удавалось сдержать.

Я села за столик и наконец рассмотрела его вблизи, при хорошем освещении. Он не носил бакенбардов и не начал с предложения выпить. Даже если бы не было других причин, одного этого было достаточно, чтобы им заинтересоваться.

Я смотрела на него и смотрела и вдруг осознала что что-то здесь не в порядке и очень странно. Здесь что-то не то чтобы не сходится, а слишком сходится. Какая-то часть моей отуманенной души вышла из летаргии.

— Для полноты картины вы должны иметь имя Марек, — рассеяно сказала я, скорее себе, чем ему.

— Так получается, что меня действительно зовут Марек, — медленно произнёс он через минуту. — Откуда вы знаете?

Я остолбенела. Я знала его пять дней. Пять дней, которые потрясли мир... Хотя нет, не так, мир может они и не потрясли, но меня точно... Невероятно!..

Нереальность ситуации выбила меня из колеи. Только теперь до меня дошло, что происходит, я не могла понять, как это не дошло до меня раньше. Все было неправдоподобно и невозможно, так просто не бывает. Этот человек не существовал. Не мог существовать. Он не имел права находиться в действительности, потому что я его выдумала!!!..

Блондины мне нравились давно, с тех пор, как чернильная тьма моего первого детского надуманного романа слегка прояснилась. Для меня это был крест господен, я всегда от них страдала и никогда они не были такими, как надо.

Определённый тип сложился уже давно, на рождественской вечеринке у меня дома, когда один из знакомых рано утром внезапно привёл нового гостя, чужого парня, блондина потрясающей красоты. В смокинге. Пришедший показался мне настолько прекрасным и настолько в моем вкусе, что у меня перехватило дыхание. Я прослушала какие-то вежливые фразы, протанцевала с ним несколько упоительных танго, попрощалась с ним, и до сих пор не знаю, кто это был.

Тот знакомый, который его привёл, был таким пьяным, что ничего не помнил. Позже, в ответ на мои расспросы он неоднократно выдвигал разные предположения, но как-то не удосуживался их проверить. Блондина, вероятно, я вообще бы не узнала, в моей памяти сохранились не черты его лица, а только тот общий тип, который годами блуждал по моей биографии в образе несбыточной мечты.

По злорадству судьбы, все, кто мне попадался, имели чёрные волосы или тёмные глаза, или что-то ещё в лице, носу, зубах... все равно что, может быть другие женщины и не спят из-за этого ночей, но для меня это не было ТЕМ. Я хотела своего блондина.

Потеряв наконец всякую надежду, я дала волю воображению. По собственному опыту я знала, что если что-то придумаю, подробно и точно, если настроюсь на это, то никогда с этим не встречу, а если и встречу, то без всяких для себя последствий. Скорее всего, он не обратит на меня внимания и привет.

Поэтому я могла пофантазировать. Годами я дополняла и улучшала вынашиваемый в душе образ, годами изменяла его, прибавляла достоинств, лепила его, пока он не принял окончательной формы, такой, от которой уже

ни отнять ни прибавить.

Короче говоря, он должен быть таким: ростом выше чем метр восемьдесят, пропорционального сложения, ни в коем случае не толстый, но и не худой, с голубыми глазами и лицом запомнившегося мне типа. Никаких скошенных подбородков, недоразвитых челюстей и ничего в этом духе! Физически развитый в недостижимой для нормального человека степени, так, чтобы если моя мечта не сбудется, жалеть было не о чем. Он должен плавать, кататься на лыжах, грести, стрелять, управлять машиной и истребителем, уметь драться, бросать нож, носить меня на руках и черт знает, что ещё. Собственно говоря, все. Он должен обладать образованием, которого нельзя получить за среднюю человеческую жизнь, одновременно и техническое и гуманитарное и, кроме того, иметь бездну знаний в бесчисленных областях. А также, знать иностранные языки. Он должен быть необычайно интеллигентным и иметь невероятное чувство юмора. Он должен иметь слегка извращённый вкус, чтобы прежде всего ценить самые особенные черты моего характера, мои недостатки считать достоинствами, почитать достоинства и энергично за мной ухаживать. Гражданское состояние я установила легко — он должен быть разведён, наличие детей меня не интересовало, а вот с профессией было трудно. Вообще-то он должен быть журналистом, но этого слишком мало. Он должен быть и сотрудником, упаси боже, не штатным, а скорее временным, разных учреждений, милиции, МВД, контрразведки и чего-то ещё, чего вообще не существует. Хуже всего, что он должен быть и младше и старше меня. Каким чудом все это могло собраться в одном месте, не знаю, и не знала никогда.

После многолетних размышлений и колебаний я решила, что его должны звать Марек...

Я сидела за столиком и наблюдала за несуществующим плодом своего воображения, а внутри чувствовала гранитное, непробиваемое неверие в действительность. Что-то должно было быть не так, такое и в самом деле невозможно, сейчас он растворится в воздухе, или убьёт...

— Вы конечно умеете плавать? — вдруг спросила я, чувствуя пробуждающиеся внутри претензии, неизвестно, к нему или к судьбе.

— Умею, — ответил он с лёгкой улыбкой, не проявляя удивления. — Что касается воды, то я умею почти все, можно сказать, что это моя стихия.

— Вы умеете ездить на лыжах?

— Очень давно не катался, несколько лет...

— Может вы и стрелять умеете? В смысле, попадаете в то, во что хотите попасть?

— Кажется, да...

— Права на вождение автомобиля у вас есть?

— Есть, но...

— Пилотировать разные воздушные средства вы тоже можете?

— Некоторые. Лучше всего у меня получается прыгать с парашютом.

Недовольство внутри меня нарастало.

— Естественно, фехтовать вы тоже можете? — ни на что не надеясь спросила я. — Я имею в виду разные шпаги, сабли и другое холодное оружие.

— Естественно. Когда-то у меня очень даже неплохо получалось. Можно узнать, зачем этот экзамен? Он относится к способам разгадывания загадок?

С минуту я недоверчиво изучала его, обидевшись и не понимая, что делать с этим фантом.

— Значит, вас нет, — твёрдо вывела я. — Не знаю, отдаёте ли вы себе в этом отчёт, но вас быть не может.

— Почему, ради бога?

— Потому что я вас выдумала. Я очень подробно придумала нечто похожее на вас. Кажется, за исключением одной единственной черты, вы обладаете всеми остальными, и лично я считаю все это глупой шуткой. Вы настолько превосходите моё воображение, что должны были быть чуть менее прекрасны, вы действительно слегка переборщили. Может, вы из пробирки?

— Не думаю. Мне кажется, что меня сделали абсолютно естественным способом. Очень интересно, какой черты мне не хватает?

Он с интересом наблюдал за мной, на лице его появилась усмешка и будто бы слабое отвращение. Я не собиралась выдавать, что отсутствующей чертой было несоответствующее отношение ко мне. Он на меня не бросается...

— Теперь ситуацию может спасти только одно, — сообщила я, забыв о его вопросе. — Вы должны оказаться бандитом, преступником, маньяком и изнасиловать меня где-нибудь под кустом, однажды тёмным вечером. Тогда бы я считала, что все идёт своим чередом, мир стоит на своём месте, а действительность лишена всяких отклонений.

Мне на самом деле жаль, что я не могу удовлетворить вас в этой области. Я не преступник и не маньяк и с неприязнью отношусь к идее изнасилования. Нельзя ли как-нибудь обойтись без этого?

— Не знаю, может, вы чем-то это замените...

Собственно говоря, нетрудно было догадаться чем. Он занимался

мною не без повода, не имело никакого значения, делал он это по поручению пана Паляновского или полковника. Обоим бы не понравилось моё отступление от роли Басеньки, которая уже давно стала камнем на моей шее. Если бы я не впуталась в эту любовно-контрабандистскую историю, теперь бы я могла действовать от себя, не боясь, что поврежу этим не только себе, но и государственной организации, которая не замедлит поблагодарить меня за любознательность. Да и выглядела бы я чуть по-другому...

Он смотрел на меня так, будто я по-другому и выглядела.

— Я могу ещё и коз доить, — вежливо сообщил он. — Если вас интересует полный диапазон моих способностей...

— А коров? — невольно вырвалось у меня.

— Коров легче.

— Даже если бы вы доили гиппопотамов, это не объясняет мне, почему вы гуляете по этому паршивому скверику. Здесь нет скота...

— Гиппопотамы — не скот.

— Мать божья! Ну носороги! Все равно! Их здесь тоже нет. Я уже давно задумывалась над тем, что вы здесь делаете. Вы живёте рядом?

— Да, в двух улицах отсюда.

— Давно?

— Сейчас, дайте подумать... Около тринадцати лет.

Мысль о том, что я сама живу здесь пятнадцать и непонятно, каким чудом до сих его пор не встретила, привела к тому, что на мгновение я потеряла нить разговора. С трудом я вернулась к теме и приготовилась к самому худшему, лишь бы рассеять хоть часть сомнений.

— И вы бываете здесь систематически? Интересно, не замечали ли вы меня раньше, например, месяца два назад, или в прошлом году. Это не значит, что я должна была бросаться в глаза, но случайно?..

Он молчал так долго, что внутри у меня все сжалось.

— Я гуляю здесь не так давно, — произнёс он наконец. — Я люблю думать на ходу, а этот скверик по пути... Я замечал вас, конечно, несколько раз...

Он снова замолчал. Давление внутри нарастало. Сейчас он скажет, что это была не я...

— У меня странное ощущение, — неуверенно сказал он. — Будто в вас что-то изменилось. Два месяца назад вы выглядели как-то иначе, при чем я не могу объяснить себе в чем разница. Если честно, я все время хочу об этом спросить, но не знаю, будет ли это вежливо с моей стороны?

Это звучало искренне. Так искренне и невинно, что я замолчала. Меня

с силой циклона тянуло выложить правду. Удержалась я из последних сил, почувствовав, что не смогу выдавить ни капли лжи. Я вспомнила, что это не он должен был меня расспрашивать, а я.

— Вам обязательно быть таким наблюдательным? — упрекнула я его. — По-моему тогда я была тупее, а в последнее время ко мне вернулась острота ума. Как видно, это отражается и на всем остальном.

— Так мне и показалось, но я не осмелился об этом сказать. Эта усиленная острота ума отражается на всем вашем поведении, или ограничивается только прогулками и территорией скверика?

— Ни разу в жизни я не вела такой неудобной беседы! — от всего сердца вырвалось у меня, прежде чем я успела удержаться.

— Вы её сами начали.

— Ладно, но я начала, чтобы узнать что-нибудь про вас! А вы выворачиваете все наизнанку и расспрашиваете про меня!

Он вдруг развеселился.

— А может, вы хотите узнать не про меня, а про то, что я знаю о вас? Я как раз ничего не знаю и тоже хочу узнать.

— Теперь вы врёте. Так, что земля стонет, — недовольно сказала я. — Как вы согласились с той невыносимой мерзостью, о которой рассказывали позавчера...

— А вы? — отпарировал он, чем пригвоздил меня окончательно.

Кафе закрылось, мы вышли, меня, конечно, уже попустило, мы продолжили разговор и неразбериха моих чувств достигла зенита. Блондин, и какой блондин. Боже, какой кошмар подстерегает меня теперь?!..

Из раздумий меня вырвало дикое рычание Польского радио. Муж ещё не спал, он сидел в гостиной, пришивал пуговицы к рубашке и слушал третью программу. Стекла дрожали.

— Зачем ты так рычишь? — спросила я со злостью. — Глухой что ли? Ты слушаешь этот ящик так, будто хочешь свалить стены Иерихона. Это обязательно?

— Конечно, обязательно, а ты как думала? — обиделся он. Мачеяк приказал. Мне это самому не нравится, уши пухнут, но он так любит. Он просил шуметь ежедневно, в крайнем случае каждый второй вечер...

Он говорил ещё что-то, но я не слушала и сбежала наверх. Все-таки пришлось признать, что Мачеяки кажутся мне самыми противными людьми мира, поскольку втянули меня в моральную трясику, которая мешает мне жить, или наоборот, они выглядят ангелами, поскольку заставили меня ходить в скверик...

Неизвестно почему, но как-то легче согласиться со вторым...

Вечером зазвонил телефон. Звук для этого дома был достаточно редким, чтобы вызвать взрыв паники. Мы с мужем, как старик со старухой заставляли друг друга взять трубку, одновременно выдвигая испуганные предположения о том, кто это может быть. Моя склонность к рискованным действиям привела к тому, что я сдалась первой.

— Это ты Басенька? — услышала я заботливый конспиративный голос. — Стефан Паляновский...

Трубка не вывалилась из моих рук только потому, что я одеревенела, судорожно сжав её. Голос был довольно характерным, я его узнала и, в первую секунду, подумала, что пан Паляновский свихнулся. Он забыл про замену и принимает меня за Басеньку. Затем в голове пронеслось страшное подозрение, что мистификация уже закончилась, о чем я не знаю, а возвращающуюся Басеньку по дороге убили, о чем, в свою очередь, не знает пан Паляновский. Или же её схватил капитан, о чем вообще никто не знает. Затем появилась надежда на окончание мучений, благодаря чему, я обрела дар речи.

— Да, это я, — осторожно, с лёгким колебанием ответила я. — Слушаю...

— Что слышно, дорогая? Я звоню из Быдгощи. Скоро вернусь, ты одна? Мужа нет? Можешь говорить?

— Могу, его нет, — ответила я глядя на мужа, который жестами пытался узнать о звонке и неуверенная, здоров ли пан Паляновский и за кого меня принимает.

— Что слышно, сокровище моё? У тебя такой грустный голосок, какие-то сложности? Может случилось что-то неприятное?

Напор, прозвучавший в невинном вопросе, наводил на мысль, что пан Паляновский при помощи чувственного щебетания пытается узнать, все ли в порядке. Боязнь возможного прослушивания телефона заставляет его прибегнуть к мерам, убеждающих прослушивающих в том, что Басенька — это я.

— Нет, ничего, — ответила я. — Все в порядке. Он ведёт себя очень прилично, претензий нет.

— Ну, слава богу! А как твои краны, дорогая? Те, что протекали? Ты

вызывала сантехников? Исправили?

В мгновение ока я была вырвана из состояния нерешительного остолебенения. Значит, они за нами наблюдали, видели сантехников, у пана Паляновского возникли подозрения!... Любой ценой необходимо его от них избавить, надо сообщить ему о происшедшем, договориться с ним, войти в роль человека, который ничего не знает и терпеливо ждёт, пока хозяйка дома займёт своё место, а прежде всего, надо сосредоточиться и собраться...

Вдохновение пришло внезапно, как полярное сияние.

— С кранами жуткая история, — обиженно сказала я. — Это вовсе не краны, в кухне начало течь и оказалось, что лопнула труба под полом. Пришлось менять.

— Это ты их вызывала, сокровище моё? Или они пришли по собственной инициативе?

— Сколько живу, ни разу не видела сантехников, которые приходят по собственной инициативе, — с невольным раздражением заявила я. — Естественно, я их вызывала, даже два раза. Текло страшно.

Муж с удивлением уставился на меня. Я поспешно пыталась сообразить, что бы говорила, если бы действительно оставалась в состоянии неведения. Пан Паляновский, выяснив вопрос с сантехниками, чувственно дышал в трубку.

— Минутку, — остановила я его. — У меня другая неприятность. Он, кажется, хочет меня разозлить. Ему принесли пакет, который он должен был срочно доставить, а он до сих пор ничего не сделал. Валит все на меня, а я в его дела мешаться не хочу.

Пан Паляновский будто поперхнулся:

— Для кого пакет, дорогая? Куда его надо доставить?

— Какому-то шефу. Он валяется под ногами. Не знаю, что с ним делать.

Такой способ сообщения о непредвиденных событиях казался мне самым безопасным. Была вероятность получения инструкций, которые объяснят что-то ещё и погубят шайку преступников, кроме того, моё молчание на эту тему показалось бы подозрительным, я имела право на претензии. Они недосмотрели, не предупредили...

Пан Паляновский отдышался:

— Ничего не делай, сокровище, ничего не делай. Не поддавайся ему. Если это срочно, если кто-то этого ждёт, он сам объявится. В случае чего, отвечать ему.

Я скорчила злорадную рожу для прислушивающегося мужа, жестами

показывая ему, что он получит по морде. Пан Паляновский, застигнутый врасплох посылкой для шефа, закончил разговор так быстро, что я не успела сообщить ему про вора. Кроме того, я не успела договориться о деталях окончания представления, но мне показалось, что очень скоро он объявится вновь.

— Что это было? Кто звонил? — нетерпеливо допытывался муж.

— Басенькин ухажёр. Пообещал всыпать тебе за пакетик. Он намекнул мне, что ты должен был доставить его без моего участия.

— Что он, чокнулся? — забеспокоился муж. — Лучше бы ему от меня отцепиться. И вообще, когда все это кончится, я не я буду, если не дам Мачеяку по морде! Твоему любовнику тоже можно, что он ещё хотел?

— Подожди, надо сообщить властям. Можешь послушать, все и узнаешь.

— Капитан сильно обрадовался, два раза просил повторить разговор с почитателем, согласился с моим предположением, что кто-то явится за пакетом и приказал отдать его без препираний. Взволнованным голосом он ещё раз предостерёг, что преступники могут сделать с нами все, что угодно, и нам придётся рассчитывать на скорое развитие событий. Я уже и сама не знала, чего было больше, заинтересовал он меня или напугал.

— Интересно, а сколько всего, — задумчиво произнёс мой муж, — нам известны три штуки...

— Чего сколько?

— Преступников. Это какое-то камерное выступление или целое предприятие? Мы лично знаем троих, но ещё есть шеф. Неизвестно количество участников. И ещё художник, который так замечательно замаскировал драгоценности...

— По моему опыту, их должно быть довольно много. Зачем тебе это? Ловить-то их не тебе.

— Но, в случае чего, они будут за мной охотиться. Непонятно кого бояться, одного поймают, а другой заедет мне по кумполу на тёмной улице. Почему ты уверенна, что их должно быть много?

— Потому что если они нашли и переправляют то, что припрятал барон фон Жоперштангель...

— Барон фон что?!..

— Жоперштангель. Ох, не все ли равно, как его звали. Тот подлец который собирал антиквариат по оккупированным странам, я же тебе говорила!

— А!.. Так что?

— Для этого понадобится неплохая цепочка. Кто-то это нашёл, вряд ли

Басенька, кто-то другой, кто-то обмазывает глиной, провозит, контактирует с людьми, не знаю, что ещё, у меня нет опыта в этой области. Но мысленно я вижу целый табун.

Муж интенсивно размышляя рвал волосы на голове.

— А ты не думаешь, что этот шеф и есть барон фон Жоперштангель? — таинственно произнёс он. — По-моему сходится.

— Ему должно быть как минимум восемьдесят пять лет. Но если и так, то что?

— Во-первых, это настоящий преступник, который нас жалеть не станет, и я боюсь. Во-вторых, может нам надо самим его поймать, чтобы реабилитироваться? Я до сих пор сомневаюсь, не подозревают ли нас в соучастии.

— Так я и разогналась, ловить настоящего преступника. Я предпочитаю оставить это милиции.

— Не знаю, не требуешь ли ты от милиции слишком многого...

Я с интересом посмотрела на него, потому что говорил он таким голосом, будто им овладело пророческое вдохновение. Меня заинтересовало, что он имеет в виду.

— Всем хочется, чтобы милиция делала все, — с воодушевлением продолжал он. — Что ни случись, все орут: «Милиция-я-я!..», и днём и ночью. А как кричат, если патруль опоздает или бандит сбежит! А как помочь, так некому.

Я удивилась, потому как сама охотно бы помогла милиции.

— Уточни, что тебе надо — предложила я. — Что значит помочь, и как это некому.

— Очень просто. Понимаешь, я как-то глупо себя чувствую, и зря. Как доносчик, а разве я доносчик? Пусть кто-то попробует по собственной инициативе сообщить, что его знакомый... или незнакомый, не важно, крадёт, продаёт, мухлюет или черт знает, что ещё делает, сразу говорят как? Донос! Донёс, последняя свинья и точка. Я не знаю, надо бы как-то разделить этих свиней, милиция же не дух святой. Откуда они узнают, если им никто не говорит? Ну как, я понятно говорю?

Я согласилась с тем, что понятно, потому что временами эта проблема мучила и меня, но я ещё не успела её как следует рассмотреть. Муж был в ударе.

— Или вежливость! Сколько болтают, что милиция невежливая, что ведёт себя по хамски и задаётся! А милиционер разве не человек? У него и нервы есть, и ошибиться он может!...

Здесь я могла возразить без всяких колебаний.

— Ничего подобного, — твёрдо прервала я его. — Болтают те, кто сам ведёт себя по хамски или не в ладах со службой движения. Я сталкивалась с милицией в самых удивительных обстоятельствах и требовала самых причудливых услуг, и ни разу они меня не подвели. Невежливого милиционера я встретила только раз в жизни, правда как раз тогда, когда мне просто необходима была любезность, но так уж получилось. Моя мамуся выдрала меня тоже только однажды и как раз тогда, когда я была полностью невиновна. Собачьим поводком.

— Что? — невольно заинтересовался муж. — Собачьим поводком?

— Собачьим поводком. Провинился мой отец, из-за невнимательности, но выпороли меня. Все нормально.

— А почему собачьим поводком?

— Потому что был под рукой.

— Какой?

— Что какой?

— Собаки.

— Пастушьей овчарки. О боже, оставь пса в покое, мы же говорили о свиньях!

— Некоторое время муж выглядел так, будто пытался представить себе поводок для свиньи.

— А!.. Вот именно, надо разделять. Когда это донос, а когда обычная помощь порядочного человека. Я против доносов, но за помощь. И что теперь?

Проблема оказалась серьёзной. Мы занялись классификацией скота так тщательно, что вопросы, касающиеся нас непосредственно, вылетели из головы. Пан Паляновский объявился только на следующий день, вновь застав меня врасплох телефонным звонком, потому что в запале дискуссии я забыла о необходимости договориться с мужем о совпадении показаний.

— Любимая моя, этот пакет тебе наверное мешает? — заботливо поинтересовался нежный обожатель.

Я согласилась, сомневаясь, правильно ли делаю.

— Зачем же ты позволяешь держать его в квартире? Вынеси его в мастерскую, тем более если твой муж тебе его подсовывает. Кстати, а та аппретура все также ужасно воняет?

Я не поняла, о чем он.

— Какая аппретура?...

— Та, о которой ты говорила, — с необычным нажимом сказал пан Паляновский. — Воняет и ест глаза. Все ещё да?

Я не имела понятия о чем идёт речь. Ничто нигде не воняло и не ело.

— Не знаю, — на всякий случай поосторожничала я. — Последнее время я как-то ничего не чувствую.

— Привыкла, дорогуша, это не хорошо. Не чувствуешь, но это может тебе повредить. Прощу тебя, сделай это для меня, не сиди там, при открытом окне. Не забывай проветривать! Лучше просто оставь окно открытым.

Наконец до меня дошёл смысл этой заботы. Я могла пораспахивать настежь все окна и двери, но не желала отвечать за последствия.

— Хорошо, но мне страшно. Тут уже был один злодей или вор...

— Что, что?!..

— Злодей. Вор. Не важно, какой-то тип. Забрался ночью.

— Как это, и ты ничего не сказала?!

— Не было случая. Теперь сказала...

Пан Паляновский разволновался до сумасшествия. Отсюда я сделала вывод, что вор действовал по собственной инициативе, без договора с преступной организацией. Пришлось дать исчерпывающие показания о страшной ночи, неоднократно уверяя его, что со мной ничего не случилось, и что милицию я не вызывала. Я терпеливо выслушала слова утешения. В конце концов, пан Паляновский решил, что держать окно открытым надо весь день, до позднего вечера, а закрывать его только на ночь, перед отходом ко сну, не обращая внимания на возможные протесты мужа. Я согласилась, после чего немедленно позвонила капитану.

— Пакет для шефа хотят свистнуть из мастерской в неопределённое время суток, — уведомила я его. — Любовник приказал отнести его туда и оставить открытым окно. Что скажете?

— Ничего. Отнесите.

— С минуты на минуту придёт посыльный. Что делать? Прогнать его с криком?

— Вы должны быть слепой, глухой, немой и недоразвитой, — энергично посоветовал капитан. — Ваш муж тоже. В случае чего, звоните, но так, чтобы никто не видел. Лучше поставьте телефон пониже, а то через окно видно, как вы разговариваете.

Я слегка испугалась, поставила телефон на пол и выдала мужу соответствующие инструкции. Развитие ситуации проходило в бешеном темпе, было похоже, что с минуты на минуту что-то начнёт происходить. Это меня страшно интересовало и несомненно я бы пренебрегла своими обязанностями, если бы не дополнительные плюсы прогулки. Я все больше утверждалась в мысли, что удивительное создание моего воображения каким-то образом связано со всем этим, и из-за него я кое-что испытаю.

Скорее всего, жуткую неприятность, что же ещё...

Создание воображения прогуливалось по скверу.

— Я вас очень прошу, прогнать меня отсюда не позже, чем через час, — сказала я вместо приветствия. — Не знаю, хватит ли мне силы воли, но я обязательно должна вернуться не слишком поздно.

— Не многого ли вы от меня хотите? Вы должны сделать что-то неприятное, а я должен вас на это уговаривать?

— Наоборот, мне надо сделать нечто дьявольски интересное, что входит в мои текущие обязанности. Собственно говоря, мне вообще не следовало сегодня приходить.

— Так зачем вы пришли?

— Из-за вас. Я все жду от вас чего-нибудь необычного, чего не могу себе представить и меня толкает интерес.

— Боюсь, что я обману ваши ожидания, в моих планах нет ничего необычного. Кроме того, вы говорите таким тоном, как будто текущие обязанности чем-то отличаются от повседневных. Отсюда следует, что это какое-то исключительное занятие, которое скоро закончится?

Я осуждающе и с отвращением глянула на него. В конце-концов, оглушена я или нет, я ещё отдавала себе отчёт о том, что говорю. Столько я не говорила! Он это придумал сам, и просто невозможно, чтобы он так попал абсолютно случайно!..

— На первый взгляд вы вызываете доверие, — с унылым ожесточением сказала я. — А на слух вы вызываете во мне беспокойство. Если окажется, что вы меня обманываете, покушаетесь на мою жизнь и здоровье, действуете мне во вред...

— Почему мне необходимо покушаться на вашу жизнь или действовать вам во вред? — спокойно спросил он через минуту, не сумев дождаться от меня продолжения. — Есть что-нибудь, что позволяет выдвигать такие предположения?

— Конечно, есть! Время от времени вы делаете такие замечания, будто знаете обо мне абсолютно все, а кроме того...

— Вы о чем-то начали говорить, извините, что я вас прервал.

На мгновение я потеряла нить.

— А кроме того, — продолжала я, с усилием вспомнив, что хотела выяснить, — ваши прогулки здесь подозрительны. Это не самое прекрасное место в мире. На кой же черт вы тратите здесь своё бесценное время? Мне кажется, что вы за мной следите, хотите вырвать из меня тайну, я даже не знаю, что ещё...

Он немного подождал, но больше никакие предположения не

приходили мне в голову.

— Я бы мог, например, следить за вашей безопасностью, — вежливо и будто приглашающе подсказал он.

— Не вижу повода. Во-первых, мне ничто не грозит...

— Если вы опасаетесь фальши и обмана с моей стороны, вам, видимо, что-то грозит.

— Я могу страдать манией преследования. А кроме того...

До моего одуревшего сознания только теперь стало доходить, что он сказал.

— Что? — удивлённо переспросила я. — Вы все обо мне знаете и следите за моей безопасностью? Что это значит?

— Я сделал предположение. Подсказал вам одну из причин, по которым мог бы здесь находиться в вашем обществе. Разговор с вами доставляет мне удовольствие, я надеюсь, взаимное. Ничего подозрительного в этом не вижу.

— По-моему, подозрительно все. Вы говорите со мной загадками. Моё необычное занятие действительно заканчивается через два дня, но вы ведёте себя так, будто знаете, в чем оно состоит!

— Возможно и знаю.

— В таком случае, вы либо союзник, либо враг. Если вы союзник, то должны говорить ясно, не переворачивая все с ног на голову...

— Я могу быть и нейтрален...

— Не знаю, как. Тем более, обманывать меня неприлично. В конце концов, знаете вы все или нет?

— Допустим, знаю...

Я открыла рот, силой удержала рвущиеся оттуда слова и внимательно посмотрела на него. Выглядел он так, будто забавлялся на славу. Невозможно, чтобы таким уж большим развлечением был вид моего тела с открученной головой!

Я молчала довольно долго, с некоторым трудом собирая разрозненные мысли.

— И за все время вам не стало интересно, как меня зовут? — неожиданно для себя обиделась я.

— Вы же говорили, что не любите врать. Я терпеливо подожду этой информации ещё каких-то три дня...

Это уже действительно звучало однозначно! Всеми силами я пыталась подумать логично. В голове пронеслось миллиона три разных гипотез, из которых я отобрала несколько средне осмысленных. Если бы он принадлежал к кругу преступников, полковник бы знал о нем и

предупредил меня. Если бы он работал с милицией, мой визит к ним не стал бы сенсацией, он догадался, что я не Басенька намного раньше. И то и другое отпадает, и что? Кто он, кроме того, что является плодом моего воображения? Может, его действительно нет?..

На этом архиумном выводе я остановилась. Какой-то мальчонка, пробегающий по скверу спросил у нас время, благодаря чему я вспомнила о необходимости возвращаться домой. Окончания аферы Мачеяков я ждала как гриб дождя!

Муж встретил меня очень взволнованно, странной информацией:

— Слушай, тут приходил один, — с беспокойством сообщил он. — Он пришёл с чемоданом, а я, кажется, сваял дурака, потому что спросил, не за пакетом ли он, а он удивился и спросил, нет ли у нас собаки. Кажется кто-то донёс, что у нас есть такса и мы не платим налог. Слушай, у Мачеяков нету таксы?

На обратном пути из скверика я пыталась настроиться и подготовиться ко всему, но, ради бога, не к таксе же!..

— Даже если и есть, я об этом не знаю. Не удивляй меня так. Подожди. С каким чемоданом?

— Очень большим, весь шеф бы поместился. Поэтому я и подумал, что за пакетом. Сейчас, это ещё не все. Я выглянул за ним в окно, сразу, как он вышел, и знаешь, что он сделал? Начал сгибаться!

Я совсем ничего не поняла, в основном потому, что в голосе мужа звучал искренний страх.

— Как это сгибаться?

— Под тяжестью чемодана. Здесь он размахивал им так, будто он был пустой и ничего не весил, а после выхода он вдруг стал чертовски тяжёлым. В мастерскую он не входил, пакет там лежит, что это должно значить? Он ничего туда не клал!

Меня посетило вдохновение.

— Капитану ты звонил? — быстро спросила я.

— Как я мог позвонить, если ты забрала номера телефонов! — занервничал муж. — Я тоже думаю, что надо ему сообщить, сижу здесь и жду, как пень, а ты шляешься! Уже половина десятого!

— Выгляни в окно, не идёт ли кто, — приказала я и бросилась на колени перед телефоном.

Капитан заинтересовался событием и косвенно подтвердил мои предположения. Он поручил придержать пакет и не выпускать его из виду, пока он не позвонит и не отменит просьбу. Я без труда отгадала, что это означает.

— Иди, следи за пакетом, — сказала я мужу. — Лучше всего, сядь сверху. С ума с этим шефом сойдёшь, очень беспокойный человек. Ну, беги, чего ждёшь?

— Сюда идёт следующий, — отрапортовал муж от окна. — Похож на довоенного старьевщика.

— Убирайся и следи за сокровищами, а с ним я разберусь!

Приготовившись к самому худшему я открыла двери какому-то очень грязному оборванцу. Оборванец был совсем настоящий, не переодетый. Я засомневалась в его связи с делом.

— Нету, — твёрдо ответила я, решив ни при каких обстоятельствах не продавать чужого добра.

— Бутылки, старые вещи?

— Ничего нет.

— Не может быть. Что-то у вас точно есть. Не бывает такого дома, в котором ничего нет. Продайте, хоть что-нибудь. Может бой стекла. Мусор.

Оборванец производил впечатление готового на все, если не купит хоть что-то. Я решила, что лучше потерять мусор, чем жизнь. Кроме того, я любой ценой хотела как можно скорее от него избавиться, капитан мог позвонить в любую минуту.

— Мусор? Пожалуйста. Мусор могу продать. Во что вы его возьмёте?

Оборванец вытянул из-за пазухи упаковочную бумагу и верёвку. Твёрдо решив ничему не удивляться я принесла ему ведро, две пепельницы полные окурков, коробку от стирального порошка и испортившийся горчи́чник. Он похвалил меня, с явно выраженным удовлетворением высыпал все на бумажку, прикрыл другой, и с необычной ловкостью сделал из этого пакет формой и величиной напоминающий пакет шефа, обмотал все верёвкой, вручил мне два злотых и ушёл.

Сообщив капитану о визите я спустилась к мужу, проверить ситуацию. Он сидел на произведениях искусства, опершись локтями о стол, и с отречённым выражением лица ворошил волосы на голове.

Можешь идти, у меня это заберут только вместе с жизнью. Не знаю, что они там нахимичили, но он такой же тяжёлый, как раньше. Если что и пропадёт, то не по моей вине. Я не разбираюсь в шайках контрабандистов, к этому не привык, абсолютно ничего не понимаю, и вообще, с меня хватит. Больше ничего не хочу, только бы избавиться от этого омерзительного свинства!

Я оставила его и вернулась наверх. Минут через десять позвонил капитан и поручил оставить омерзительное свинство в покое. Я выволокла мужа из подвала, а минутой позже телефон зазвонил снова, мы побежали,

он на лестницу, а я к аппарату. Оказалось, что это не капитан, а пан Паляновский. Сотрудничество с милицией показалось мне вдруг очень обременительным.

— Сокровище моё, — металлическим голосом произнёс заботливый любовник. — С кем это ты встречаешься на прогулках? Ты же знаешь, какой я ревнивый!

Овладение всеми возникшими эмоциями потребовало от меня некоторых усилий.

— Это ни к чему, — ответила так убеждённо, как смогла. — Он прогуливается там иногда, видел меня, мы поговорили и ничего больше.

— Ты ему много про себя рассказывала? Он не будет слишком настойчив?

— Ещё чего. Он даже не знает, как меня зовут.

— Ты в этом уверена, дорогая? Он не станет приходить к тебе домой? Он не интересуется тобой... слишком настойчиво?

— Да ну! Парень как парень, спокойный, вежливый... Вовсе он мной не интересуется. Я им тоже.

Одновременно я подумала, что если бы небеса реагировали на каждую ложь, гром с ясного неба звучал бы не умолкая, временно меня заинтересовало это метеорологическое явление. Но пан Паляновский стоял на своём:

— Он не собирался проводить тебя домой? Не шёл за тобой? Дорогая, я обеспокоен!...

В это можно было поверить безоговорочно. В качестве Басеньки я составляла фундамент безопасности всей преступной шайки, и в голосе пана Паляновского звучала неподдельная искренность. Прошло довольно много времени, прежде чем он согласился, что блондин ничем ему не угрожает.

— Тебе этот гад звонит как бешеный, — обиженно сказал муж. — А мне Мачеяк — ни разу. Как воды в рот набрал!

— Мачеяк не твой любовник, не требуй от него слишком много. Как ты себе это представляешь? Официально Мачеяк это ты, будешь звонить сам себе? Они же все время думают о прослушивании телефона.

— Чертовски все позакручено... Как ты думаешь, правильно считают?

— Понятно, что теперь правильно. У капитана неплохое развлечение.

— Подожди, когда я подумаю, начинаю понимать. И поэтому они могут общаться только с тобой, а не со мной? Тебе может позвонить соскучившийся любовник, а мне некому?

— Вот видишь, каким умным ты постепенно становишься! Ещё

немного и сам сможешь организовать такое весёленькое предприятие...

— Как же, разогнался. Такие вещи не для моих нервов. А если между нами, что здесь собственно происходит? Ты понимаешь этот контрданс вокруг пакета?

— И слону понятно. Просто в глаза бросается, что шеф человек осторожный и предусмотрительный, он допускает возможность, что милиция охотится за его шедеврами, и не один человек, а двое. Сам видел, что он вытворяет. Он предусмотрел, что один из следящих помчится за одним посыльным, а второй за другим, после чего будет чисто и за третьим не помчится никто. Капитан разобрался в этом сразу и приказал нам посторожить барахло, пока он пришлёт ещё парочку. Кажется, уже прислал...

— Это он тебе сказал?

— Чокнулся? Я просто догадалась! Можешь быть уверен, даже если я спрошу, мне ничего не скажут. Не откажутся, но и не подтвердят, и бейся лбом в стену. Они всегда так делают, и когда-нибудь меня в могилу вгонят.

— Значит теперь должен прийти третий, настоящий? А на кой черт надо было тащить его в подвал?

— Не знаю, возможно, что на всякий случай...

Согласно инструкции капитана мы сидели в кухне, погасив свет во всем доме. Третий посланник неоправданно сильно опаздывал. Было уже пол одиннадцатого, напряжение возрастало, мы выдвигали различные гипотезы, прислушиваясь к звукам из подвала, поскольку существовала возможность, что в дело вмешаются конкуренты, форпостом которых был взломщик. Может завязаться драка... Я как раз успела налить себе свежего чая, когда к дому подъехала какая-то машина. Мы одновременно сорвались с мест и бросились к окну в тёмной комнате.

Из чёрного фиата высаживался мужчина.

— Идёт сюда, — неизвестно зачем конспиративно прошептал муж, я и сама это видела. — Заберёт он наконец это чёртово дерьмо или нет?..

Мужчина медленно подошёл к дверям, посмотрел вокруг, постоял с минуту на дорожке и наконец позвонил. Мы подскочили так, будто он взорвал дверь. Муж нервничая побежал открывать. Я зажгла свет в прихожей и остановилась в дверях на кухню.

Неправдоподобно старомодный человек в больших затемнённых очках поклонился нам в реверансе. Он выглядел как вырезанный из довоенных журналов. У него был соответствующий котелок, куцый шарфик, зонтик и, бог свидетель, настоящие белые гетры!!!

— Извините пожалуйста за поздний визит, произнёс он удивительно

старым пронзительным дискантом. Разрешите представиться, мы с вами незнакомы. Моя фамилия Шеф. У вас, если я не ошибаюсь, есть для меня посылка...

Мы бы удивились намного меньше, если бы он назвался бароном фон Жоперштангелем. Муж явно поглупел и онемел, поэтому пришлось говорить мне:

— Вы вовсе не ошибаетесь, есть посылка, — с некоторым усилием ответила я. — Мы так рады, что вы появились, потому что не знали, куда её послать, а это, кажется, срочно.

— Не очень, не очень, — снисходительно сказал мужчина, кланяясь и размахивая зонтиком. — Отправитель преувеличил...

— Муж вдруг овладел собой:

— Сейчас я вам принесу, — поспешно сказал он и направился к лестнице в подвал.

— Мужчина остановил его таким жестом, будто хотел задержать его ручкой от зонтика.

— Минутку! Прежде всего я должен попросить прощения за эти хлопоты и поблагодарить вас за необычайную любезность. Так редко случается встретить таких милых и учтивых людей! Действительно, я чувствую себя очень обязанным, я использовал вашу любезность в недопустимой степени. Я позволил себе слишком много, слишком много! Могу я надеяться, что вы не будете на меня в обиде?

Пронзительный дискант скрипел монотонно и назойливо, остановить его было невозможно. Несколько ошеломлённые, мы с мужем общими усилиями уверили его, что он будет прощён. Мужчина изгибался в поклонах как тонкая берёзка при ураганном ветре, производил какие-то размашистые жесты, ногами выполнял такие движения, будто танцевал гавот, а голос его постепенно приобретал гроыхающие интонации.

— Прошу простить меня за то, что я прибыл в столь неурочный час, но я только сегодня вернулся из поездки, не хотел дальше отягощать вас хранением столь обременительного груза и немедленно поспешил к вам. Период времени, на протяжении которого вы были так любезны, тем более заставляет меня...

На лице мужа ошеломление смешалось с удивлением и всепоглощающим интересом. Удивительный человек, наверняка один из десятка тысяч, он благодарил и жеманничал с возрастающим воодушевлением, из уст его лился непрерывный поток скрипящей сладости. Мною вдруг стало овладевать убеждение, что мы до конца жизни приговорены не только к пакету, который хоть лежал тихо, но и к его

владельцу, которого выключить не удастся. Муж сменил выражение на лице, интерес сменился испугом и теперь он выглядел так, будто ему необходимо было сходить за пакетом только для того, чтобы не грохнуть по лбу этот разошедшийся вулкан благодарности.

— Итак, если вы будете так добры, я искренней благодарностью позволю себе снять с ваших плеч эту обременительную тяжесть. Не слишком ли он вам мешал?

— Нет, — рыкнул муж. — Не слишком!

— Я надеюсь, что пакетик не оставался вне дома, под влиянием атмосферных осадков? Я не посмел бы, понятное дело, требовать ни малейшей снисходительности...

— Не оставался!!!

— Если бы он остался, это бы могло некоторым образом негативно сказаться на его содержимом...

Я перестала слушать, занявшись представлением размазанного под дождём тыквенного лба рыцаря, что явилось бы зрелищем неординарным. Муж вдруг дико блеснул очками, издал из себя неразборчивое рычание и бросился вниз по лестнице. Мужчина с ангельским выражением на лице кланялся дверям подвала.

Жест, которым ему был вручён пакет, исключал возможность отказаться его принять. Если бы он немедленно не заключил его в объятия, он бы свалился ему на ноги. Среди реверансов, поклонов и благодарностей, владелец достойных его произведений искусства прыжками удалился, мелькая белыми гетрами. Ещё долгое время мы не могли избавиться от впечатления.

— Ушёл... — испуганно и недоверчиво прошептал муж. — А я уже думал, что мы до самой смерти от этого гада не избавимся... Боже мой, так это и есть шеф? Откуда он, из паноптикума?

Мой возбуждённый мозг лихорадочно работал.

— Послушай, — сказала я, оттягивая его от окна. — Когда ты туда вошёл, там ничего не было?

— Куда?

— В мастерскую.

Муж оторвался от наблюдения за улицей, с которой исчез чёрный фиат, и тупо смотрел на меня.

— Все было. То есть... Подожди ка! Ты туда не ходила?

— Куда?

— В мастерскую.

— Чокнулся? Я же все время сидела с тобой на кухне!

— Я бы не удивился, если бы от всего этого чокнулся. Но пока, кажется, нет... Знаешь, он лежал по-другому. Наоборот. Я помню, что клал его поперёк кресла, а теперь, когда его брал, он лежал вдоль. Он сам повернулся?

Я несколько раз кивнула и покачала головой, одновременно пытаюсь ответить и себе и ему.

— Они поменяли один на другой. Кто-то прокрался, подбросил фальшивый, забрал настоящий, а этот забрал фальшивый. Он не просто так держал нас столько времени, ему было нужно, чтобы второй успел. Надеюсь, что капитан прислал сюда двоих, а не одного.

Я опять упала на колени перед телефоном, подумав, что придётся положить здесь какую-нибудь подушку. Докладывая капитану, я сменила мнение и пришла к выводу, что смена пакета была мнимой и шеф все-таки забрал настоящий. Вероятно эти рассуждения оказали негативное влияние на ясность моего доклада, потому что капитан пожелал поговорить с мужем, который на четвереньках прополз от двери к телефону, не обращая внимания на то, что в комнате темно, и никто снаружи увидеть нас не может. Он подтвердил мою версию событий, после чего я вырвала трубку из его рук.

— Что дальше, пан капитан? — забеспокоилась я. Нам тут дальше сидеть? Продолжать представление?

— Сидеть, — загремел капитан. — Пока вас не освободят наниматели! Договоритесь, что вы им скажете! Никакого самовольства! Все как было! Спокойной ночи!

Я со вздохом положила трубку, сменила позу и удобно облокотилась о дверцу шкафа, вытянув ноги.

— Похоже на то, что остаток жизни мы проведём как чета Мачеяков, — уныло сообщила я мужу, также усевшемуся на полу, под секретером. — Они поймают шефа, вынут пана Паляновского из объятий Басеньки, возьмут настоящего пана Романа и не знаю, кто будет нас освобождать. Договор был по завтра включительно, и что? Сплошная халтура.

— Главное, что пакет наконец убрался ко всем чертям, — твёрдо рассудил муж. — Не думая о шефе, я чувствую себя гораздо лучше. Я решил, что пятьдесят штук им тоже отдам, не хочу иметь с этим ничего общего. Верну по частям, хоть пока и не знаю, откуда я столько возьму. Может они согласятся на проценты с зарплаты.

Я кивнула и немного сдвинулась, дверная ручка врезалась мне в спину.

— У меня нет зарплаты, зато я ещё ничего не потратила. За ремонт

машины придётся платить, это уже не вернёшь. Остальное я верну им как только смогу.

— Надо это оформить. Слушай, мы должны сейчас об этом написать и отдать капитану, или кому там нужно. Мы добровольно отдаём доходы от преступления, не принимали в нем участия, пусть к нам никто не цепляется. Мне необходимо остаться чистым, а если мы не сделаем этого сейчас, потом никто не поверит в наши добрые намерения. Давай писать!

Я признала его правоту. Развитие событий одурило нас до такой степени, что только через несколько минут столкновений с мебелью мы осознали, что можем включить свет. При свете лампы нам удалось прийти в себя почти окончательно. Торжественно подписанные документы мы решили послать почтой на следующий день.

— Не думай, что все так легко закончится, — зловеще сообщила я, закрывая машинку. — Самое худшее ещё впереди.

— Что ещё? — забеспокоился муж. — Ничего хуже я уже и представить не могу.

— Тогда представь себе, что встречаешься с Мачеяком для очередного превращения в безлюдном месте, а он тебя спрашивает, откуда такая дружба с женой и почему ты не скрыл от неё, что ничего не знаешь про шефа. Не заподозрила ли она что-то? И как?

Муж посмотрел на меня как на Горгону, которая до сих пор скрывалась под маской голубки. Он побледнел, руки сами собой подпрыгнули к волосам.

— И ещё спросит, что ты знаешь про сантехников и где так текло, — безжалостно добавила я. — Обращаю твоё внимание, что капитан приказал нам над этим подумать. Нет сомнений, что нам будут задавать глупые вопросы, чтобы проверить, не открыли ли мы что-нибудь, потому что шеф на нас наговорит. Надо договориться.

Муж вдруг перестал хвататься за голову, недовольно с обидой посмотрел на меня и продолжил подметать бумажки.

— Сделай-ка кофе, — попросил он. — Не знаю почему, но тебе очень нравится вылезать со своими идеями как раз среди ночи. По-моему, я до конца жизни не женюсь, хоть и собирался...

* * *

Утром следующего дня явился капитан собственной персоной, в одежде электрика. Ему это было даже к лицу. Мы приняли его в прихожей, под открытым шкафом с пробками, не самое удобное место, поскольку сидеть мы могли только на лестнице. Настроение у него было намного лучше, чем вчера.

— Товарищи, — торжественно сообщил он. — Органы милиции обращаются к вам... Точнее, не столько органы, сколько я лично, хотя, конечно, от имени органов... С просьбой, а может с предложением, не знаю, как это назвать. Видите ли... Мы бы несомненно отстранили вас от этого дела, потому что милиция не нанимает людей посторонних, но здесь исключительный случай. Сейчас я объясню подробно, только сначала скажу, в чем дело. А именно, существует возможность, что Мачеяки ещё раз обратятся к вам с просьбой о замене. Вы согласитесь.

— О, боже!.. — душераздирающе застонал муж.

Я тоже чувствовала себя неприятно удивлённой. Капитан посмотрел на нас со смесью интереса и отвращения.

— Вам так плохо с этой женой? — осуждающе удивился он.

— Нет, не это... Как жена она вообще-то ничего, и сама по себе ничем мне не мешает. Но я больше так не могу, я не гожусь в преступники, с меня хватит! У меня отпуск кончается!

— У тебя ещё три недели, — заметила я.

— А если они разойдутся и потребуют месяц?..

Капитан жестом успокоил нас.

— Сейчас я вам все объясню. Дело в том, что нам нужно, чтобы они чувствовали себя безопасно. Так будет намного легче. Понятно, что мы переловим их и так, но будет труднее и дольше, ваше участие может здорово помочь...

Муж опять застонал, но уже покорно.

— Могу вас заверить, что об этом никто не узнает, вы не будете выступать официально, ни теперь, ни вообще. Вы, конечно, вправе не соглашаться, я даже уговаривать вас не имею права, но не скрою, что вы нам очень нужны...

— Меня можно не агитировать, — уныло остановила я его. — Я бы согласилась просто так, из-за скандала, а он протестует по глупости, не понимает, что в свете закона выглядит очень зыбко. Или мы реабилитируемся, или нас затаскают по судам. Ни один судья не поверит, что позволили так себя обмануть, все будут вспоминать наше идиотское стремление к нетрудовым доходам... Я хотела сказать, от преступления...

— Я же написал, что отказываюсь!

— Отказываешься, потому что все раскрылось. Судья тебе скажет, что если бы не раскрылось, ты бы не отдал, и можешь потеряться своим раскаянием!

Муж в мгновение ока сотворил себе причёску а la пугало для воробьёв.

— Отпуск... — глухо простонал он.

Капитан успокаивающе замахал обеими руками.

— Во-первых, это вопрос нескольких дней, пары-тройки. А во-вторых, вы правы только частично. Вы что, думаете мы не знаем кого и в чем обвинять? Ещё раз подчёркиваю, вы можете не соглашаться!

— Соглашаемся, — уныло сказал муж. — Жаль, придётся ещё раз делать из себя идиота...

Я подавила свои личные проблемы, мы присягнули на верность милиции до гробовой доски, после чего обговорили детали. Капитан удивительно мало интересовался нашим гонораром, не сопротивляясь принял наше письмо и ещё раз предупредил, что мы подвергаемся опасности.

— И не подумайте случайно контактировать друг с другом, — добавил он. — Вы, как вы, вообще не знакомы!

— Ну, это то ясно, — буркнул муж.

— Конечно, — обиженно поддержала я. — Вы нас за идиотов держите?

Капитан как-то странно посмотрел на нас, проглотил напрашивающийся ответ и закончил визит.

Я начала нервничать, но немного не так, как раньше. Избавление от личности Басеньки открывало передо мной новые перспективы, в которых можно было заметить мило радующие элементы, мне было бы даже приятно нервничать, если бы не последнее бревно, лежащее на пути к волшебным переживаниям. При мысли, что меня ожидает разговор с полным подозрений паном Паляновским и, что ещё хуже, обязательный визит к нему домой, радость улетучивалась.

Делать нам было нечего. Муж, согласно договорённости, уволил помощника, закончив раскрашивать белую ткань. Узор для него лично я закончила, и с разгона даже начала новый, за Басеньку, но не хотела его продолжать. Мы посвятили своё время выдвижению гипотез о развитии ситуации.

— Интересно, как ты собираешься вынести это из пещеры разбойников, — критически заметила я, помогая ему упаковать толстый рулон. Не скажешь же Мачеяку, что я лично для тебя делала работу? Ему тоже не оставишь.

— Об этом я уже подумал. Как только он позвонит и договорится со мной, я сразу звоню приятелю, говорю, что к нему зайдёт чёрный бородатый мужик и занесёт рисунок. И по дороге ему заброшу. Он меня не узнает, можно не бояться.

— Чёрный мужик — это ты? — поинтересовалась я.

— Естественно, я, — подтвердил муж и вдруг занервничал. — Да не я, а Мачеяк! То бишь я, как он. Я блондин!

В голове у меня пронеслось, что от этих блондинов я с ума сойду, и немедленно осознала ещё одну неприятность. Если я обратно превращусь в себя, на прогулку сегодня пойдёт настоящая Басенька. Эффект может быть катастрофическим, необходимо этому воспрепятствовать...

— Слушай, нам придётся установить какой-то пароль, — серьёзно сказала я, наполнившись плохими предчувствиями.

— Зачем пароль? — забеспокоился муж.

— Если нам снова предстоит притворяться. Может произойти так, что они наймут только одного из нас. Мы можем не отличить нас от них.

— Ну и что?

— Как, что? Как ты думаешь, что будет, если ты придёшь сюда, вместо меня будет настоящая Басенька, и ты обратишься к ней, как ко мне. Все откроется! Думаешь, они нас поздравят?

Муж испугался до смерти.

— О боже, действительно! Они шлёпнут нас не раздумывая! Что за дерьмо, и как меня угораздило в это встять! Надо обезопасить себя. Что ты предлагаешь?

— Да пароль же. Что-нибудь естественное...

— Как это? Я вхожу и говорю: «В Гранаде эпидемия, отзыв!». Да?

— Дурачок, я же сказала, что-нибудь естественное! Подожди... Уже знаю! Ничего не говорить, стучать пальцами по стеклу, или ещё куда. Допустим я там сижу, ты подходишь к окну и барабанишь, выглядывая. Вот так!...

Я продемонстрировала, муж постучал по соседнему стеклу.

— Возможно, — согласился. — А ты что? Тоже?

— Нет, не будем однообразными. Я сниму туфель и вытрушу из него камушек.

— А где ты возьмёшь камушек?

— Совсем сдурел? Я притворюсь, что вытряхиваю камушек!...

— Все указывало на то, что дальнейшее ожидание приведёт нас в состояние полного умственного расстройства. Предусмотреть, что при этом произойдёт, было невозможно. Муж выдвинул ужасное предположение, что

наши наниматели обманули преследователей, давным-давно смылись через границу, поставив нас кормой к ветру, и вообще они не объявятся, а мы останемся прикованными друг к другу до конца жизни. Я лично считала, что они приготовят нам западню, из которой выберутся только наши трупы, причём не в лучшем состоянии. Было очевидно, что если нам придётся ждать до завтра, мы впадём в состояние неизлечимого психоза.

Мрачные прогнозы в половине пятого пополудни прервал пан Паляновский. Телефон оторвал меня от приготовления яичницы, в конце концов, несмотря на нервы, поесть было надо.

— Сокровище моё, я уже здесь, — оживлённо произнёс он. — Немедленно приходи ко мне, и не слушай протестов этого негодяя. Я по тебе соскучился.

Я прикрыла рукой трубку и проникновенным шёпотом предложила негодяю снять с огня сковородку. Радость вернула аппетит.

— Хорошо, — послушно ответила я телефону. — Уже еду. Через пол часа буду.

— На машине, конечно же?

— На машине.

— Оденься... А то холодно!

Было как раз тепло. Несомненно, это должно было означать, что я должна выбрать костюм, бросающийся в глаза. Пан Паляновский будто бы ничего не подозревал.

Яичницу я съела ещё спокойно, после чего представила, что надо сделать до вечера, и спокойствие как рукой сняло.

В сумасшедшей спешке я позвонила капитану, потом в мастерскую, в которой уже три дня стояла готовая машина. Я получила согласие забрать её в восемь часов, хотя мастерская работала до пяти. Потом я оделась, абсолютно беспорядочно, но очень ярко, попрощалась с перепуганным до бессознательности мужем и отправилась к страдающему любовнику.

У дверей пана Паляновского я собрала остатки душевных сил.

За порогом на меня никто не набросился, не связал, не скрутил, не было и гориллы с пистолетом в руках, от чего, однако, лучше мне не стало. Шляпка моей тётки лежала на столе. Басенька сидела на диване в халате ухажёра. На мгновение у меня возникла мысль, что так она просидела все три недели.

Из пана Паляновского вырывались гейзеры благодарности, среди которых не удалось заметить никаких подозрений.

— Понимаете, мне пришлось обращаться к вам, как к Басеньке, — пламенно оправдывался он. — Этот преступный тип способен организовать

подслушивание. Прошу у вас прощения за эту вынужденную фамильярность... О моих чувствах к Басеньке он прекрасно знает и насмехается над ними. Вы уверены, что все в порядке? Что было с сантехниками? Вы должны подробно все рассказать!

Я приняла чашечку кофе, решив в крайнем случае вылить его за пазуху, чем выпить хоть каплю, и приступила к освещению событий. Было понятно, что их интересовало. Пан Паляновский хотел лично оценить ситуацию и понять, есть ли у него поводы для беспокойства. С мстительным удовлетворением я черпала успокаивающие известия из богатых закров моего воображения. Потоки воды, проливающиеся на кухне Мачеяков, и полнейшую недоразвитость сантехников, вызванных из какой-то мастерской, название которой, естественно, вылетело из памяти, я представила исключительно образно и убедительно. Вор тоже прошёл как по маслу. Пакет для шефа вызвал у меня некоторые трудности, потому что любовник с неутомимым упорством допытывался у меня о реакции мужа и степени моего с ним взаимопонимания. Через пол часа я начала чувствовать себя психически истощённой, покинуть эту пещеру разбойников, стало для меня основной целью в жизни.

— Муж ваш — полный кретин, — недовольно сказала я Басеньке, которая пожатием плеч выразила согласие с моим мнением. — Оказывается он этого шефа вообще не знал, и, неизвестно зачем, от меня это скрывал. Он назло мне постоянно предлагал отвезти пакет самой. Я конечно протестовала...

— И совершенно правильно, совершенно правильно, — поспешно заверил меня пан Паляновский. — Здесь произошло некоторое недоразумение, он пана Шефа действительно не знал, это было не его дело, а Басеньки. Басенька должна была сообщить о прибытии посылки, но в силу обстоятельств не смогла этого сделать. Мы этого попросту не предвидели, тем более, что пана Шефа не было в Варшаве... А он таким образом хотел узнать о её делах и знакомствах, притворяясь, что о них знает...

Мне было очень интересно, как пан Паляновский объяснит глупое упущение с пакетом и я смотрела на него, как собака на кость, когда он путался в зарослях лжи. Чем больше я смотрела, тем больше он путался, пока мне не пришло в голову, что как человек простодушный, легковёрный и ничего в деле непонимающий, я вообще не должна этим заниматься. Это вообще не должно меня касаться. Я добровольно сменила тему, доставив ему явное облегчение, и разъяснила вопрос о товарище по прогулкам.

— Можете ему кланяться, но даже не обязательно любезно, —

вежливо проинструктировала я Басеньку. — Это чужой человек, пару раз я говорила с ним о чем попало. О погоде и о хулиганах. Он к вам цепляться не станет.

— А мы уже беспокоились, что вы завязали близкое знакомство, — нервно рассмеялся пан Паляновский. — Это было бы неприятно.

Я чуть было не ответила, что если и да, то не как Басенька, а как я. Психическое истощение стало на меня действовать. Надо было как можно скорее заканчивать с этим опасным допросом и убираться. Убраться наконец-то отсюда, в живых и собственной персоной!

Пан Паляновский заметил мой взгляд на часы:

— Вы спешите? Не хотелось бы быть невежливым, но вы, кажется, нервничаете? Может произошло что-то ещё?..

— Это ещё только случится, когда сюда примчится мой муж, — ответила я не скрывая раздражения. — Странно, почему это вы не спешите? Во всяком случае, я предпочла бы закончить этот маскарад. Получиться получилось, но уже три недели я живу в напряжении и заявляю вам, что с меня хватит. Можем поговорить в другой раз.

Пан Паляновский будто очнулся. Он сорвался с места, взволнованный и обеспокоенный, выразил сожаление и погнал Басеньку, которая наконец-то слезла с дивана. Возвращение в себя доставило мне громадное удовольствие. Героиня фальшивого романа переодевалась в собственный пурпур и фиолет, я же срывала с себя её шкуру. Долой идиотскую родинку, долой мёртвый зуб, долой чёлку, долой недовольную косметику! Под париком у меня образовался плотный ком, перекраситься было нечем, но ничто не было в состоянии лишить меня неопишуемого удовольствия. Вернуться в человеческий вид я решила уже дома.

Пол часа, которые я ожидала выхода Басеньки несомненно принадлежат к самым длинным в моей жизни. Пан Паляновский развлекал меня вялым разговором, блуждая мыслями в другом измерении. Наконец, он на минуту остановился, несколько раз обеспокоенно откашлялся, после чего произнёс:

— Если вы позволите, я ещё хотел бы... Очень прошу не считать это злоупотреблением вашей любезностью! Мог бы я надеяться... Пока это не точно, но после минут полнейшего счастья так трудно вернуться к мерзкой действительности! Если только это будет возможно, не согласились бы вы... Может, всего на несколько дней, в крайнем случае — на неделю... Конечно, за отдельное вознаграждение...

Даже если капитан не имел с этим ничего общего, я бы согласилась без колебаний. Я была готова заплатить ему, и на все, что угодно, лишь бы

убраться отсюда. В первый момент я не поняла, куда он клонит, и ожидала предложения, от которого застынет кровь в жилах, например, остаться у него дома, проехаться к безлюдным окраинам, выпить этот кофе или чего-нибудь подобного, против чего пришлось бы яростно протестовать...

В данной же ситуации мы договорились в мгновение ока. Удачливость предсказаний капитана наполняла меня надеждой на его скорый успех. С полным безразличием я согласилась с суммой в десять тысяч злотых, с тем же успехом пан Паляновский мог предложить мне и десять миллионов и пятьдесят грошей. Я подтвердила, что для меня лично, будет лучше сохранить все в тайне, хотя бы из-за документов. Все ещё неуверенная, не встретит ли меня какая-нибудь неприятность на лестнице, не хлопнется ли на голову тяжёлый предмет из окна, не заинтересуется ли мной в подъезде гориллоподобный бандит, испытывая райское наслаждение, я оставила апартаменты преступника.

Одновременно я утратила способность сохранять спокойствие. Было около семи. Мне надо было забежать за деньгами, забрать машину, вернуться к себе домой, привести в порядок размазанное лицо, переодеться и любой ценой успеть в скверик! Мысленно я представила неописуемые осложнения: я опаздываю, блондин приходит, натывается на эту чёртову куклу, обращается к ней, она ему отвечает ни в пень ни в колоду, он пытается выяснить, что произошло, моя ложь открывается, я приезжаю туда как я. Басенька видит меня вместе с ним, моя ложь выявляется ещё больше, они убивают не только меня, но и его, огромное количество трупов портит безобидный скверик. Или Басенька меня не видит, но он видит нас обеих, она больше похожа на меня, то бишь на себя, неизвестно кто из нас я, заваривается каша, опять-таки, из-за меня все выясняется, полковник и капитан выражают мне благодарность в виде долговременного заключения. Или происходит ещё что-нибудь, чего я не в состоянии предвидеть, но последствия тоже плачевны. Общий плач и скрип зубовый...

Я поймала такси, заскочила домой за деньгами, счастливо избежав взгляда в зеркало, буквально в последнюю минуту ввалилась в мастерскую, не выслушав рекомендации по поводу смены масла, бросилась в машину и вырвалась на улицу. С визгом я затормозила перед собственным подъездом и галопом пронеслась по лестнице. Когда я рисовала себе настоящее лицо, руки у меня дрожали, я надела блузку задом наперёд, уронила часы и поломала на парике расчёску.

На улицу возле скверика я подъехала после восьми. Чёртова Басенька, как назло, прогуливалась по самым освещённым местам, видная издалека, как Статуя Свободы. Я объехала скверик вокруг, припарковала машину в

тени, прорвалась сквозь зелень кустов, выбирая самые тёмные места, после чего уселась на лавку под деревом, вдали от фонаря, в полной темноте, получив обзор во все стороны. Блондина все ещё не было. Я немного успокоилась, хотя предвиденные осложнения до сих пор не снимались.

Я попыталась разработать план действий. Надо его поймать, прежде чем он заметит Басеньку, поддипломатичнее объяснить ему, что теперь я выгляжу так, женщины всегда изменчивы, поддипломатичнее утащить его с этого идиотского места и поддипломатичнее уговорить его проехаться куда-нибудь на машине. И проделать все так дипломатично, чтобы избежать подробных объяснений...

Первый пункт программы был выполнен безукоризненно. Я заметила его, входящим в аллею недалеко от припаркованной машины, сорвалась со скамейки и рысью бросилась в его сторону. Басенька, к счастью, в этот момент шла ко мне задом. Я обо что-то зацепилась в темноте и рухнула на него, чуть не перевернув нас обоих.

— Уходите отсюда! — поспешно произнесла я, забыв о правилах дипломатии. — То есть, пойдёте, это место мне надоело! Есть и другие, получше и красивее, мы поедем туда на машине!

Он не только не протестовал, но и не высказал ни малейшего удивления. Он развернулся, позволил дотащить себя до машины и затолкать внутрь. Я сорвалась с места, как пожарная машина, поставила рекорд трассы и остановилась около одного из широко рекламируемых красивых мест на Рацлавской, возле районного сада, въехав левыми колёсами в какую-то грязную яму. Я сдала назад, выехала из ямы и заглушила двигатель, временно потеряв способность к дальнейшим дипломатическим действиям.

— Вы прекрасно сегодня выглядите, — сказал он, с улыбкой присматриваясь ко мне в слабом свете далёкого фонаря, так, будто мы до сих пор стояли на аллее скверика, будто не было сумасшедшей гонки к красивому месту и перерыва после приветствия. — По-моему, в вас что-то изменилось. Причёска?.. Кажется, ещё форма глаз и рта... Так вам лучше.

— Мне вообще лучше, — убеждённо ответила я, пытаясь забыть о переживаниях. — Во всех смыслах. Я собираюсь и дальше оставаться такой прекрасной, особенно при плохом освещении. Вам необходимы прогулки в том скверике?

— Если бы это было так, я не разрешил бы себя оттуда забрать. Вам перестало там нравиться?

— Ноги моей там больше не будет... — вдруг начала я, но вспомнила договор с паном Паляновским, остановилась и довольно-таки вяло

закончила: — ...как минимум неделю.

— Через неделю вы возобновите оставленную работу?

— Откуда вы знаете? — спросила я, подозрительно уставившись на него. — Вы, кажется, лицо абсолютно частное?

— Естественно, я частное лицо! Кем мне ещё быть?

— Не имею понятия. Я думала над этим, но в голову ничего не приходит. Как лицо частное вы не можете знать того, что знаете.

— Допустим, что я частное лицо исключительное любопытное и любознательное. Я обладаю способностью к дедукции и делаю выводы из предпосылок. Предпосылки вы предоставили мне сами, в количестве достаточном, чтобы разогнать самый густой туман, а выводы вы подтверждаете. Вот только вы не сообщили пока своего имени.

— Готова поклясться, что вы знаете! — с раздражением выкрикнула я.

— Даже если и знаю, предпочитаю, чтобы назвали его вы...

Из этого получилось нечто совсем невероятное. Действительность превзошла область действия воображения настолько, что романа с блондином я не могла и представить. Я доходила до знакомства с ним, выяснения взаимных симпатий и ни шагу дальше. Он должен был остановиться на этом месте, остаться в этой фазе, быть может окаменеть, или дематериализоваться, исчезнуть с глаз, предложить платоническую дружбу, или, в конце-концов, задушить меня для собственного спокойствия... Все было бы понятно! Но то, что развивалось и расцветало возле садов, пробуждало во мне набожное ангельское недоумение, изгоняя из моего сознания все остальное.

Ясно было только одно, а именно то, что роман с таким блондином должен стать настоящим романом всех времён!

* * *

Пан Паляновский позвонил через восемь дней, застав меня врасплох предложением поменяться с Басенькой на следующий день пополудни. Я не была расположена к афёрам и мистификациям и почти забыла про дела Мачеяков, согласиться получилось с трудом. В последний момент я прикусила язык, чтобы не спросить: «А мужа тоже меняют?».

Капитан, которому я сообщила по телефону о планах шайки, утешил меня заверением, что теперь это продлится не дольше трех дней. С

Мареком я договаривалась встретиться вечером. Я плохо представляла, как объяснить ему ситуацию, за все время мы не единым словом не затронули темы моих таинственных походов в скверике. Меня это даже не удивляло, я считала, что он все знает и просто не считает нужным об этом говорить.

— Слушай-ка, дорогуша, — со вздохом произнесла я, как только он сел в машину. — У меня для тебя новое, свежее предложение. Тебя случайно не тянет на вечерние прогулки?

— Хорошо выглядишь, — ответил он, мешая вести машину. — С каждым днём ты становишься все лучше.

— Не бойся, завтра подурнею. Слушай же, что я говорю, это очень важно. Ты будешь встречаться со мной в скверике или нет?

Он перестал демонстрировать ту черту характера, которой, как я думала ему не хватает, и задумчиво посмотрел на меня.

— Понятно, от прогулок ты дурнееешь... И надолго ты перевоплощаешься в эту таинственную особу?

— Кажется, на три дня, — ответила я слегка вздрогнув. — С завтрашнего дня. Вечером уже пойду гулять, как она. А ты?

— Тоже пойду, но не как она. Скорее, как я. Я бы хотел, чтобы твоё участие в этом деле наконец-то закончилось.

Я вздрогнула ещё сильнее, повернула направо, съехала на обочину и остановила машину.

— Это невыносимо, — твёрдо сказала я. — С меня хватит. Отупение от чувств к тебе тоже имеет свои границы. Поговорим серьёзно. Что ты собственно знаешь про это дело и откуда?

Некоторое время он молчал. Он всегда так делал, когда хотел сказать мне что-нибудь стоящее, важное, сенсационное, и заставить меня задохнуться, потому что я ждала этого рассказа остановив дыхание.

— Вообще-то все, — наконец признался он. — Или почти все. Во всяком случае достаточно, чтобы о тебе беспокоиться.

— Во-первых, ты не сказал, откуда знаешь, а во-вторых, зачем беспокоиться? Со мной пока ничего не случилось, не случится и дальше.

— Это будет не то же самое. Не знаю, отдаёшь ли ты себе отчёт в том, как мало людей знало о том, что эта женщина с чёлкой — это ты. Все они предпочитали держать язык за зубами. Теперь произойдут некоторые радикальные изменения и весь обман может вскрыться.

— Ну и что? Не я же это придумала.

— Я имею ввиду, что может всплыть твоё соглашение... с некоторыми особами...

— Ага, и тогда другие особы с радостью перережут мне глотку?

— Что-то в этом роде.

— Но другие особы ни о чем не узнают, пока не будут пойманы. А тогда станет трудно что-либо перерезать.

— Милая моя, не будь наивной. Нельзя быть уверенной, что поймают всех. Есть и такие, которые ждут слишком больших прибылей, чтобы перед чем-то остановиться, а ты поразительно легкомысленна...

— Преувеличиваешь, — твёрдо прервала я. — Я просто думаю логично. Это же не убийцы, смертная казнь никому не грозит, отсидят своё и все. Никто не станет меня убивать, чтобы получить больше. Если и существует кто-то, кому есть чего терять, то я о нем ничего не знаю, и, следовательно, для него не опасна. Я подумала об этом и перестала бояться.

Задумчиво он смотрел на меня, с лёгким нетерпением и унынием.

— Не знаю, как тебя убедить... Этот кто-то может не знать, что ты не знаешь...

— Перестань меня пугать. Ладно, уговорил, если ты считаешь это необходимым, буду бояться как черт. Я теперь, будь любезен, объясни мне, откуда ты все это знаешь!

— Ты мне сама сказала. Сначала я понял, что ты подставлена вместо кого-то другого, я без труда проверил, кого. Про эту женщину я тоже кое-что знал, присматривался к ней довольно долго. Мне самому было интересно, когда и как милиция доберётся до этого туземного царька...

— Так ты и про шефа знаешь! — крикнула я, печально качая головой. — Одно из двух, или ты принадлежишь к шайке преступников, или друг полковника.

— Другьям служебные тайны не выдают.

— Значит, ты ясновидец. Нет, извини, преступник. Может, в таком случае ты объяснишь...

— Меня смущает только одно, — остановил он меня, как-будто вдруг что-то вспомнил. — Каким чудом все это получилось? Что ты такое делала, что они дали себя обмануть?

— Кто дал себя обмануть?

— Наши власти.

— А!.. Ничего особенного. Я работала.

— Каким образом?

— Обычно, чертила за столом Басеньки, — пробормотала я, потому что вдруг почувствовала себя необычайно интеллигентной, у меня прояснилось в голове. — Я могу это делать намного лучше, чем она, я

взяла её работу, не колеблясь ни мгновения. А за окном сидел рыжий дебил...

— Что сидело?!

— Рыжий дебил, тупой, грязный и толстый. Он жевал резинку и смотрел мне на руки с самого первого дня.

— А, рыжий дебил!..

— Наверняка, теперь окажется, что это один из способнейших сотрудников милиции, — расстроено сказала я, увидев выражение его лица. — Они меня всегда обманывают. Я не удивлюсь, если кто-то из них переоденется страусом. Тебе легко было разобраться в этом обмане, потому что с тобой я сглупила с первого слова. А они знали только то, что Басенька с родинкой на лице сидит за столом и продолжает узор. Людей, которые в этом разбираются мало. Не знаю, известно ли тебе, что такой шаблон должен идеально повторяться во все стороны...

— Знаю, для них это было исключительно благоприятное стечение обстоятельств. Меня немного беспокоит пакет для шефа. Здесь должно было произойти какое-то недоразумение.

— Я вижу, что ты наконец перестал говорить намёками и мы переходим к подробностям, — ехидно заметила я. — Ты следил за тем, что происходит в доме через перископ?

Он начал смеяться.

— Подробности, только для посвящённых. С того момента, как ты начала думать самостоятельно, я могу себе это позволить.

— Я знала, что из-за тебя случится что-то плохое! Думать! Мышление вредит. Кстати о пакете. Я надеялась, что ты сможешь мне объяснить, а то я ничего не понимаю.

— Пока никто не понимает. Кое о чем я догадываюсь, но говорить об этом рано.

— Так может ты знаешь, что теперь будет?

— Знаю. Теперь милиция должна взять всех сразу, в нужный момент, самое трудное, выбрать этот момент. А ты должна во все это не вмешиваться, сидеть спокойно и быть как можно осторожнее. Чтобы я за тебя не боялся...

* * *

Как и в прошлый раз, метаморфозе я подверглась в апартаментах пана Паляновского, на этот раз я была нормально одета и очень недовольна. Гримёра не было, родинки, чёлки и зубы мы с Басенькой делали сами. Пан Паляновский настойчиво бредил о глубоких чувствах и неделе счастья. Басенька же вяло вспоминала о прислуге и генеральной уборке, которую та произвела. Я не знала, считать это упрёком в мой адрес, или информацией о переменах, но сильно не интересовалась, успокоенная заверением, что служанки снова не будет.

В дом я вступала осторожно, приготовившись к присутствию ловушки в виде настоящего пана Мачеяка. В гостиной сидел человек, известный мне как муж, выглядевший более жалко, чем раньше. Увидев меня, он безмолвно сорвался с кресла, подскочил к окну и начал стучать по стеклу, чуть его не разбив. Я сняла туфель и помахала у него перед носом:

— Угомонись, а то сейчас побежишь к стекольщику, — не удержалась я. — Что это ты так плохо выглядишь? Болееешь?

Муж бросил демонстрировать пароль и ухватился за грудную клетку:

— Боже, эти контрабандисты меня до инфаркта доведут! То, что я пережил, переходит все границы! Ты это, или не ты?

Я заверила его, что это я, и поинтересовалась происшедшим.

— Ты была здесь, когда я пришёл, — взволнованно, с испугом сообщил он. — То есть это была не ты, а жена. Точно такая же, но это, должно быть, была не ты, потому что, когда я начал стучать, она посмотрела на меня, как на дурака. До туфлей она и не дотронулась, никаких камушков!.. Я сообразил, что это не ты и чуть не помер. Хорошо, что она сразу ушла. Я здесь давно, почти с самого утра.

Я забеспокоилась:

— Ты с ней разговаривал?

— Что ты! Я же говорю, у меня речь отнялась. Меня вообще парализовало у окна!

— От этого ты и стал таким жалким?

— Муж глубоко дышал, и постепенно приходил в себя.

— В третий раз меня не уговорят, даже если вся милиция на колени встанет! Я же абсолютно не выспался. Сутки напролёт мы с приятелем работали над этими тряпками, все идёт как по маслу, денег будет куча! Пока у меня для тебя полторы штуки. Мачеяк сказал, что нанимает меня на неделю, и всю эту неделю я буду спать, просто я хотел проверить, кто здесь будет — она или ты, а теперь ложусь.

— Какая неделя, капитан говорил, только три дня. Так что, спи скорее. Видишь, как необходимо было договориться о пароле? А больше ничего

нового?

— Не знаю. Я сплю. Мне кажется, чего-то здесь не хватает, но чего — не знаю. Может ты разберёшься?

Я быстренько осмотрелась. Не хватало гипсовой вазы со столиком, на котором она стояла. Я вспомнила разговор о генеральной уборке и, охваченная предчувствиями, побежала наверх, в комнату Басеньки.

— Товарищ капитан, — таинственно сообщала я в трубку через две минуты. — Докладываю вам, что из этого дома исчезли следующие вещи: небольшая картина Ватто, возможно, оригинал, пара серебряных подсвечников и комод в стиле рококо. Не знаю, как они хотят его вывезти. Кроме того, гипсовая ваза, кажется, восемнадцатого века, и китайский лаковый столик. Серебряные ложки, ножи и вилки, старинные. Были и сплыли. Кроме того, какая-то картина из комнаты мужа, какая — не знаем.

— Комод был старый? — безразлично поинтересовался капитан.

— Старый, — злорадно подтвердила я. — Лет эдак в двести пятьдесят. Все было не новое.

Некоторое время со стороны капитана царило молчание.

— Вы узнаете этот комод? — спросил он с неожиданным оживлением в голосе.

— Узнаю, если его не обновили. У него были особые приметы. А что, вы держите его у себя?

В ответ капитан опять некоторое время молчал, после чего дал мне особое задание. А именно, с утра, отправившись за покупками от имени Басеньки, я должна навещать всех столяров, мебельные склады и тому подобные организации, какие мне только встретятся. Он сразу же дал мне несколько адресов. Если я увижу знакомый комод, мне надлежит сохранять спокойствие, не бросаться на него с криками, никому не задавать никаких глупых вопросов, вернуться домой и сразу же сообщить ему. И вообще, я должна заниматься этим тактично, дипломатично и ненахально. Осознавая свои дипломатические таланты, я согласилась не очень уверенно, хотя идея посмотреть на старую мебель меня достаточно привлекала.

Муж, как и обещал, завалился спать очень рано. Заинтригованная комодом, я отправилась в скверик и первое, что сделала — сообщила Мареку о замеченных в доме переменах. Это его заинтересовало.

— Комод был большой?

— Довольно большой, как довоенное бюро.

— Сколько он может стоить?

Я думаю больше ста тысяч. Насколько больше, не знаю, на такие вещи нет постоянной цены. В основном от того, что и вещей таких нет.

Все мысли об оценке, которую даст моему поведению полковник, я старательно прогоняла, надеясь, что комментарии любимого мужчины позволят мне совершить какое-то открытие. Надежды оказались напрасными, единственное, о чем я узнала, что настоящая я нравлюсь ему намного больше, чем я, как Басенька. Это утешало и совпадало с моим мнением, но в вопросе афёры помочь не могло.

Вечером следующего дня он вернулся к этой теме. За целые сутки не произошло ничего необычного, муж наверху храпел так, что было слышно внизу, а в остальном царили тишина и спокойствие. Столяров я посещала без видимого эффекта. На прогулку я отправилась очень рано, но Марек уже ждал.

Из того, что ты вчера говорила, я понял, что тебе нравится старинная мебель, — пригласил он меня к разговору. — Может, захочешь кое-что посмотреть?

О поручении капитана я ему ничего не рассказывала, но не сомневалась, что он обо всем догадался. В этом что-то было...

— Ну? — не вытерпела я.

— Есть такая маленькая столярная мастерская на Познаньской улице, во дворе. Там, в основном, занимаются восстановлением старой мебели. Я думаю, тебе понравится...

Я настолько была уверена, что комод Мачеяков стоит именно там, что, увидев его, даже не удивилась. Он стоял себе у стены, заслонённый двумя вольтеровскими креслами в плохом состоянии, о которых пришлось поговорить со столяром, чтобы не вызывать нежелательных подозрений. Я сообщила капитану, в душе поклявшись допытаться у Марека, откуда, черт побери, он обо всем узнал. Вероятнее всего, я снова услышу, что от меня, что будет неправдой, потому что я сама ничего не знала.

Вопреки ожиданиям, я услышала что-то новенькое:

— Твои наниматели выбросили его на свалку, — спокойно сообщил он, когда я рассказала ему о визите к столяру.

Это была очень странная новость.

— А ты каждый день ходишь по свалкам и смотришь, кто что выбрасывает? — спросила я. — В таком случае, почему ты не заставил меня искать его на свалке? И откуда он взялся у столяра? Сам пришёл, ему обстановка не понравилась? И вообще, кто станет выбрасывать на свалку больше ста тысяч злотых?!

— Как видно, бывают такие расточительные люди. А пришёл он не сам, его привезли...

— Ради бога, — рассердилась я, когда у меня кончилось терпение. —

Говори, не прерывайся, не останавливайся, я не могу не дышать столько времени! Кто привёз, если они его выбросили?!!!

— Некто, кто сразу после этого оказался на свалке, поскольку сам привёз какой-то мусор. Увидел, взял и отдал столяру.

При мысли о том как легко найти в мусоре сто тысяч злотых, у меня перехватило дыхание. У меня закружилась голова. Что-то здесь было, но что, я понятия не имела, не знала о чем теперь спрашивать, а ко всему прочему, вообще не могла понять, имеет ли это значение, как составляющая преступления, или просто, как интересная история, которую стоит запомнить.

— Ты это говоришь, чтобы я немедленно собрала весь мусор в доме и отправилась с ним на свалку, или чтобы заставить меня думать? — осторожно поинтересовалась я.

— А ты как думаешь?

— Я уверена, что для второго! Что за привычка, так надо мной издеваться... Я тебе сразу скажу, что мысленная деятельность подождёт, пока у меня не будет достаточно материала. Да, мне приходит в голову, что комод они хотели продать тайно, инсценировали вывоз на свалку и договорились с покупателем, что он якобы случайно придёт за ним. Но на кой черт выдумывать эдакие трюки, ума не приложу. Ни к чему не лепится.

— Так подумай ещё немного, может до чего и додумаешься.

— А прямо ты сказать не можешь?

— Не могу. Я сам ничего не знаю. Если ты так любишь сенсации, надо уметь думать...

Вернулась я очень поздно, полностью убедившись в невозможности догадаться в чем здесь дело. Комод никуда пристроить не удавалось. У меня темнело в глазах при мысли, что если я не догадаюсь сама, то не узнаю никогда в жизни, потому что капитан не расколется, а Марек будет и дальше издеваться в образовательных целях. В конце-концов он докажет мне, что я полная кретинка, которая должна мыть кастрюли, не вмешиваясь в необыкновенные происшествия. Он не примет во внимание то, что это необыкновенные происшествия вмешиваются в меня.

Муж продолжал храпеть с упорством достойным удивления. Я отправилась на кухню заварить чаю, и, когда высыпала его из банки в чайник, там что-то блеснуло. Я это что-то достала, не люблю чужеродных тел в чае. Оказалось, что это маленький ключик особой формы. Некоторое время я бездумно разглядывала его, после чего вдруг посчитала предметом настолько подозрительным, что, несмотря на несоответствующее время, посчитала необходимым позвонить капитану. Откуда ключик в чае,

который я лично покупала в магазине и пересыпала из пачки в банку?

После долгих усилий я нашла капитана по одному из оставленных им номеров.

— Я нашла в чае нечто похожее на ключик, — конспиративно сообщила я. — Не понимаю, что это значит.

— В каком чае?

— Цейлонском.

— О, господи, где вы его нашли? В стакане? В чайнике?

— Нет, в банке. Он высыпался.

— Что за ключик?

— Маленький, — подумав сказала я. — Блестящий. Необычный.

— И что вы с ним сделали?

— Ничего, лежит здесь.

— На кой черт вы его доставали? — с неожиданным раздражением крикнул капитан. — Вы думаете, у нас мало забот?! Ну, ничего, успокойтесь...

— Так я же спокойна, — разозлилась я. — Вы считаете, что его следовало заварить? Может ещё и проглотить?

— Нет, не глотайте... Немедленно спускайтесь в подвал...

Я ждала, что он скажет: «...закройтесь и оставайтесь там, пока мы не разрешим вам выйти».

— ...и хорошо закройте все окна, — мрачно закончил он. — Голову даю на отсечение, одно из них открыто. Вы совершаете недопустимые ошибки!

Злая, полностью сбитая с толку я спустилась вниз, проверила одно окно, подёрнула другое и вернулась наверх. Для следственных органов афёра возможно и подходила к концу, а для меня каша заваривалась все крепче. Чёртов ключик блестел посреди стола.

— Что это? — спросил на следующий день муж, показывая на него пальцем.

— Новый пакет для шефа, — обиженно ответила. — Трогать не советую.

— Чокнулась? Чтобы я до чего-нибудь подобного дотронулся! Издалека он выглядит подозрительно. Маленький и блестит. Опять кто-то принёс?

— Не знаю, на этот раз, кажется, я. По-моему это что-то такое же обременительное, как и те фаршированные шедевры. Не надо его трогать.

— И не подумаю. Слушай, не пугай меня. Это значит, что каторга продлится? Верх моих мечтаний — избавиться от всего этого! Мне

приснилось, что я остался твоим мужем и пришлось тебя поселить в моей пломбе!

— Кошмары снятся от переедания... Сплюнь, чтоб не сглазить. Понятия не имею, что происходит, и могу тебя торжественно заверить — с меня хватит.

— Одна радость, что выспался...

Мы блуждали по квартире Мачеяков в состоянии угрюмой решительности, чувствуя себя так, будто мы уже умерли и на веки вечные приговорены к чистилищу. Все казалось нам лучше, чем это ожидание. Вероятно, в конце-концов, мы бы помешались и впали в неизлечимую меланхолию, если бы представление неожиданно не закончилось, как-раз в ту минуту, когда ничто не указывало на какие-либо перемены.

Около пяти вечера к дому подъехал обыкновенный фиат, из него вышел капитан в штатском, собственной неподдельной персоной. Мы как раз кушали, благодаря чему, переполох и колбаса нас чуть не убили. Глазам было трудно поверить!

— Шутки кончились, — сообщил капитан. — Вы в свободны, в полном смысле этого слова.

Я не успела спросить его, в каком смысле, потому что он сразу подошёл к столу, взял ключик, вставил его в запертый ящик секретера, открыл его, с минуту в нем покопался и нашёл в глубине шкатулку. Он тут же её открыл. Не ожидая ничего плохого я ко всему этому присматривалась. Открытая шкатулка оказалась пустой.

То, что случилось потом, было вовсе непонятно. Капитан прибыл не сам, с ним были двое, один из которых молчал, как скала, а второй принял живое участие в разговоре. Очень нескоро до меня начало доходить — то, что когда-то находилось в шкатулке, исчезло, пропало, кто-то это украл, и, что по всем правилам, этим человеком должна быть я!..

Если бы не этот чёртов ключик, подозрения могли бы пасть на таинственного взломщика, но, по неизвестной причине, ключик оказался в моем распоряжении. А капитану я позвонила только для дезориентации противника.

— Если б я знала, что из этого выйдет, даю вам слово, выбросила бы его на улицу, — сказала я разнервничавшись. — Что хоть это было? Что я украла?! Вы должны мне сказать хоть это!

— Полковник расскажет, — буркнул капитан. — Я лично считаю, что это не вы, но официально исключать этого нельзя...

— Ну хорошо, а почему не я? — обиженно вмешался муж, посчитав несправедливым, что его не подозревают.

— Вы отпадаете, у вас не было возможности. И вообще, убирайтесь отсюда! Берите все своё, оставьте чужое, чем быстрее вы исчезнете, тем лучше. Вы — к полковнику...

— Замечательно. Полковник очень обрадуется, когда я приду к нему босиком, в ночной рубашке, — злорадно заметила я. — Все мои вещи у любовника.

— У меня свои только подштанники, — одновременно забеспокоился муж. — То есть, извините... Остальное осталось у того лысого паразита, то есть, у гримёра...

Выражение с которым посмотрел на нас капитан стоило запомнить на всю жизнь! Никогда ещё милиция на меня так не смотрела. Свежая трудность появилась от того, что вместе с нами меняли и одежду, это ускользнуло от внимания заинтересованных лиц, теперь преодоление непредвиденных препятствий вызвало некоторое замешательство.

Но в результате энергичных действий, у полковника я появилась полностью одетой.

— Вся ответственность за вас лежит на мне, — сообщил он холодным голосом. — Было решено ваше участие в этом деле официально не отмечать, кроме всего прочего, для вашей безопасности. Последствия таковы, что все исходит от меня, будто я и был женой, я за вас отвечаю. Вам это ясно?

Мне было ясно. Я выразила ему сочувствие и принесла соболезнования. Он за меня отвечает, а я тут краду из шкапуток что ни попада...

Полковник не стал ходить вокруг да около и задавал вопросы прямо, в конце-концов, мне удалось из них выяснить, что вся шайка поймана, чета Мачеяков и пан Паляновский в панике во всем признались, их примеру последовал шеф со своими сообщниками, после чего взорвалась бомба. Все упомянутые перепуганными преступниками предметы нашлись, пропало лишь то, что было в шкапулке. И кроме того, пропало загадочным образом.

— Господи, да скажите же наконец, что там было! — в отчаянии потребовала я. — Глупо будет, если я предстану перед судом не зная, что спёрла!

— Так вы ещё не знаете? Двадцать шесть штук бриллиантов, стоимостью около ста тысяч долларов. Точно оценить трудно, потому что их нет.

Если он хотел меня потрясти, это ему удалось. Бриллианты, лежащие в шкапулке, в доме где я жила больше трех недель... Я призналась в обладании ключиком от этой шкапулки, и мало того, куш стоил сто тысяч

долларов! Ни в чем подобном меня ещё ни разу не обвиняли.

— Минутку, — сказала я, полностью выбившись из колеи. — Вы не ориентируетесь, когда я это украла?

— Да. Примерно. Сразу после визита в магазин Яблонекса. Строго между нами, что вы там делали?

К счастью, за последние месяцы в магазине Яблонекса я была единственный раз и достаточно легко вспомнила зачем. Я увидела на витрине чёрную брошку, какую давно хотела, и зашла, чтобы её купить, но отказалась от этого намерения, не зная, для кого её в сложившейся ситуации покупаю, для себя или для Басеньки. Я во всем призналась полковнику.

— Одного не пойму, — добавила я. — В Яблонексе же не продают настоящие бриллианты? Или я украла поддельные?

— Наоборот. Украли настоящие и заменили на поддельные. Мне очень жаль, но на вас тоже падает подозрение...

Из дальнейшего разговора мне удалось понять, в чем состояла вся соль. Чета Мачеяков своё состояние потихоньку помещала в бриллианты, часть из которых происходила из довоенных лет, была унаследована от предков, прадедов и прабабок, остальное добыто при помощи различных махинаций за последние годы. Басенька держала их в маленькой деревянной шкатулке в ящике секретера. Меняясь со мной, она собиралась забрать их оттуда, но произошло недоразумение с ключиком. Ключик был только один. Муж покинул дом первым. Басенька решила, что по ошибке он взял ключик с собой, не успела с ним связаться, вместо него с минуты на минуту должен был прибыть двойник, пан Паляновский ждал вместе со мной, она растерялась и ушла, понадеявшись, что муж забрал и бриллианты. От этого и волнение у любовника и большая часть упущений, пан Паляновский тоже нервничал, не зная судьбы сбережений. Утешало их одно — даже если бы мы и взломали ящик, шкатулки бы не нашли. Её открывал особый механизм, включаемый только ключиком. Самое большее, что мы могли сделать — испортить замок. Кроме того, содержимое шкатулки должно было почивать в кармане у мужа.

Вскоре успокаивающие мысли испарились. Оказалось, что у мужа нет не только бриллиантов, но и ключика. Он оставил его дома, в другом ящике секретера, и думал, что Басенька об этом знает, потому что он её предупреждал. Но Басенька не знала. В переполохе и спешке по массовому производству выбрыков, эта информация не задела её внимания. Они тряслись за свои бриллианты до того момента, когда, вернувшись, нашли ключик на месте и шкатулку в тайнике. Они пересчитали бриллианты, их

было ровно двадцать шесть, и успокоились. После этого результат экспертизы был для них громом среди ясного неба...

Оценивающий драгоценности милицейский эксперт был в курсе событий, интересовался тем, что увидит, и с нетерпением ждал добычи. Он немедленно занялся бижутерией Басеньки и содержимым шкатулки и сразу понял, что в ней лежат двадцать шесть очень хорошо отшлифованных стеклышек, вероятнее всего из Яблонекса. Как Мачеяки, так и пан Паляновский в первую минуту не хотели в это поверить и пытались бросить на милицию подозрение в жутком обмане, потом подозрение перенесли на меня и на мужа, потом поссорились между собой и опустили руки. Брошенное на меня подозрение подтвердилось тем, что у меня, как оказалось, тоже был ключик. Неблагородная подмена благородных камней никем не обсуждалась, потрясение Мачеяков говорило само за себя.

— Ну хорошо, но откуда, черт побери, этот ключик появился в чае?! — разволновалась я. — Он же был только один! Они подбросили его специально, из вредности??

— Этого, извините, никто не знает, — грустно заметил полковник. — Их ключик был у них. Получается, что ключиков было два, но откуда взялся второй — неизвестно. Его могли сделать вы. Вы могли и бриллианты подменить, раз были в Яблонексе...

— И я выковыривала их там из предлагаемых украшений? Насколько я знаю, россыпью их не продают!

— Вы могли и купить несколько ожерелий, или ещё что-то, а наковырять дома. Теоретически эту возможность тоже надо принимать во внимание. Тем более, что их не просто украли, а заменили на стекла, что опять-таки указывает на вас. Вам было ни к чему, чтобы кража раскрылась, как только вы покинете дом.

Мне становилось то жарко, то холодно.

— Теоретически возможно, — признала я. — Но вы же сами знаете, что это чепуха!

— Чепуха, — согласился полковник. — Тем более, что официально вы в этой операции вообще не существуете, в качестве жены выступаю я, выходит так, что я и украл эти бриллианты. Как вы думаете, что мне теперь делать?

Мне становилось ещё жарче и ещё холоднее.

— Взломщик, — с душераздирающим стоном подсказала я.

— Да, взломщик несколько ослабляет подозрения. Но это должен быть кто-то из шайки, посторонний преступник не морочил бы себе голову с подменой. Только тот, кто боялся, что после того как факт кражи откроется,

поднимется такой шум и переполох, который всех деконспирирует. Или тот, кого они легко могли раскрыть. Но шайка сидит вся, а бриллиантов ни у кого не нашли. Теперь вы сами видите, что получается из того, что вы не раздумывая реализуете любую идею, которая придёт вам в голову...

Я попыталась хоть как-то выбраться из-под обрушившейся лавины обвинений:

— Во-первых, не любую, во-вторых, эту последнюю шутку придумала не я, а в третьих, одного вы достигли наверняка — даже если я действительно их упёрла, под тяжестью подозрений, до конца жизни ими не воспользуюсь. Ради бога, нельзя ли их найти, хоть для того, чтобы доказать мою невиновность?!

— Заверяю вас, что этого мы желаем также горячо, и не только из-за вашей невиновности. Тем не менее, вы под подозрением и должны с этим считаться. Если вы собираетесь куда-то поехать, ничего не выйдет.

— И в Сопот нельзя? — уныло спросила я через минуту.

— Что-что?

— В Сопот...

— Одна?

— Нет не одна...

Полковник задумался и вдруг посмотрел на меня с чрезвычайным интересом:

— Ах да, в Сопот езжайте. Но предупреждаю, больше никуда!

— Не думаете же вы, что я сяду в лохань и попытаюсь бежать в Швецию! — разозлилась я. — И вообще, пусть капитан найдёт тот кусок картона со следом ботинка и ищет по ботинкам, а не по драгоценным камням! Чтобы след не затёрли, я заклеила его целлофаном...

— Мы вам за это очень признательны, — ехидно остановил меня полковник, — также, как и за ценные указания. Не преминем воспользоваться...

Свежая мысль о том, что при подозрении в краже такого размера меня должны сразу посадить, посетила меня лишь к вечеру, когда я направлялась в скверик, на встречу с Марекком. Отношение полковника ко мне казалось странным. С одной стороны, он упёрся, что я коварно увела сто тысяч долларов, а с другой — отпускает на побережье. Одну. Сопровождения мне не дал, ни одна собака мной не интересовалась, никто за мной не следил, что все это значит?..

— Хуже всего, что от волнения я даже не попыталась его спросить о непонятном. Половины до сих пор не пойму, — с горечью сообщила я, когда ко мне подсел Марек и мы медленно ехали по тёмным улицам

нижнего Мокотова. — По дороге мне удалось кое-что выжать из капитана, кое о чем я начала догадываться после вопросов, которые мне задавали, но потом все заслонили бриллианты, остальное забылось. Мне кажется, что это ещё не конец афёры. Про взломщика милиция ничего не знает, а кроме того, не вижу главаря всего предприятия. Раньше я думала, что это шеф, но нет, не похоже. Я начинаю думать, что главного так и не поймали. Мне ясно, как это происходило. Они переправляли все, что попадалось, под подходящим прикрытием. Дега и Коссак проходили как олени на водопое, иконы — как чеканка на патриотические темы, шпага придворного Зигмунта Августа вероятно выбиралась в путешествие в виде чупаги, а в рукояти её был рубин с кулак величиной. Кто-то это скупал или воровал, потом кто-то переделывал, кажется, именно у шефа была мастерская по производству этих художественных произведений, но все это не вяжется с передачей ему пакета... Потом кто-то искал людей, отправляющихся в путешествие. Все это наверняка было перемешано, все занимались всем, но кто-то должен был все организовать и за всем следить. Кто? И зачем капитан гоняется за комодом? Но самое странное не это...

Марек терпеливо, ничем не выдавая своих эмоций, слушал.

— А что? — спросил он, когда я остановилась, чтобы подозрительно на него посмотреть.

— Они разрешили мне додуматься до всего, — пробормотала я через минуту. — Полковник не слепой, он прекрасно видел, о чем я догадываюсь, и вообще этим не интересовался. Он не посадил меня за бриллианты. Позволил самостоятельно раскрывать разные служебные тайны. Что ему от этого? Он не тот человек, который делает все не думая, у него должна быть цель, но какая? Пока я вижу одну...

— Ну? Какую?

— Главарь существует Его не поймали. И этот главарь — ты. Зная, что я все тебе расскажу, он попытался спугнуть тебя моей болтовнёй, надеясь, что ты ошибёшься. Так всегда делают с самыми закоренелыми преступниками, которым ничего не пришьёшь. Ты должен ошибиться сейчас, убить меня, возможно на это он и рассчитывал. Не знаю, где мы, но место мне кажется подходящим, никак не пойму, почему я тебя не боюсь. Где мы?

— Кажется на Садыбе. Тут ворота кооперативных садов. Никто не ездит, можно остановиться.

Я развернулась задом к воротам, въехала в заросли сорняков и остановила машину. У меня возникали все новые идеи. Марек выслушивал мои рассуждения с явным интересом, возможно, заметив в них

долгожданные симптомы мышления.

— Одного я никак не пойму, — продолжала я, немного сменив тему. — Что случилось с таможенниками, напились, что ли? Как можно было не обратить внимания на такую мазню?!

— Это я могу тебе объяснить.

— Как?! Ты знаешь?

— Примерно. Мне удалось додуматься. Это не предназначалось для вывоза...

Как всегда он остановился на некоторое время, после чего начал объяснять. Все оказалось неописуемо сложным.

— Предприятие было довольно разветвлённым, а все заинтересованные лица соблюдали основы конспирации, не встречаясь друг с другом. Один из ближайших помощников шефа перепугался, от того, что милиция заинтересовалась его братом, стянувшим мешок муки с государственной мельницы. Помощника учили, что для золота, прежде всего, надо показать его вес. Желая побыстрее избавиться от опасного товара, он показал вес, что получилось не лучшим образом. Не имея понятия о начинаниях Мачеяков, он отправил пакет обычным путём и воспользовался чужим человеком, как посыльным. Что касается картин, их качество никого особенно не заботило, порядочные люди из лучших побуждений посылают и не такую мазню. В данном случае, это должна была быть семейная реликвия для кого-то эмигрировавшего ещё до первой мировой войны, скорее всего, ещё несовершеннолетним...

— Ну ладно, а рамы?.. — растерялась я. — Кто видел такие рамы?!

— У них было даже письмо, в котором эмигрант просил сделать рамы для картин из камня с поля его предков...

— Мрамор с поля?..

— Это деревня под Хенчиным, рядом с каменоломнями...

Довольно долго я не могла прийти в себя. Трюк с пакетом для шефа от начала до конца превосходил человеческое понимание.

— Откуда, ради бога, ты все это знаешь?

— Какой там знаю, догадался. До этого легко было додуматься...

Я обиженно и недоверчиво посмотрела на него:

— Конечно, додуматься легко... А легче всего было догадаться о мешке муки. После краж муки с мельниц всегда бывают такие последствия. Все нормально. Ты меня в могилу вгонишь... Слушай, а зачем им было меняться на нас? Зачем им это понадобилось?

— А ты не догадалась?

Я чуть не задохнулась:

— Послушай-ка, сокровище моё, — разозлилась я. — Если бы все догадывались до всего самостоятельно, в мире не было бы ни тайн ни неожиданностей. Никакая информация не понадобилась бы, а пресса и радио разорились. Перестань меня учить! Да, догадываюсь, они тоже догадывались, что за ними следят, и решили незаметно исчезнуть. Пожалуйста, это я знаю. Но зачем?!

— Что зачем?

— Исчезать! Зачем?! Что они собирались сделать за то время, пока их не было. Что-то же хотели, мне теперь никто не докажет, что они заперлись в лесной избушке и втроём занимались любовью! А исчезали, чтобы не смущать молодых милиционеров!!!!..

— Конечно нет, им надо было другое. А как ты считаешь? Подумай, с какой целью?

От злости меня посетило вдохновение:

— Выкапывали в лесу спрятанные сокровища, — раздражённо сообщила я. — Встречались с контрабандистами на какой-то из границ. Собственноручно в укрытии изготавливали мазню. Убили кого-то. Обокрали музей. Обделывали свои делишки.

— Вот, очень близко. Именно обделывали делишки. Подумай, если у них намечалась сделка, они хотели что-то купить или украсть... Или заменить картины, оригиналы на копии, возможно в церкви, или ещё что-нибудь...

— Да, они не могли это сделать, зная, что за ними следят. Ладно, будь по-твоему, я догадываюсь, что они делали полезные приобретения, спокойно, без помех. Это действительно было так срочно и так выгодно, чтобы заниматься трюком с заменой?

— А если у них было несколько срочных дел? Если в последние месяцы их деятельность была затруднена, если они боялись милиции и не имели свободы, если добра собралось столько, что об утрате они и думать не хотели?..

— Понятно, миллионы рядом, а добраться нельзя. Даже если они и купят что-то, переправить не смогут, потому что за ними следят. И шефу не отнесут, и вообще ничего не сделают. А не мог эти сделки проверить кто-то другой? Обязательно они?

— Все считали, что за ними следят. Кому-то была нужна свобода действий, вот они её и получили. Благодаря этому, после многих месяцев проволочек, они смогли увидеться с разными людьми, получить у них всякие ценные вещи, завербовать новых, чистых людей, выезжающих за границу...

— А!.. Все, кто с ними встречался, засвечивались и контролировались?

— Вот именно. А им надо было столкнуть все оставшееся имущество, потому что они собирались ликвидировать предприятие. Ты понятия не имеешь, насколько подвижны они были, объехали всю Польшу...

— Им приходилось избегать гостиниц и самолётов, чтобы не называть имён, — заметила я. — Скорее всего, они ночевали у частных. В Кракове купили иконку, в Познани уговорили кого-то отвезти посылку в Париж...

— Примерно так все и было. Только умножь все на десять. Ну и самое главное, они должны были встретиться с тем, кто охранял остатки баронских сокровищ, и встретиться так, чтобы его не обнаружить. То есть тайно.

— Что ж, я действительно неплохо догадалась. А во второй раз они хотели проделать то же самое?

— А как ты думаешь?

— Лично я думаю, что они хотели смыться. Доделать кое-что, домой не возвращаться и исчезнуть в синей дали. Зная, что никто за ними не следит, милиция сидит в кустах и наблюдает за подставными мужем и женой. Так?

— Вот видишь, как легко догадаться, стоит только подумать...

— Подожди. У меня снова не сходится. Я правильно думаю, что комод как-то связан с мифическим главарём?

— Возможно и правильно.

— А мифический главарь связан с бриллиантами?

— Не знаю, тоже возможно.

— В таком случае, опять какая-то бессмыслица. Зачем я здесь? Может все дело в тебе? Если ты не главарь, может ты подменил бриллианты? Испугавшись павшего на меня подозрения, ты помчишься в милицию и во всем признаешься, чтобы спасти меня. Как ни крути, у меня получается, что ты здесь замешан, и я не знаю, кто здесь я — ловушка, приманка или упрёк совести?

— Может, что-то ещё? Например, допинг.

— Как это? Для кого?

— Для тебя. Допинг для мышления. Ты не желаешь оставаться под подозрением, начинаешь думать...

— Много я надумаю, кот заплакал. Того, что я надумала до сих пор, он как-то в расчёт не принимает. На кой черт мне подбрасывать ключик в свой чай?

— Ты же его достала, а в чае его никто не видел.

— Поэтому капитан так разозлился?

— Возможно...

— Ну, хорошо, а взломщик? Стояли люди у дома, или нет? Если стояли, должны были его увидеть! Мало того, ключик в чай тоже кто-то бросил, причём в последний момент, потому что банкой я пользовалась все время. Не зря капитан ругал меня за открытое окно! Почему не разбирались, влазил ли кто-то в окно? Они перестали следить?

— Возможно и перестали. Нужны-то были не вы, а настоящие Мачеяки.

— Значит, у меня нет доказательств того, что кто-то влез и подбросил? Меня можно бесконечно пугать подозрениями?

— Да, можно.

Я на минутку остановилась, пытаюсь освоиться с новыми ощущениями.

— Так я на это не согласна, — твёрдо решила я. — Извините. Сделай что-нибудь!

Марек засмеялся:

— Ну и посмотри, как здорово ты исполнила желание полковника, не зная, что ему надо...

Домой я возвращалась полная подозрений и сомнений, с чувством отвращения ко всем бриллиантам мира. Обидевшись на то, что меня подставляют, я сказала:

— Поехали в Сопот. Лучше послезавтра. Если полковник с таким энтузиазмом дал разрешение, что-то там произойдёт.

Насчёт сглазить, у меня оказался особый талант...

* * *

Я сама выбрала себе комнату со стороны улицы, из-за вида на море. Когда я представила себе шум машин, подъезжающих ночью к Гранд Отелю напротив, и попыталась поменяться на комнату в боковом крыле, оказалось, что все занято. Пришлось с шумом мириться.

Девушку, живущую рядом, в первый раз я увидела на четвёртый день всеобщего помешательства. Я появилась в коридоре как раз тогда, когда она закрывала свои двери. Она закрыла их, посмотрела на меня и удалилась в сторону лестницы. Я, естественно, присмотрелась к ней и испытала облегчение при мысли, что на этот раз имею дело не с девкой, а с

порядочным человеком, для которого красота сама по себе ничего не значит.

Девушка была очень красивой. Скорее всего её следовало бы называть женщиной, потому что ей могло быть и 35 лет, чего, ясное дело, по ней не было видно, и о чем не догадался бы ни один мужчина. Выглядела она на 25, пользовалась дорогой косметикой и имела асимметричные брови, которые прибавляли ей красоты. Кроме того у неё были красивые волосы, прелестная фигура, она была очень худой, гибкой, какой-то чертовски ловкой и подвижной. Мне показалось, что в ней есть нечто знакомое, вызывающее неприятные ассоциации, хотя наверняка я не видела её ни разу в жизни. У меня хватило сообразительности ничего о ней не говорить.

В следующий раз я увидела её в тот же день вечером, когда мы, как всегда опаздывая, спускались на ужин. Она поднималась вверх, мы столкнулись на лестничной клетке. Я не стала проверять, какое впечатление она произвела на Марека, мне было достаточно того впечатления, которое произвёл на неё он. Этот взгляд на него и сразу же на меня... В мире не найдётся женщины, которая не знала бы, что это значит, у меня возникли смешанные чувства.

— У неё интересно раскрашены глаза, — сказал он, усаживаясь за столик. — Ты заметила? Теперь так модно?

Я кивнула, наполнившись легкомысленным удовлетворением. Если бы он ничего не сказал, я бы забеспокоилась — девушка бросалась в глаза, а он замечал все.

— У неё несимметричные брови, и она умело это подчёркивает, — ответила я. — Она прибавляет выражение лицу. Глаза у неё действительно раскрашены неплохо, и я пока не могу найти никакого недостатка, который можно было бы подсунуть тебе под нос. Кроме того, что она намного старше, чем выглядит.

— Откуда ты знаешь? Вы знакомы?

— Нет, я её в первый раз вижу, и вообще не знаю, кто это. Она живёт рядом с нами. Я просто к ней присмотрелась.

— Выглядит она всего на двадцать восемь, — критически заметил он. — Но по-моему, ей тридцать два...

— Тридцать пять, — безжалостно поправила я, — а может и шесть. Я в этом разбираюсь.

Больше мы про девушку не говорили, были более интересные темы. Однако не следующий день я утвердилась в мысли, что Марек ей глянулся. На это неумолимо указывали незаметные признаки. Я самого начала знала, что его должны уводить, особенно личности агрессивные и уверенные в

себе, но из-за этой черепахи я чуть не лопнула от злости. Было в ней что-то такое...

После ужина я задержалась. Мы опять заканчивали последними, как опоздавшие. Кто-то предложил ей партию в бридж, за одним столиком уже играли, а за другим искали четвёртого.

— Может быть вы?.. — сказал нам с надеждой известный композитор.

Я собиралась отказаться, но Марек меня опередил.

— Сыграй, — предложил он, — ты же любишь, и давно не играла. Хочешь?

Я заколебалась. У меня появились плохие предчувствия. Она тоже играет, бережёного бог бережёт, но не выманиваю ли я волка из лесу?..

— А ты как? — осторожно спросила я.

— А я с удовольствием посмотрю. Я предпочитаю болеть. Сыграй, сыграй...

Эта агитация показалась мне немного подозрительной, но композитор уже не отставал. Я взяла карты, девушка попала ко мне в партнёрши и села напротив, женщины против мужчин. Марек поставил себе кресло рядом со мной. Собственно говоря у меня не было к ней никаких претензий, она пока не сделала мне ничего плохого, а красоту её я могла в конце концов и простить.

— Накажем мужиков, хотите? — добродушно предложила я.

— Охотно, — ответила она улыбаясь уголком рта, тоже как-то несимметрично. Асимметрия казалась главной чертой её красивого лица.

Понятно, что в карты я смотрела только одним глазом, а вторым присматривалась к партнёрше. Играть она умела, это не вызывало сомнений. Мы бы конечно обыграли мужчин, если бы она не пробросилась. Она надолго задумалась, держала карты в руке, противник очень долго колебался, делать импас под даму или нет, импас был бессмысленным, все показывало, что он этого не сделает, я бы и сама держала готовой эту малку, но он вдруг решился, положил валета, а она, не смотря ни на что, сбросила валета. Когда карта ложилась на стол, она уже опомнилась, но не успела отреагировать.

— Ох! — крикнула она и со страхом закрыла лицо рукой. — Ну, знаете!.. Вы не должны были импасовать! Извините меня...

— Ничего, — ответила я вместе с противниками. — Я знала, что вы положите то, что держите в руке, потому что на стол вы не смотрели. Я и сама так могу. Ерунда, все равно мы их обыграем.

— Наглые бабы, — подвёл итог композитор.

Её жест позволил мне заметить один недостаток в её сказочной

красоте. У неё были деформированы два ногтя на правой руке, на среднем и безымянном пальцах. Из-за тщательного маникюра это не бросалось в глаза, и я подумала, что двух ногтей для создания неприязни мне может не хватить.

В Марека с этого момента будто что-то вселилось. До сих пор он сидел тихо, а теперь вдруг оживился и начал ей ассистировать. Зажигал ей сигарету, заказывал кофе, подвигал пепельницу, почти готов был усесться с нею, чтобы согреть. Он окружил её облаком внимания большим, чем меня, как бабу на базаре, и было видно, что она принимает это как явное ухаживание. Я знала, как к этому относиться, и если бы это была противная старая мымра, я не имела бы ничего против, кто знает, может в моем сердце даже проснулась бы жалость, но в присутствии её внешности во мне поселился протест. Где-то внутри, меня грызла ядовитая змея.

Мощный, красивый, прекрасный удар я получила на следующий день, перед обедом. Красясь у зеркала над умывальником, через закрытые двери я слышала, как он обхаживает её в коридоре. Мерзкая дива видимо вернулась из города, у неё были какие-то пакеты, что-то у неё упало, естественно, она выбрала для этого как раз тот момент, когда он вышел из комнаты. Я слышала, как он вошёл к ней, помогал освободиться от этих пакетов, возможно, снял с неё плащик, наверняка повесил, и, кто знает, не снял ли он туфли с её паршивых ножек. В эту минуту я бы не вышла, даже если бы комната загорелась, скорее погибла бы в пламени. Я разбираюсь в жизни и понимаю, что имеет смысл, а что — нет.

Но все-таки у меня никогда не было добродушного английского характера и никогда я не любила изображать достойную сожаления жертву. Моральные муки никогда не были для меня желанным испытанием. Я не стала надолго откладывать выяснение отношений и сразу бросилась на него выпустив когти, сразу после выхода на прогулку, на парапете первой же встретившейся набережной.

— Послушай-ка, сокровище, — зловеще сказала я. — Я к тебе уже привыкла и поверила, что ты будешь любить меня до конца света. Что означают эти афронты?

— Какие афронты? — искренне удивился он, как типичный мужчина. — Что ты имеешь в виду? Не понимаю.

Для меня это было слишком. Последние события, в которых я принимала непосредственное участие, прикончили бы и слона-флегматика. Сначала я две недели панически переживала в образе чужого человека, боясь не того, кого следует, потом на меня падает подозрение в краже бриллиантов и милиция предостерегает, что если я не отдам бриллиантов,

дело кончится плохо, потом в мои руки попадает великолепный блондин, я настраиваюсь на из ряда вон выходящий роман, сама испытываю глупые чувства, и тут дорогу мне переходит сногшибательная дива, чудо красоты, и блондин немедленно оказывается обыкновенным мужчиной, жеманность и кокетство которого, я терпеть не собиралась! Не дай бог!

Я разволновалась. К скандалам у меня всегда был талант. Придуманное счастье слушало, сначала недоуменно, потом с живым интересом, а потом отреагировало полностью неожиданно.

— Так ты ревнивая?! — он обрадовался, как будто было с чего.

Тоже мне, повод радоваться... Естественно, ревнивая!

— А ты думал нет?

В жизни я никого ещё так не смешила, как его этим адом. В высшей степени расстроенная, я присматривалась к его нетактичным приступам весёлости, задумываясь о том, что, черт побери, он видит смешного в моих протестах против обслуживания мерзкой гарпии. Успокоиться он не мог. Это уже было нетипично, и, в довершение, вместо того чтобы восстановить моё внутренне равновесие, он сказал:

— Ты же сама надеялась, что в Сопоте случится что-нибудь необыкновенное. Потерпи и увидишь.

Бог свидетель, я имела в виду совсем не то! В заигрывании с прекрасной гетерой не было ничего необычного, как раз наоборот, было бы необычно не обращать на неё внимания. Но его слова прозвучали как-то удивительно таинственно, настолько таинственно, что полностью меня заблокировали. На дне души поселилось что-то интригующее, неопределённое, нечто, что хоть и отодвигало в сторону вопрос амуров с гетерой, но беспокоило в другом. Я вспомнила, что с таким блондином все должно перевернуться с ног на голову, но отуманенная ситуацией, не посвятила пророческому голосу достойного внимания.

— Хотя бы не занимайся ей так активно, — недовольно сказала я.

— Я не занимаюсь ей так активно. По отношению к ней я веду себя так же, как и со всеми.

Он опять меня разозлил.

— Но ты не снимаешь плащ старичку из конца коридора! И старичок не смотрит на тебя хищным взглядом! Не благодарит с пониманием, не роняет перед тобой пакетов, не махает ручками перед твоим носом, не ждёт за обедом и ужином, пока ты спустишься! И я не разу не видела, чтобы ты зажигал старичку трубку!..

— Наверняка я бы получил этой трубкой по голове...

— Интересно, кого бы из нас ты спасал, если бы мы вместе упали в

воду! Прекрасный случай, поинтересоваться! Скорее всего её, из вежливости...

— Похоже на то, что она умеет плавать...

— Зато я умею грести! А если бы не умела, что тогда?!

— По-моему, я являюсь объектом классической сцены ревности?

— Как, ты только теперь заметил? Что за реакции!...

— Хорошо, я ей заниматься не буду. Если она что-нибудь уронит, я из всех сил пну это подальше, и стану громко хохотать.

— Надеюсь, это будет сырое яйцо, — мстительно произнесла я и наконец перестала дурачиться. Мысль о том, что он пнёт сырое яйцо, удовлетворила меня в достаточной степени.

Скандал оказался ненужным, потому что на следующий день, девушка исчезла. Это не значит, что её кто-то похитил или, что она как-то таинственно пропала, просто убралась из своего номера, в котором поселился кто-то другой. Я испытала облегчение смешанное с недовольством собой и решила о ней забыть.

Все было бы хорошо, если бы не возникли новые проблемы. Ночная жизнь на улице перед Гранд-отелем приобрела невыносимые размеры и гремела так, будто там происходил по крайней мере старт гонок в Монте-Кальварио. Мне это особо не мешало, потому что сон у меня, слава богу, каменный, если я засну, понадобится землетрясение, чтобы меня разбудить. Но Марек почти полностью перестал спать. Он стал немного раздражённым, это раздражение подавлял, но тем не менее, его можно было заметить. Прежде чем я успела подумать, что делать с этим фантом, возникли следующие хлопоты, а именно, я получила по почте корректуру очередной рукописи. Из-за дела Мачеяков я полностью пренебрегла профессиональными обязанностями, но уезжая в Сопот успела договориться по телефону, что эта рукопись будет мне в нужный момент прислана, я как можно быстрее сделаю все необходимые правки и как можно быстрее отошлю обратно, потому что в случае опоздания с ней произойдёт что-то нехорошее, она вылетит из плана или ещё что-то в этом роде. Передо мной возникла перспектива двух, а то и трех дней напряжённой работы и я сдурела окончательно.

Я сама предложила, чтобы Марек на эти три дня переехал в Гранд-отель, что при случае позволит ему выспаться. Я боялась его реакции, мужчины имеют странное отвращение к уступкам по поводу работы любимых женщин. К моему великому удовольствию, он принял это естественно, признавшись, что тоже думал об этом и считает единственным выходом. Мне даже странно, как мне не пришло в голову, что ещё никогда в

жизни никакие проявления рассудка до добра меня не доводили.

Рукопись висела надо мною, как упрёк совести, я хотела эту правку начать и кончить, поэтому оставила его без присмотра, не вдаваясь в подробности, удовлетворившись информацией, что он получил комнату на втором этаже Гранд-отеля. Слава богу, я даже не осмотрела эту комнату! Искключительно благодаря этому, моя рукопись вовремя отправилась в Варшаву, если бы я раньше узнала то, что узнала потом, сомневаюсь, смогла бы я понять хоть слово из собственного текста.

* * *

Я справилась с самым противным. Просидела половину ночи и все утро, с разгона поработала ещё немного, за обедом придумала новые исправления и вечером наконец потеряла вдохновение. Я решила сделать перерыв, одела резиновые тапочки и чрезвычайно довольная жизнью оставила рабочее место. Мне остались только мелочи, не требующие больших умственных усилий.

Я собиралась пробежаться с Марекком по пляжу. Из того, что он говорил за обедом было ясно, что в это время я должна найти его в гостинице, возможно спящим. Я ворвалась в Гранд и, едва миновав двери, превратилась в неподвижное изваяние.

Через холл шла противная, мерзкая, прекрасная дива собственной персоной. Она не обратила на меня внимания, только что вышла из зала ресторана и начала подниматься по лестнице. Плаща на ней не было, в руке она держала ключ, можно было не сомневаться, что она здесь живёт.

Внутри у меня все застыло. Неизвестно почему, именно в этот момент я вспомнила как её зовут, прочитала в списке гостей, когда ждала разговора с Варшавой. Мануэлла... Тоже мне, имечко! Хотя, следовало признать, в её чёрных волосах, её причёске с коком, её кремовой коже лица было что-то южное... На свитере у неё была завязана зелёная шёлковая косынка, и вдруг всплыло моё самое плохое, до сих пор неясное впечатление! Как гром среди ясного неба меня поразило воспоминание о собственных фантазиях! Ну конечно же, именно так должна была выглядеть его прекрасная жена, которую я мысленно увидела в городском автобусе!!!

В мгновение ока я придумала целую эпопею. Она действительно его жена, настоящая, скорее бывшая, чем настоящая. Он водит меня за нос, они

оба скрывают свою связь по неизвестным причинам, целью обмана является что-то имеющее связь со мной... Бриллианты полковника! Пардон, не полковника, а Мачеяков... За сто тысяч долларов они могут делать из меня дуру...

Какой смысл могли иметь такие сложные махинации, я не придумала, потому что вспомнила, что бриллиантов я не крада, их у меня нет, из меня их не выдоить. Я немного расслабилась. Так или иначе, я не могла стоять в дверях Гранд-отеля до конца света, я тоже собиралась подняться наверх, причины, по которой я должна была отказаться от своего намерения, не было. Когда она почти поднялась до первого этажа, я отправилась за ней, чувствуя себя полностью выбитой из колеи и пытаюсь как-то трезво отнестись к страшному открытию.

Мерзкая гарпия выше не поднялась, на втором этаже она свернула в коридор налево, я заглянула за ней, она меня не заметила и, благодаря тапочкам, не услышала. Я успела увидеть как она открывает двери в конце коридора, рядом с дамским туалетом.

Марек жил этажом выше, точно над ней. Моё отуманенное сознание поразило следующее открытие, не менее ужасное. Он снял комнату не со стороны моря, где было идеально тихо, а со стороны улицы, с прекрасным видом на автостоянку, откуда доносился пробуждающий его шум...

К счастью, моя личность довольно эластична и склонна к разделению на части. Одна часть, доверительно приняв проявление его чувств, поверила им и плавила в блаженстве, а вторая категорически решила разобраться, что же здесь происходит. Никаких прямых вопросов, никаких больше скандалов, никаких подозрений, выследить, исследовать и лично проверить, потихоньку, научными методами...

Необходимость позаботиться о третьей части, которая бы координировала поступки двух первых, я как-то забыла. Поэтому первая обошла вторую, чем и сбила её с толку.

— Почему ты не взял себе комнату с той стороны? — спросила я вопреки первоначальным замыслам. — Там же тише.

— Не было, — не раздумывая ответил он. — Все занято, за исключением апартаментов. Не буду же я жить в танцевальном зале. Гулять пойдем?

— Сейчас. Подожди. Под тобой живёт это чудо природы. Эта... героиня романа. Ты знал про это?

— Конечно, я её заметил, — ответил он с полным безразличием. — Подо мной? На это я внимания не обратил. У неё ничего не падало, пинать было нечего...

— Не пытайся уколоть меня яйцом, сокровище моё. Сам видишь, на что это похоже. То видимость, то стечение обстоятельств, но все вместе удивительно друг к другу подходит. Будь добр, меня успокоить.

— Тебе обязательно быть такой подозрительной? Может, ты успокоишься, если я поклянусь тебе, что все это действительно большое глупое стечение обстоятельств и ничего больше? Потому что это так!

— Естественно успокоюсь, если поклянёшься достаточно убедительно, — ответила я уже в коридоре, потому что он в мгновение ока оделся и почти выволок меня из комнаты. — Мне ничего так не хочется, как в этом убедиться...

— Я и сама не знала, что думать. Неверность мужчины чувствуется. Меня дезориентировало то, что я её видела, но в то же время не чувствовала. У меня получалась какая-то странная мешанина и я не знала, что со всем этим делать.

Мы сбежали с лестницы, притормозив в самом низу, потому что перед нами спускался мужчина, которого не следовало толкать с разгона. Марек отдал ключ дежурному.

— Ты не смотрела машину? — вспомнил он в дверях. — Я видел из окна, что там крутился какой-то парень. Не видела, он ничего не сломал?

Как-раз теперь надо было думать о машине! Незнакомые парни меня совсем не касались! Сто парней могли в этот момент прокалывать шины и соскребать краску, сомневаюсь, что я вообще бы это заметила. Я обиженно посмотрела в сторону стоянки.

— Наверное теперь окажется, что у тебя комната с той стороны как раз для того, чтобы следить за машиной...

— Естественно, для этого! Я на всякий случай взгляну, иди, я догоню.

Медленно проходя по лестнице к пляжу, я видела, как он спустился на стоянку, обогнал спускающегося мужчину, обошёл машину вокруг, заглянул внутрь и успокаивающе махнул мне рукой. Он быстро догнал меня, я случайно загородила ему дорогу, после чего, мы оба полетели в большую лужу, что поменяло моё настроение так, будто падение в редкую грязь было наиприятнейшим развлечением и прекрасным хэппи-эндом любовной ссоры. Ко мне вернулось хорошее настроение, одновременно вторая часть вышла из летаргии и внутри зазвучал таинственный голос.

У нормальных людей это называется интуицией, инстинктом или ясновидением. У меня является прекрасной пищей для воображения. Ни с того ни с сего я абсолютно уверилась, что тот мужчина, который спускался по лестнице и шёл к машинам, как раз вышел от дивы. Марек об этом знал и спешил его увидеть, используя машину, как предлог. В конце-концов,

дива может не быть его женой, но интересуется его больше всего в мире. Как он мог узнать, что у неё мужчина и что как-раз теперь он выходит, я не задумывалась, моё воображение пренебрегает логикой и смыслом подсовываемых видений.

Часть первая, блаженствующая, опять взяла верх над второй, подозревающей, пришлось закончить правку, я не могла надолго рассеиваться. Мне удалось сохранить необходимую пропорцию между противоречащими друг другу частями до самого вечера следующего дня, до последней страницы рукописи. Немного устав от мысленных упражнений и недосыпания я уселась в машину и отправилась на почту, чтобы избавиться от работы окончательно. Выйдя из почты я прошла пешком по бродвею, в книжный магазин, чтение собственного творчества вызывает у меня неутолимое желание почитать чужое. Выходя из магазина я увидела Марека с дивой, идущих в сторону почты, и замерла на пороге.

Дива вела себя просто скандально. Обходилась с ним как со своей собственностью, дёргала его за руки, тянула к витринам, почти тёрлась головой по его груди, излучала обольщающее победное сияние. Он воспринимал это с довоенной галантностью, производящей известное впечатление.

В мгновение ока в меня вселился бес. Вторая часть быстренько смылась с поля битвы первой. Я вернулась к Гранд-отелю и, ведомая неизвестно чем, от злости неспособная к мышлению, подошла к администратору, где на мой вопрос ответили вежливо и исчерпывающе.

Свободные одиночные номера со стороны моря были все время. С осени их хватало всегда, за исключением периода съезда животноводов, занимающихся разведением пушных зверьков, или чего-то подобного, занявшего десять дней января. Теперь был май. Номеров перестанет хватать только во второй половине июня.

Я отчётливо ощутила какие-то физиологические катаклизмы происходящие внутри, осознала, что с ними надо бороться, отправилась в свою комнату, сменила туфли на тапочки, надела косынку на голову и пошла на пляж. Лишь непосредственная близость моря могла помочь обрести нечто вроде равновесия.

Возле Гдыни море сработало так хорошо, что мне удалось начать думать. Главный вопрос я решила сразу. Столько раз в жизни передо мной преклонялись, водили за нос и бросали, я была свидетелем и предметом таких разных чувств, столько раз с интересом анализировала их, что какие-то знания в этой области во мне должны были сохраниться! Дело было вроде бы ясным, но только внешне. С одной стороны он явно бросил меня

ради мерзкой вампирицы, обманывая меня без оглядки, но с другой стороны, я до сих пор была ему нужна, кто знает, может и больше чем раньше. Это показалось мне довольно непонятным. Я приняла во внимание его по-версальски хорошее поведение и злорадство судьбы, добавила нахальность дивы, у меня получилось, что это она заказала ему комнату с другой стороны. Не сходилось...

Я повернула к Сопоту. Погода испортилась, ветер усилился, небо закрыли чёрные тучи, вроде бы начало моросить, все окружающее больше напоминало февраль, чем на начало мая. Я безнадежно замёрзла. До Гранда я добралась в таком состоянии, которое полностью исключало, как приём ужина, так и ночной сон. Мне надоели эти дурацкие размышления и я решила поговорить с ним немедленно. Либо я пробьюсь, и он откажется от галантности по отношению к ней, либо распрощается со мной!

На ступеньках Гранд-отеля я осознала, как выгляжу. Растрёпанные клочья волос свисали со лба на лицо, нос светился красным, бросающимся в глаза светом. Возможно в некоторых местах я стала синей, но большей частью — зеленой. Во время серьёзного разговора с любимым мужчиной так выглядеть нельзя! Расчёска и пудреница были при мне, в сумочке, можно было слегка подправить свою красоту. Не размышляя, я свернула в дамский туалет на втором этаже, даже не подумав о том, что могу встретить это мерзкое ничтожество.

Благодаря резиновым тапочкам двигалась я бесшумно, меня вообще не было слышно. Туалет был на ремонте, но зеркало там висело. Я со злостью стала раздирать клубок волос на голове, когда до меня донеслись какие-то звуки. Голоса. С минуту я не могла понять откуда они доносятся, и почему я их слышу, все-таки Гранд-отель построен до войны, хорошо акустически изолирован, ни откуда ничего не должно доноситься. Я оставила свои космы, невольно задумалась над явлением, после чего испытала ужасное потрясение — я узнала голос Марека!..

И одновременно поняла причину. Канализационная труба бала снята, войлочная панель, изолирующая её со стороны комнаты, частично порвана, в стене в пол кирпича толщиной были дыры, через которые чётко доносились звуки. За этой дырой, я это помнила, находилась комната дивы!

Я замерла, склонившись над дырой с расчёской в клубке волос и бурей в душе, то, что взорвалось внутри меня, чуть не убило меня на месте.

Марек был у неё. Они разговаривали у этой стены, точно на высоте моего уха, зная меблировку помещений, я догадалась, что они сидят на кушетке. Слава богу, сидят!..

— Почему, — шептала чёртова гарпия обиженным голосом. —

Почему?... Знаю, догадываюсь, я слишком нахальная?..

А как ты думала, нахальная жаба? Конечно, нахальная...

— Не верится, что ты меня не хочешь, — шипела она искушающим страстным шёпотом. От затмения в глазах, я чуть не сбила лбом трубу. — Мне ещё раз повторить, как ты мне нравишься?...

А, так ты ему уже говорила?!..

Она продолжала обольстительно шептать, мне даже плохо сделалось. Заигрывала она абсолютно неоднозначно, и камень бы сдался, я подумала, что если через минуту меня здесь хватит удар, то смерть моя, принимая во внимание место, будет отнюдь неромантической. Сколько она будет продолжать, он уже знает, уже понимает, уже и баран бы понял...

— Перестань, неожиданно сказал Марек удивительно взволнованным голосом, я аж подпрыгнула, зацепившись волосами за какую-то неровность на кирпичной стене. С минуту там царило непонятное молчание. В моем горле начал расти ком величиной с дыню.

Судя по звукам, бессовестная гетера разнервничалась и испугалась.

— Почему?... Боже! Что произошло? Что случилось, скажи!..

Что с ним могло там случиться?! Не умер же он от переживаний! Может, его кошки скребут из-за дивы, совесть мучает?.. Что-то там происходило, я отчётливо слышала, как скрипнули пружины кушетки, кажется, она бросилась на него, как пить дать...

— Отстань, — вдруг серьёзно, драматически и зловеще сказал Марек. — Нет. Я не хотел тебе говорить, зачем этого касаться... Это моя личная трагедия...

Какая ещё за трагедия, черт побери?! Что за трагедия, я, что ли?!..

Дива не отставала:

— Какая трагедия? Как это?!.. Нет, ты не можешь теперь молчать, должен мне все рассказать, должен! Что это значит?

Опять воцарилось страшное молчание. Я задержала дыхание, остановив на время и умственную деятельность.

— Моё здоровье... — тихо, колеблясь начал Марек, таким тоном, который подходил ему, как кулак к носу. — Видишь ли, я... Жаль, ты должна это знать. Я импотент. Уже много лет...

Не знаю как дива, а я очумела полностью. Импотент!.. Боже милостивый!!!..

Или кто-то из нас сошёл с ума, либо он, либо я, или здесь концы с концами не сходятся. Чего ради он городит такие глупости?.. Через ошеломлённый мозг пролетела мысль, что он мог забыть о том, что выздоровел, но я сразу же поняла, что здесь что-то не так...

Дива издала сдавленный вскрик, помолчала, скорее всего пытаясь скрыть разочарование. Со своей стороны я пыталась овладеть желанием бурно отреагировать.

— Да, теперь понимаю... — холодно произнесла она и вдруг изменила тон. — Слушай... Нет, это ужасно! Ты был у врача? Пробовал лечиться?

— Когда-то... Потом отказался. Я не верю в возможность излечения...

— Но, как ты мог?!..

Я покачала головой, следя, чтобы случайно не стукнуть лбом по трубе. Идиотизм ситуации превосходил человеческое понимание. Я абсолютно ничего не понимала. Было абсолютно ясно, что он не хочет этой гарпии, но тогда какого черта с ней заигрывать?! Ему понравилась подвернувшаяся роль слезливого идиота? Пожалуйста, я поддерживаю такое желание, но нельзя же поверить, что дело тут именно в этом!

Гарпия изо всех сил старалась убедить его, что он зря потерял надежду, и уговаривала сходить к врачу. Она сообщила, что у неё есть знакомства в тех кругах, её отец — врач, он найдёт лучших специалистов, в случае необходимости пошлёт за границу, техника и медицина не стоят на месте, они могут совершить чудо!... Марек протестовал все слабее. В конце-концов дошло до того, что он пообещал ей отправиться на обследование сначала в Гданьске, а потом в Варшаве. Мне стало интересно, как он намеревается исполнить это обещание...

При случае мне удалось узнать несколько мелочей о себе. Дива не хотела быть нетактичной, но её интересовало, как, в таком случае, с той женщиной, которая была с ним, и как эта женщина переносит его импотенцию. Мне и самой было интересно. Оказалось, что я являюсь особой необычайно духовной, вообще астральной, с отвращением отношусь к сексу, мне он совсем не нужен. Дива позволила себе продемонстрировать вежливую жалость, с которой я охотно согласилась.

Я отказалась от запланированного обстоятельного разговора, при первом сигнале об окончании его визита оставила волшебное место и помчалась в свою комнату. Теперь было о чем подумать! Все представление стало полностью непонятным.

Одно было точно. Он что-то придумал, у него была какая-то причина обманывать эту диву. Какие бы намерения у него не были, он решил скрыть их от меня. Я бы была не я, если бы не решила со своей стороны перепрыгнуть через себя, лишь бы разгадать тайну. Он ещё не знает самой плохой моей стороны...

Он зашёл ко мне и мы спустились к ужину. Две части моей личности наконец-то договорились и перестали друг другу мешать, действуя в

нужные моменты.

— Ты закончила правку? — поинтересовался он за столиком.

— Ещё нет, но уже почти, — не раздумывая, ответила я. — Завтра к вечеру закончу. Потом постою в очереди на почте, ты мне для этого не нужен. Можешь выспаться.

— Спать я не буду. Я пройдусь немного, на обед меня не жди, если я буду опаздывать, перекушу по пути.

— Пройдёшься по пляжу?

— Нет, по дороге. Поэтому я и выбираюсь тогда, когда ты занята. Тебе же не нравится ходить по дорогам.

Из этого я заключила, что он куда-то отправляется с дивой. Он не подозревал меня во лжи, поверил, что я прикована к машинке, значит, у руки у меня были развязаны. Я не знала, есть ли у этой пиявки машина, но разницы не было, чем бы они не ехали, я решила следовать за ними!

Сколько усилий мне стоила реализация этого решения, словами не выскажешь. Мой автомобиль отличался особой чертой, по которой его легко можно было узнать среди целого стада фольксвагенов. А именно, вместо антенны у него была старая, немного погнутая и поржавевшая шпага, которая прекрасно работала в качестве антенны, но издавала бросалась в глаза. Необходимо было вынуть её, что представляло некоторые трудности, потому что она была намертво заклинена в гнезде. Мало того, машина стояла на стоянке, как раз под его окном, где возня с этой железякой полностью исключалась. Просто уехать я тоже не могла, он бы услышал звук двигателя, а слух у него был противно чутким. Надо было дожидаться ночи и выбрать момент, когда меня заглушат другие машины...

Все это я исполнила. В диком напряжении я пол часа ожидала самого громкого рокота, мне казалось, что я жду уже пол года. Отъезжала я с открытой дверью, боясь хлопнуть и придерживая её рукой. В безлюдном месте я в поте лица добывала оружие из гнёзда, выискивая по сторонам хулиганов, которые такие вещи делают одним движением. Я просто не знаю, как это им удаётся... Возвращалась я с похожими хитростями. Вытащенную шпагу я поставила на старое место, собираясь вынуть её только во время следствия. Я потренировалась вынимать и вставлять её на ходу, словом всю ночь провела за работой.

А потом провела за работой все утро. Чего бы Марек от меня ни ожидал, но не того, что я добровольно поднимусь в семь утра. И все-таки я поднялась. Завтрак я ела на окне. И чуть не подавилась, когда увидела, что он выходит вместе с дивой. Мои допущения оказались верными. Прогулка по дороге, как же!..

У неё была машина — зелёный пежо. Я успела стартовать, когда её ещё было видно в конце улицы. Она отправилась в сторону Гданьска.

Волшебные утренние часы я провела как гончая собака, гоняясь по городу за зелёным пежо. Результат был удивительный. В неизвестном мне гдыньском жилом районе я окончательно утвердилась, что их целью является визит в дом, на котором висит табличка врача соответствующей специальности!

Я ничего не понимала. Он в самом деле решил лечиться? От чего, ради бога?!.. Если он продолжит процедуры в Варшаве, я поверю, что кто-то из нас сошёл с ума. Мне стало интересно, что он будет делать завтра. Своё он уже отоспал, правку я закончила, у нас опять будет время друг для друга. Как он разделится между мной и дивой, чтобы не вызывать подозрений? Что придумает?

На обратном пути возникли дополнительные сложности. Они поехали прямо в Сопот. Я никак не могла обгонять их на этой единственной, раздражающе прямой дороге. А было ясно, что приехав в город Марек должен увидеть мою машину спокойно стоящую на стоянке, и ещё с антенной. Я мучилась этим все время, пока мы ехали, в конце-концов я решила соврать, что ездила на почту, но на помощь мне пришёл случай. Дива парковалась с другой стороны Гранда, свернула раньше меня, её заслонили строения, я воспользовалась мгновением, разогнала прохожих на тротуаре, чуть не врезалась в выезжающую машину, водитель которой вдруг застучал себя пальцем по лбу, чуть не выколола себе глаза проклятой шпагой и даже успела выскочить и спрятаться за киоском с мороженым. Когда они входили в отель, пустой фольксваген с антенной стоял на прежнем месте.

Затем я провела добрых полчаса в дамском туалете, горько сожалея о том, что не взяла ничего почитать, машинально сравнивая мечты о романтическом уик-энде с фактическим состоянием дел. С сотворения мира не было такого, чтобы кто-то просидел весь свой роман в дамском туалете, а было ясно, что именно это развлечение станет моим делом на большую часть времени...

Диву в комнате было слышно, она делала что-то тихое, что, я определить не могла, иногда как бы шелестела бумагами, иногда чем-то щёлкала. После веков ожидания, она набрала номер телефона. Этот звук я распознала.

— Ты готов? — сладко спросила она. — Приходи ко мне, я жду.

Я тоже ждала, чувствуя, как внутри все бурлит. Чёртова кукла, нашла себе любовника... Через минуту я услышала Марека, а потом снова диву.

— Я написала отцу, — произнесла она голосом сирены, шелестя бумагами. — Возьмёшь это с собой, подожди, я прочитаю...

Я с отвращением вслушивалась в настойчивые просьбы папочке, заняться предъявителем письма с исключительной заботой, в случае необходимости, отправив его в Швецию. Мне стало интересно, будет ли Марек развивать действие до заграничной поездки. Судя по звукам, он принял письмо и спрятал конверт. Мерзкая упыриха, весёлая, как поросёнок в луже, всунула ему фотоаппарат, что-то болтая о снимках, которые она должна сделать для папочки. Папочка одержим фотоманией и коллекционирует пейзажи, особенно приморские.

Я вышла из отеля, держась вдалеке за ними. Они отправились по пляжу в сторону Гдыни, а я пошла в ту же сторону лесом. Я поздравила себя с тем, что взяла тапочки. Гарпия с неестественным весельем металась туда сюда по пляжу, подскакивала, как взбесившаяся сирена, пробовала ногой воду и убегала от волн. Я не отрывала от неё алчного взгляда, надеясь, что она поскользнётся на медузе или на рыбьих кишках. Действительно, мало чего я желала больше. Через каждые два шага она приказывала снимать её на фоне всего, что встречалось по пути.

Если бы не глубочайшее незыблемое убеждение, что я являюсь свидетелем развития некоей неслыханно таинственной, странной и непонятной акции, наблюдаю за сценой, означающей совсем не то, что кажется, несомненно, в этом приморском лесочке меня бы свалил инфаркт. Марек терпеливо следовал за этой выродившейся баядеркой, с достойным удивления упорством избегая атак её нежности. Это слегка утешало меня.

Она дотащилась до того места, где земная поверхность выгнулась бугорком. Она влезла на склонившуюся иву, растущую над ручейком и стала позировать для фотографий, забралась повыше, спустилась ниже, вилась по этому дереву как линяющий желтопузик. Потом она перебралась вглубь оврага, по которому бежал ручеёк, принимая все более изощрённые позы на пригорках и во впадинах. Со своего места в зарослях я слышала протесты Марека, который утверждал, что в овраге темно и снимки не выйдут. Как назло, эта обезьяна решила возвращаться лесом, что заставило меня пережидать в липкой грязи и мокрых зарослях. Пришлось пропустить их вперёд.

Дальнейшее наблюдение привело меня к мысли, что воцарилась общая неразбериха. Я посвятила себя слежению за Марексом, а Марек явно следил за дивой. Обед я съела в одиночестве, а за ужином влюблённый мужчина, очень озабоченный, сообщил мне о своих планах. Точнее, он хотел удалиться на несколько дней и не знает, как я это восприму. Неожиданно

оказалось, что в Щецине должно состояться небольшое совещание журналистов, в котором он должен принять участие, я должна его простить, потом он вернётся, я подожду, климат Сопота идёт мне на пользу... Я не поверила ни в Щецин ни в журналистов, меня сразу испугала мысль, насколько тяжело будет выслеживать его по всей стране.

— Я отвезу тебя к поезду, — коварно предложила я, согласившись со всеми его планами.

— Исключено. У меня поезд в шесть утра.

— Тем более!..

— И речи быть не может! Незачем тебе зря вставать так рано. Ты думаешь, я не дойду до вокзала пешком? Багажа у меня нет, я освобожу комнату, а вещи у тебя. Сделаю это сразу после ужина.

Я не собиралась настаивать, пораскинула мозгами, и легко выявила цель. На следующий день я подождала пока Марек выйдет, не торопясь оделась, села в машину и спокойно поехала прямо в аэропорт. Он прибыл туда примерно через пол часа после меня и как раз успел на самолёт до Варшавы.

Подтверждение моих опасений добило меня окончательно. Какая удивительная тайна должна была вселить в него эту манию лечения?! Он отправился в Варшаву с рекомендательным письмом от дивы так скоро, будто выдуманная немочь угрожала всем немедленной катастрофой. Может, это заразно?.. С точки зрения дивы все можно было объяснить, его охватило неутолимое сумасшествие чувств и он решил дать им выход, пока она не передумала. Вдохновлённый надеждой, он начал спешить. С моей точки зрения смысла в этом не было вовсе.

Я вернулась в Сопот, по пути анализируя ситуацию. Не было сомнений, он обманывал нас обоих. В Гранд он переезжал вовсе не от бессонницы, а из-за этой гетеры. Если бы он потом её просто соблазнил, все было бы хорошо, то есть, не хорошо, а просто и ясно. Но он вместо любовного похождения придумал ложь, которая его полностью исключила. Значит, ему нужно что-то совсем другое. На кой черт он носится по врачам?..

Мне пришло в голову, что его интересует вовсе не дива, а именно врачи, и он выбрал такой своеобразный путь к ним. Что может быть во врачах?.. И почему я не могу про это знать?.. Я подумала, что возможно в дело замешан полковник, что секрет возник из-за подозрения меня в краже дурацких бриллиантов, что кто-то проглотил эти бриллианты и какой-то хирург добыл их хирургическим путём, а теперь их надо добыть из хирурга, с этой целью Марек отправился в Варшаву, коварно избавившись

от меня, и что специально для этого он и приехал со мной в Сопот. Чтобы убрать меня из Варшавы.

Я сидела в машине, на стоянке перед Гранд-отелем, постепенно выдвигая все более точные гипотезы. В тот момент, когда я уже склонялась к мысли, что дива тоже, своим путём, отправилась в столицу, я увидела, как она выходит из отеля. Понятно, что я не раздумывая отправилась за ней.

В качестве объекта слежки она была неинтересной. Она зашла в фотомастерскую на той же улице и забрала заказанные фотографии, я видела это через окно. Потом она вернулась в отель. Затем снова вышла и отправилась на почту. Послала письмо. Заказное. Вернулась. Я сделала перестановку в комнате, чтобы можно было сидя за столом не терять из виду входа в Гранд-отель.

На следующий день я начала терять терпение. Эта кретинка приехала к морю, чтобы торчать в номере с видом на стоянку? Из-за неё и мне вести такой образ жизни?

Через два дня она вышла на свежий воздух только однажды, опять на почту, где получила какое-то послание до востребования. Это окончательно меня разозлило, я решила, что теперь она просидит в номере целые сутки без перерыва, и выбралась прогуляться по пляжу.

Я медленно волочилась в сторону Гдыни, не глядя по сторонам, задумчиво уставившись под ноги. Я поняла, что ночью был шторм, свежий след волны находился далеко от моря. Я свернула к этому следу, надеясь найти кусочки янтаря, людей в такое время и такую погоду здесь ходило немного, а те, что ходили, могли плохо видеть. С недовольством и обидой я присмотрелась к слишком многочисленным для моих планов отпечаткам ног на высыхающей поверхности и шла между ними, все ещё веря, что здесь были только слепые.

Вдруг мне показалось, что я увидела что-то знакомое, такое, на что следовало обратить внимание. Впечатление было таким сильным, что я остановилась, пытаясь отгадать, что это могло быть. Я обернулась, посмотрела под ноги, у меня мелькнула надежда, что я заметила кусочек янтаря, и сразу этого не поняла. Я вернулась на несколько шагов и просмотрелась повнимательнее. Никакого янтаря не было, зато на песке, среди мусора, виднелся чёткий отпечаток каблука.

Этот след я прекрасно знала. Каблук принадлежал правому мужскому тапку и был обрезан достаточно характерно, с одной стороны был полукруглый вырез. При мне Марек наступил на какой-то гвоздь, торчащий из досок у входа на пляж, и на моих глазах аккуратно отрезал оторванный гвоздём кусок. На влажном песке каблук отпечатался очень точно.

Я стояла над следом, смотрела на него, как собака на кость, и пыталась понять, что это значит. Тапочек Марек у меня не оставил, забрал их собой в рекомый Щецин. Мы ходили здесь миллион раз, но невозможно же, чтобы след оставался здесь нетронутым столько времени, как минимум, трое суток... Тут люди ходят, кроме того, ночью был шторм...

От выводов мне стало жарко. Ночью был шторм, следы появились сегодня утром, он должен быть где-то здесь! Он отнюдь не сидит в Варшаве, он в Сопоте, шатается по пляжу, прячется от меня, черт знает где и черт знает зачем. О боже, что это?!.. Я не верю в существование двух правых мужских каблуков одинаково повреждённых!

Мне вспомнился Карол Мэй, я всегда с энтузиазмом относилась к игре в индейцев. В детстве я получала впечатления в диких прериях, протянувшихся над речкой, за городской бойней. Я собственноручно сделала себе лук, стрелы которого здорово цеплялись за шторы, у меня был головной убор из индюшачьих перьев, который, по неизвестной причине, приводил в панику кота. Я внимательно изучала следы и мне даже удавалось отличить след человека от следа коровьего копыта. Теперь я попыталась воспроизвести в памяти все знания в этой области.

Следов обрезанного каблука было много, но не таких чётких, как первый. Я заметила несколько ведущих в сторону Гдыни и исчезавших. Возле моря их не было, следовательно он должен был углубиться на побережье. Я перестала смотреть под ноги и взглянула вперёд.

На краю леса стоял сарайчик, точнее киоск, вероятно работающий летом, а сейчас наглухо забитый досками. Приблизившись к нему я нашла ещё один след. Песок тут был почти нетронут, но сыпучий, в нем было трудно что-то выделить. Я обошла сарайчик вокруг и с обратной стороны, ближе к лесу, увидела ещё несколько подрезанных каблуков. Почва здесь была плотнее, следы отпечатались отчётливо и вели в две стороны — в лес и из леса. Следы из леса были свежее, в одном месте они наложились на другие. Он пошёл и вернулся. Господи, что это значит?!..

Я заглянула в сарайчик в щель между досками, зачем, неизвестно, трудно было представить, чтобы Марек бросил номер в отёле, комнату, роскошь и любимую женщину для того, чтобы поселиться в брошенной собачьей будке на пляже. Разве что ему невыносимо надоели бабы, дива и я, и он возжелал спокойствия и одиночества... В сарае было темно, как в кишках у негра, я совсем ничего не увидела.

Дух Карола Мэя все ещё кружил надо мной. Испуганная и взволнованная я подумала, что если использую следы Марека, он, несомненно, обнаружит мои. Он десятки раз отмывал грязь с моих тапочек,

могу поклясться, что он запомнил каждую извилинку их подошвы! Начнёт подозревать и, черт его знает, что сделает, этого допустить нельзя...

Сотворив с недюжинными усилиями большую метлу, я угрюмо решила, что вся эта цепь странностей, из которых я столько недель не могу выпутаться, становится все более обременительной, и требует от меня все большего напряжения. Эпохальный роман Басеньки с паном Паляновским превратился в преступную деятельность, а моя личная большая любовь приобретает все более оригинальные и нетипичные формы. Бог знает, во что превратится он...

Метла получилась очень даже неплохой, я оглянулась, не смотрит ли кто за мной, после чего прилежно подмела почти половину пляжа, с особой старательностью возле сарая. Возвращалась я по воде, а использованное изделие выбросила в корзину для мусора у Гранд-отеля.

Все представление приобрело в высшей степени загадочные черты. Я допускала возможность, что Марек прячется не столько от меня, сколько от дивы, которая настойчиво принуждает его к лечению. Возможно он боится уколов, а может, папочка-врач просветил её насчёт состояния его здоровья, и теперь, если он не желает последствий, ему не остаётся ничего другого, как убраться с её глаз. Полностью с ней порвать он, по-видимому, не может и следит за ней, оставаясь в тени. Дива целыми днями абсолютно ничего не делает, кто знает, не компенсирует ли она это безделье по ночам. Похоже, что она перестроилась на ночной образ жизни...

Ночью мерзкая выдра оставалась такой же неподвижной, как и днём. Я решила, что теперь не пропущу ничего, хватит, раз и навсегда я хочу увидеть все собственными глазами и знать все наверняка, а не путаться в домыслах, догадках и выводах. Понять в чем дело, я просто была не в состоянии. Я допускала, что с самого начала служила только прикрытием, он приехал сюда не для меня, а для воплощения этих удивительных трюков, тесно связанных с подозрительной гетерой. Опять блондин. Естественно, с блондинами и должен случиться небывалый идиотизм. А так здорово он выглядел в автобусе... Но каковы бы ни были его цели и замыслы, я должна их узнать, иначе меня удар хватит!

Пляж, Гранд-отель и собачью будку я посещала в разное время дня и ночи. Узнала о существовании вокруг сарая свежих следов обрезанного каблука. Восход солнца застал меня вблизи ивы на холме, куда я забралась собирая кусочки янтаря. В зарослях рядом с ивой росли жёлтые цветочки, я вдруг вспомнила, что люблю такие, направилась туда, чтобы их нарвать, нагнулась и вдруг увидела среди них знакомые следы!

Он был здесь ночью. Он вовсе не следил за упырихой, а бродил вокруг

ивы. Что он здесь делал, черт побери, свихнулся, что ли? Надо было тоже прийти сюда, зря я следила за Гранд-отелем.

Недовольная собой, растерянная и нерешительная, я нарвала цветочков и вернулась в отель как раз в тот момент, когда гарпия уезжала на машине. Ключи от моей, как обычно, были при мне. Я успела отправиться за ней, с угрюмой злостью и решимостью на все, одуревшая от избытка неясностей и угнетённая собственной следственной бездарностью.

На полпути между Гданьском и Элблонгом, на Варшавском шоссе, я немного пришла в себя, опомнилась, оставила её и вернулась. Она явно направлялась в Варшаву, было бы безнадежной глупостью оказаться там вдруг в старом плаще, тапочках, без ключа от квартиры, зато с букетиком привявших жёлтых цветов. Если она уезжает насовсем, то и черт с ней, не она мне нужна, а Марек, непонятные действия которого я должна в конце-концов расшифровать.

Поздним вечером я расположилась недалеко от сарая. Луна росла, приближаясь к полной, погода стояла прекрасная, светло было, как днём, сидя в глубокой тени я прекрасно видела через ветки весь пляж. Я решила ждать. Точно неизвестно, на что я надеялась, во всяком случае, не того, что произошло.

Я торчала в зарослях чертовски долго. На пляже не было ни души, возле сарая царили тишина и спокойствие, ничто не дрогнуло, ничто не шевельнулось. Я замерла, одеревенела, насквозь промокла и начала задумываться, действительно ли такой способ коротания ночей имеет смысл, и не останется ли ревматизм единственным результатом. В тот момент, когда я решила возвращаться и держась за пень пыталась обрести власть над ногами, послышался тихий приближающийся рокот. Я бросила гимнастику и неподвижно замерла.

По лесной дороге, являющейся парковой аллеей приспособленной для езды, медленно проехала какая-то машина. Я не рассмотрела её как из-за расстояния, так и оттого, что в глубине леса было намного темнее, чем на пляже, кроме того, её заслоняли ветки, и я видела только свет фар. Но она была единственным подвижным элементом и направлялась в сторону ивы, поэтому я решила пойти за ней. На всякий случай...

Я догнала её у оврага, когда она разворачивалась. Дорога заканчивалась мостиком через ручеёк, перед мостиком была небольшая полянка с лавочкой, маневрировать там было довольно трудно. Машина тихо порывивала двигателем, пытаясь пройти мимо дерева, не оторвав дверных ручек. Я чуть не кончилась, узнав пежо дивы!

В первый момент я была абсолютно уверена, что каким-то чудом она

раздвоилась, то есть у меня галлюцинации. Придя в себя я осознала, что с утра можно было три раза доехать до Варшавы и вернуться. Машина была равномерно покрыта пылью, что указывало на долгий путь при хорошей погоде. Она съездила на прогулку, мало ей было семисот километров, так она проехала немного дальше, сюда, к иве...

Теперь я ждала появления Марека. Похоже было, что они вместе танцуют здесь при луне, топчя жёлтые цветочки, либо собирая лесные растения, а может, изучая жизнь сов. Все остальное они спокойно могли делать в закрытых помещениях, в номерах отеля или публичных местах, ива им была ни к чему. Что бы они не вытворяли, увидев это, можно было многое понять.

Ничего не происходило. Гетера сидела на стволе ивы и курила сигарету за сигаретой, а я в мокрых зарослях ругалась как сапожник. Просидели мы так добрых пол часа. Марек не появился, сальфида поднялась, выбросила папиросу, села в машину и уехала обратно. Или что-то не получилась, или она по злорадству судьбы потребляла чистый воздух именно в этом месте.

Выловить Марека казалось невозможным. От переживаний я проснулась страшно рано и ещё до завтрака помчалась изучать следы. Вокруг сарая я обнаружила несколько новых, пошла дальше и поискала у ивы. Жёлтые цветочки были мне указателем.

У самой ивы обрезанного каблука я не заметила, среди же цветов и в зарослях, он встречался часто. Отсюда я сделала вывод, что так же как и я, Марек торчал в кустах, наблюдая за дивой, позировавшей на стволе. Какой был в этом смысл? Он рисовал её портрет?.. От злости я почти уткнулась носом в землю, пытаюсь выяснить что-нибудь ещё, пока вдруг снова не ощутила, что вижу нечто знакомое.

На аллейке были грязь и мох, в лесу мох и трава, под ивой — зыбкий песок. Между цветочками кое-где попадались кусочки твёрдого влажного грунта, а между мостиком и пляжем была одна грязь. Всматриваясь в эту пересечённую местность, я никак не могла понять, что увидела, не обрезанный же каблук, к которому я уже привыкла. Я исследовала взглядом кусочек за кусочком, пока наконец не поняла, у меня перехватило дыхание.

В грязи лежал большой плоский камень, немного торчащий и поразительно чистый. На этом камне отчётливо и точно отпечатался след подошвы, предварительно немного испачканной. Чёрный, ещё слегка влажный след, начинающий высыхать... Мысленно я увидела лист белого картона на столе и идентичный след оттиснутый на нем. Более светлый, более серый, но такой же отчётливый...

Не веря собственным глазам я склонилась над камнем и рассмотрела след вблизи, очень подробно. Для сомнений места не оставалось, я достаточное число раз собственноручно рисовала этот узор, зарисовывала его чёрной краской, чтобы теперь не ошибиться. Это была подошва взломщика, того самого, который забрался в подвал к Мачеякам!

Мой завтрак остыл, потому что я довольно много времени провела у плоского камня, пытаюсь хоть как-то перенести след на что-нибудь, что можно было взять с собой. Камень был большим, выковырять его не получалось. Ткань мужа уже увидела свет, у меня были большие шансы встретить собственный узор в любом местном галантерейном магазине. Мне любой ценой хотелось сравнить след на камне с подошвой на узоре, чтобы окончательно избавиться от неверия в собственную зрительную память.

В конце-концов я своего достигла, воспользовавшись кончившимися спичками и пачкой от сигарет, после полудня все стало ясно. Мне даже не надо было покупать ткань, я сравнила прямо в магазине. Несомненно, это был тот же узор!

Пришло время воспользоваться мозгами. След взломщика, это было что-то! Глупая афера Мачеяков тащилась за мною до самого Сопота, а дух пана Паляновского блуждал под ивой. Это казалось мне даже логичным, в Варшаве кого-то там не поймали, бриллианты исчезли, полковник накрутил мне хвост, я потребовала от Марека, чтобы он что-то сделал, Марек здесь, караулит диву, дива караулит иву, в окрестностях ивы бегают взломщики, который имел все шансы завладеть бриллиантами. Круг замкнулся. Может это его она ждала вчера на склонившемся дереве...

Сохранение всего этого в тайне от меня тоже можно было обосновать. Что может произойти — неизвестно, не дай бог, бриллианты потеряются снова, или пропадёт ещё что-то, меня уже нет, я ничего не знаю, нахожусь в стороне, обвинить меня не в чем. Никто меня никуда не впутает. Да, такое объяснение имело смысл, но меня совсем не убеждало. Не вспоминая о других мелочах, я впуталась сама, выслеживая Марека, наблюдая за дивой и вертясь возле подозрительного дерева. Тем более, меня можно было заподозрить в самом худшем. Если бы он меня предупредил, что я должна оставаться вдали и терпеливо ждать, я бы терпеливо ждала, не приближаясь к нежелательным местам и неизвестным особам.

За время дальнейшего следствия, от которого в возникшей ситуации меня не удержал бы никто, мне пришла в голову ещё пара идей. Это действительно могло быть совпадение. Марек мог все время ловить взломщика, а дива свалилась сюда, как слива в компот, абсолютно

случайно, исключительно из-за своей наглости. Она пригодилась ему в качестве ширмы, кроме всего прочего, и для того, чтобы сбить меня. Это могло и не иметь ничего общего с бриллиантами, а касаться главаря, который скрывался после провала контрабандистов. Могло быть и по-другому, вообще не известно как, тем более, я должна была находиться в курсе событий.

Курс событий преподнёс мне громадные количества свежего воздуха. Гарпию вдруг охватила особая педантичность, она каталась туда сюда по лесной аллее, изо дня в день, в половину одиннадцатого вечера с поразительной регулярностью. Она доезжала до полянки, разворачивалась, выбиралась из машины, подходила к иве и пол часа сидела на стволе. Потом возвращалась. Я превратилась в охотничью собаку, или в дикого индейца, и обнаружила ещё один след взломщика. Я подождала, пока гетера удалится, и со всей возможной тщательностью обследовала ствол чёртовой ивы вместе с близлежащей территорией, они могли там что-нибудь друг для друга прятать. Ничего не нашла. Меня озаботило, что след обрезанного каблука перестал появляться среди жёлтых цветочков.

В конце-концов, мне надоело ходить за ней пешком и я облегчила себе жизнь. В нескольких десятках метров я нашла место, куда можно было подъехать на машине, развернуться и спрятать её в лесу. Это было не так уж и просто, особенно в темноте, но мой старый фольксваген привык проезжать везде, а там, куда он заезжал, там и разворачивался. Её манёвры на полянке заглушали звук моего двигателя, известно, что из-за собственного шума, чужого не слышно. Света я конечно не зажигала, потом ждала, пока она уедет, и отправлялась за ней, уверенная, что она меня не заметит, ночью видно только то, что освещают фары. Рядом, в темноте, может стоять хоть стадо слонов, лишь бы неподвижно.

На пятый вечер я приехала как обычно, проследила за тем, чтобы не рычать мотором дольше этой спятившей героини. Я вышла из машины, осторожно приблизилась к ней, с минуту было спокойно, а потом мне показалось, что возле ивы я вижу какое-то движение. Легко щёлкнул закрываемый багажник автомобиля. Сердце сразу подпрыгнуло к горлу, а все внутренности заполнила надежда, что наконец-то происходит нечто, что продвинет вперёд вялое и непонятное действие. Прячась в тени, затаив дыхание, я медленно подошла поближе.

Из-под ивы кто-то прошёл к оврагу. Гарпия копалась в машине, тихонько постукивая багажником. Что-то там происходило нечто, чего я не могла понять. Что бы ни случилось, лопни я или умри на месте, необходимо было увидеть, что происходит, взломщик там или Марек, а

может оба, надо туда добраться! Не напрямик, а то она меня увидит, надо обойти вокруг, проползти по песку, под кустами, а потом вдоль ручейка...

С неописуемым упорством я начала пробираться в сторону пляжа. Шум моря немного заглушал шорох. Я преодолела метра три зарослей и уже была возле их края, когда произошло нечто ужасное. Передо мной вырос чёрный силуэт, чья-то ладонь закрыла мне лицо, железная рука крепко прижала меня. Сердце запрыгнуло в глотку и превратилось в камень.

— Тихо, — прошипел Марек прямо мне в ухо, — не шевелись!..

Ноги подо мной подогнулись. Просьба и затыкание рта оказались излишними, я полностью лишилась как речи, так и других способностей. Я успела подумать, что такие потрясения могут довести человека до инфаркта, если со мной этого не случится, то у меня и так останется нервный тик. После нескольких чудовищных секунд полной неподвижности Марек ослабил захват.

— Быстрее! — шёпотом приказал он. — К машине! Без шума!

Быстрее и без шума, это было невыполнимо. К счастью, дива вместе с тем, что крутилось возле неё, исчезла где-то в овраге. Марек перетащил меня через дорогу и потянул в сторону фольксвагена.

— Быстрее! — шептал он. — Я тебя вытолкну, заведёшься потом! Дальше будет не слышно...

Я даже поняла, чего он хочет, меня не удивляло, что он все знает о моей затее с машиной, но обижало, что он заставляет меня уехать до того, как что-то прояснилось. Но у меня не было времени ни протестовать ни подумать, я пыталась побороть дрожь рук и стук зубов, прийти в себя, обрести хоть немного равновесия, имея в ближайшей перспективе езду по лесу, причём так, чтобы меня не было слышно. Я послушно села в своего горбунка, вывернула на твёрдую почву. Марек протолкал меня до самого поворота аллеи и запрыгнул на ходу. После ремонта мой двигатель работал на удивление тихо. Я тронулась немного резче, чем хотела, потому что нога на педали газа тоже дрожала, чудом не врезалась в дерево и очутилась на дороге, ограждённая от событий в овраге большим количеством кустов и зарослей.

— Зажигай фары, теперь можно, — сказал Марек. — И не въезжай на стоянку.

Я молча и послушно исполняла его приказания, но не из-за ангельского характера, а потому что просто была не в состоянии сопротивляться. Даже дышать мне удавалось с большим трудом, не говоря уже о вождении. Первый раз в жизни я усомнилась в своём правиле, что за

рулём автомобиля может сидеть только тот, чьё имя записано в регистрационной карточке. Я выехала на улицу.

— Теперь жми! — с оживлением и задором сказал Марек. — Езжай быстрее! Я покажу куда.

Последствия испуга уже начали проходить, но я до сих пор ничего не понимала.

— Могу я... — осторожно начала я.

— Не туда! — остановил он меня. — Прямо! Надо добраться до рыбацких лодок! Теперь направо и налево! Быстрее!

— Могу я узнать...

— Не болтай пока, езжай! Быстрее!

Ещё никогда он так меня не подгонял. Я ехала с дальним светом, рискуя жизнью и имуществом, с визгом шин на поворотах, не считаясь с правилами движения. Я въехала на улицу с односторонним движением, которая, к счастью, была абсолютно пустой. Меня переполняло нечто могучее.

— Теперь налево! — приказал Марек.

— Там нет дороги! — обиженно протестовала я.

— Все равно! Проедешь! Поспеши!

Передо мной появились дорожные работы. Я подумала, будь, что будет. Машина запрыгала по каким-то кочкам, слава богу, ненадолго, прежде чем она успела рассыпаться, дорогу преградило ограждение из сетки. Ворота были закрыты. Ещё немного и я бы её протаранила, к счастью, Марек меня удержал.

— Стой, дальше не нужно! — крикнул он, выскакивая на ходу. Он пролез через дыру в сетке и помчался вперёд.

Я захлопнула двери, пролезла через ту же дыру и, понятно, помчалась за ним. Некоторое время дорогу мне освещали фары машины, потом я свернула на пляж, пришлось удовлетворяться лунным светом. Впереди я увидела море, лежащие на берегу рыбацкие лодки и Марека, перепрыгивающего через верёвки. Я не могла понять, каким чудом он их видит, сама я спотыкалась обо все по очереди. Я догнала его и прежде чем успела что-нибудь сказать, он воткнул мне в руки лопату с коротким черенком.

— Копай! — крикнул он повелительным шёпотом. — Быстрее, подкапывай лодку!

То могучее, что выросло во мне лопнуло и вырвалось наружу:

— Ко всем чертям!!! — заорала я таким же приглушённым шёпотом. — Что это значит?!!! Скажи что-нибудь!!! В чем дело?!!!

Вопрос был чисто риторическим, и представлял собой крик отчаяния, ответа на него я бы все равно не услышала. Послушно, заразившись горячей спешкой, я выгребала песок из-под лодки, а он, с другой стороны, работал как машина, пользуясь или большей лопатой или экскаватором. Автомат, а не человек. Лодка склонялась в его сторону. Волны побольше начинали её колыхать. Марек вскочил в середину.

— Подкапывай, подкапывай! — нетерпеливо подгонял он меня, дёргая что-то быстрыми движениями и выполняя какие-то непонятные в темноте действия.

Несмотря на шок и отчаянную злость я подсознательно понимала, что надо приблизить лодку к воде и копала там, где надо. Волосы у меня на голове становились дыбом, вместе со злостью вырос и испуг, который увеличивал её ещё больше. Мне мешали волны, стало жарко, от впечатлений и работы я вспотела.

— Черт побери!!! — прошипела я с яростью. — Сколько ещё?!..

— Двигатель лодки вдруг кашлянул, заворчал и затарахтел. Марек выпрыгнул и отвязал верёвки.

— Сталкивай! — закричал он. — Нет времени, он убегает!

Я бросила лопату и упёрлась ногами в мокрый песок.

— Кто убегает, черт возьми?! — со злостью ворчала я, бешено, как паровая машина, толкая лодку. — Чья это лодка, боже, ты её крадёшь?!..

— Понятно, краду! Хватит, садись! На нос! Надо его догнать!..

Лодка сползла с песка, цепляясь уже только носом. Марек схватил её и освободил одним толчком. Я не имела понятия, кто убегает, почему по воде, зачем надо его догонять, перепугалась от кражи лодки, с водой в тапочках, с мыслью о том, что оставила машину на дальнем свете, торопясь как на пожар, перелезла через борт и поскользнулась внутри на рыбьей чешуе. Только чудом я не выбила себе зубы. Марек толкнул лодку подальше и через секунду уже сидел за рулём. Старое рыбацкое корыто величественно развернулось и рванула вперёд как морская яхта.

В мозгу все перевернулось вверх ногами. Вдруг я решила, что нелегально бегу из Польши, украв лодку, оставив дом, детей, имущество, начатую книгу, пишущую машинку, сумочку с документами, неразгаданную тайну взломщика и бриллиантов и, что хуже всего, машину с включёнными фарами! А полковник говорил, никуда дальше!!!!..

Я впала в панику.

— Я не еду! — в отчаянии закричала я. — Если ты немедленно не объяснишь в чем дело, я высаживаюсь и возвращаюсь! Я могу выехать за границу по обычному паспорту, так мне не надо!!!

— Туда плывёт человек, которого я ищу двадцать семь лет, — с каменным спокойствием ответил Марек, вглядываясь в пространство за моей спиной. Он плывёт в байдарке на корабль, который сегодня вышел из порта и ждёт его на рейде. Он ближе, чем мы. Он не должен туда добраться!

Я оглянулась. Кроме поверхности моря, блестящей в лунном свете, я ничего не увидела. Вид был даже живописным, но прояснял не много. В мозгах все ещё была каша.

— Что за человек, ради бога?! Откуда ты знаешь, что он плывёт на байдарке?!

— Поганая скотина и гениальный преступник. Я видел, как он начинал её собирать. Ты тоже видела, ты же там была.

— Я ничего не знала, ты на меня напал, когда я шла посмотреть! Что за каша заварилась, мать божья! Там был этот взломщик, который упёр бриллианты, что общего со все этим имеет дива, почему ты не поймал его на берегу, почему мы должны теперь гоняться за ним по морю?!..

— На берегу я ничего не мог сделать, он вооружён и готов на все. Она тоже. Откуда ты знаешь про взломщика?

— Как откуда, он оставил следы, я их запомнила! Это он бежит?

— Нет, тот кто бежит — её отец. Отодвинься в сторону и сядь ниже.

Окончательно сбита с толку я пересела на борт. Марек нетерпеливым движением спихнул меня вниз, прямо в рыбью чешую. Лодка с ритмичным рокотом шла вперёд. Я не отрываясь всматривалась в подвижные отблески, не думая ни о чем, чувствуя только что мой шок превращается в подъем и горячее напряжение. Марек выглядел как вождь викингов, плывущий отомстить врагу.

— Вон! — вдруг сказал он. — Видишь?

У меня чуть глаза не повылазили. Далеко впереди мне наконец удалось заметить маленькую исчезающую точку. Ещё дальше, на горизонте, смутно вырисовывалось что-то большое, чёрное, неподвижно лежащее на воде. Судно без огней!

— Успеем. Перережем ему дорогу...

— С корабля к нему поплывёт моторка? — забеспокоилась я, представив себе зрелище морской битвы, в результате чего мне несомненно пришлось бы искупаться. — Они к нему ближе нас.

— На корабле сейчас ослепли, оглохли и стали идиотами. Он мог доплыть и сесть, но так, чтобы об этом никто не знал, теперь уже нет. Увидишь, как они начнут собираться через минуту. Они оставят его на волю судьбы.

Точка подросла и превратилась в человека, гребущего на байдарке, плохо видимого в свете луны. Чёрный корабль был все ближе. Марек целился между ними.

— Теперь ты должна быть абсолютно послушной, — сказал он таким тоном, будто до сих пор со мной не осмеливался заговорить ни один мужчина. — Ты должна сидеть внизу и не выставлять голову из-за борта. Тебе вообще нельзя двигаться. И держись, я хочу его протаранить.

Мои волосы снова стали дыбом.

— С ума сошёл! — со страхом запротестовала я. — Хочешь убить его в воде?! Он же утонет!.. Я ничего не увижу!!! Я должна корчиться на рыбьих кишках?..

— Вниз!

— Чокнулся!..

— Вниз!!!

Я послушно сжалась и склонила голову. Он тоже опустился ниже, глядя вперёд, вдоль борта. Я ощутила, что прилепилась коленом к смоле.

— Рассказывай хоть, что происходит! — раздражённо потребовала я. — Что он делает?

— Уступает нам дорогу. Он думает, что это рыбацкая лодка плывёт на промысел и хочет, чтобы все было в порядке, чтобы никто его не трогал. Будь внимательна, потом пересядешь за руль. Он один, без неё, очень хорошо... Ну, теперь!..

Резким движением он повернул руль. Лодка исполнила крутой разворот влево, потом направо, потом обо что-то сильно ударилась. Раздался вскрик, треск, плеск, одновременно Марек снизил скорость, поднялся и бросился на нос.

— Бери руль! — крикнул он. — Поворачивай влево!

Как видно, ему пришлось поверить мне на слово, что я умею управлять, проверить ему пока не представилось случая. Я тоже поднялась, поскользнувшись, на четвереньках добралась до кормы и наконец смогла выглянуть. В воде происходила какая-то жуткая катавасия, частично разбитая байдарка плавала вверх дном. К моему удивлению и испугу Марек вдруг перестал спешить. Он подождал, пока я развернусь и подплыву ближе, после чего бросил верёвку и зацепил за остатки байдарки нечто похожее на растопыренные когти. На плавающего в нескольких метрах человека он не обращал внимания.

Я резко вздохнула и обрела голос:

— Ради бога, он же утонет!!! — душераздирающе заорала я, наполнившись страхом, потрясённая хладнокровно исполняемым

убийством. — Опомнись, что ты делаешь?!..

— То, что нужно. Не утонет, не бойся, он соответствующим образом одет. Видишь, он ещё пытается доплыть до корабля. Ничего, теперь не убежит...

Он подтянул байдарку и прицепил верёвку к корме. Взял у меня руль. Я онемела от страха и смотрела, как он подплывает к мужчине в воде, преграждая тому дорогу. Мужчина стал что-то кричать, двигатель его заглушал. Марек вдруг увеличил обороты. Мужчина пробовал уцепиться за прицепленную к корме байдарку, это ему не удалось, он, кажется, стал слабеть, наверное замёрз, вода была очень холодной. Чудовище у руля опять притормозило, развернулось, подплыло к человеку, набросило на него верёвку, завязанную, как лассо. Верёвка поймала человека за ногу.

— Боже!!!.. — охнула я, уцепившись за борт на корме.

Лодка мчалась к берегу на всех оборотах, таща за собой утопленника и, чуть подальше, байдарку. Я не могла понять, что за сумасшествие охватило его, на моих глазах он совершил на море преступление и теперь возвращается к берегу вместе с жертвой и свидетелем! Теперь ему придётся убить и меня, ничего другого не остаётся... Разве что это новый способ спасения утопающих, кажется, не очень гуманный...

Марек внимательно наблюдал за утопленником.

— С него достаточно, — буркнул он, останавливаясь. — Не смотри так, это единственный способ. Видишь, он даже пушку не успел достать. Я не хочу рисковать, он может прикончить и тебя и меня и спокойно воспользоваться той же лодкой. Можешь быть уверена, он бы так и сделал. Теперь он без сознания, можно затаскивать.

Он остановил лодку, подтянул верёвку, без особого труда перетащил через борт неподвижного мужчину, бросил его на дно, расстегнул ему одежду и отклонился:

— Пожалуйста! Видишь?

Я ничего не видела, потому что на дне лодки было абсолютно темно. Он должно быть имел за пазухой что-то очень интересное. Поскользываясь на рыбьих останках я подползла ближе, наклонилась и вытаращила глаза, свято веря, что должна что-то увидеть. Марек сжалился и присветил фонариком.

Во внутреннем кармане скафандра утопленника находилось то, что я определила как рукоятку большого пистолета. Рукоятка торчала так, что его легко было выхватить. Марек до него не дотрагивался.

— В карман он не помещается, потому что на ствол накручен глушитель, — вежливо объяснил он. — Если бы он сразу не свалился в

воду, будь уверена, он сумел бы им воспользоваться. С этим человеком нельзя себе позволять никакой неосторожности. Плыви к берегу, надо вылить из него немного воды, чтобы он случайно не сдох.

От переживаний я начала дрожать. Стуча зубами я правила к рыбацкой пристани. Марек спасал утопленника, тормоша его и обходясь с ним не очень заботливо, зато с хорошим результатом. Я вспомнила про чёрный корабль, обернулась и увидела, что он уплывает, мигая немногочисленными огнями. Далеко в море раздался рокот мощнее нашего. Утопленник вздохнул, закашлялся и начал со стонами и хрипами выплёвывать из себя воду. Передо мной на берегу, как раз там, куда я целилась, появились какие-то подвижные отблески, которые обеспокоили меня больше всех предыдущих наблюдений.

— Оставь этого покойника и посмотри, что происходит, нервно потребовала я. Кажется, кражу открыли и нас уже ждут. Что мне делать?

Спасённый дышал уже самостоятельно. Марек связал его верёвкой и посмотрел вокруг.

— К нам плывёт моторка пограничников, — с полным безразличием спокойно сообщил он. — На берегу, кажется, милиция. Что он там делают?.. Ага, vyplывают в море, тоже к нам. По-моему, немного рановато. Подожди, пропустим их...

Он забрал у меня руль. От рыбацкой пристани действительно отделились две посудины и направились в открытое море, наверняка намереваясь отрезать нам путь в Швецию. Со стороны Гдыни нарастал рокот моторки. Марек резко повернул под прямым углом к берегу и плыл прямо на пляж. К самому близкому месту. Посудины будто заколебались, сменили направление, одна повернула в нашу сторону, а вторая поплыла вдоль берега, на встречу пограничникам. Все были довольно далеко от нас, а пляж рядом.

Через мгновение лодка зарылась носом в песок.

— Подтяни байдарку, — приказал вождь викингов, выволакивая свесившегося через руку врага. — Посмотри, что там есть. Справишься? Вот тебе фонарик.

От волнения я погрузилась в воду по колени, опять набрав полные тапочки воды. Не знаю каким образом, но смола оказалась у меня на рукаве и на подкладке плаща, я чувствовала, как приклеиваюсь к ней. Нервы я разрядила на байдарке, которая все равно почти развалилась, обращаться с ней можно было как угодно. Вытащив на песок, мне удалось перевернуть её вверх ногами. Внутри хлюпала вода. Присветив фонариком я заглянула под нос и увидела там какой-то пакетик. Я попробовала его достать. Пакет

оказался прикреплённым намертво, я вдруг почувствовала, что с меня достаточно этих идиотских препятствий, трудностей и тайн, в приступе бешенства дёрнула его так, что нос байдарки развалился окончательно. Пакетик остался в моей в руке.

Это был непромокаемый пластиковый мешочек. Я рвала его как дикий зверь, почуявший внутри мясо. Мяса не было, зато там были какие-то бумаги, две металлических коробочки тесно забитые фотоплёнками, пара мужских ботинок, зубная щётка, бритва и кожаный туго набитый мешочек, по сравнению со всем остальным, очень тяжёлый. Я заглянула в мешочек, и увидела сверху коробку спичек, самую обыкновенную, за сорок грошей. Я ещё больше разозлилась, потому что спички показались мне просто ни к месту. Скрипя зубами я схватила их и открыла, придерживая подбородком фонарик, так, чтобы он светил на коробку.

И остолбенела. Неожиданный блеск чуть не ослепил меня. В коробочке лежали и блестели ровно уложенные, прикрытые кусочком лигнина, бриллианты, каких я раньше не видела, даже на витринах западных ювелиров. Не задумываясь над тем, что делаю, я вытряхнула их на ладонь и пересчитала. Их было ровно двадцать шесть...

Все ещё не в состоянии думать, я вдруг почувствовала усталость и перестала торопиться. Затолкав бриллианты обратно в коробочку, я заглянула в мешок, взяла в руку фонарик, который до сих пор находился между подбородком и плечом, подбородок у меня уже онемел, а плечо навеки заклинило. Я посветила, из мешка вырвался блеск не уступающий бриллиантам, я некоторое время рассматривала это богатство, брошенное туда с варварским пренебрежением, вставила коробочку на прежнее место, затянула ремешок на мешке и оглянулась на Марека. Он как раз поднялся, оставив бывшего утопленника опёртым на нос лодки.

— Нашла что-нибудь? — поинтересовался он.

— Разные вещи и драгоценности, — устало ответила я, усаживаясь на мокрый песок, после воды, смолы и рыбьих внутренностей мне уже было безразлично, а ноги онемели. — Я и сама бы с этим сбежала. И ещё бриллианты Басеньки Мачеяк, которые я украла. Люди идут, сейчас что-то будет.

— Ничего не будет, — беззаботно и довольно ответил он. — Упакуй все обратно, как было. Я уже все узнал, теперь они могут все забрать...

Бегущие люди и моторки добрались до нас одновременно и на спокойном до сих пор пляже воцарились Содом и Гоморра. Сразу за моторкой приплыли два катера. Рыбаки, милиция и пограничники создали то, что показалось нам отражением дантовского ада. Мне показалось, что

каждый преследует собственные интересы, всем необходимо что-то своё, все требуют друг у друга информации и объяснений, причём все, по недоразумению, требуют их одновременно. Я ждала момента, когда меня закунут в кандалы, разлучат с Мареком и отволокут в казематы, и надеялась только на то, что это произойдёт до того, как разъярённые рыбаки успеют разорвать нас на мелкие кусочки. Слов, которые произносились, никогда ни в каких публикациях не воспроизводят. Некоторое время казалось, что пограничники и милиция никак не достигнут согласия по вопросу выловленного из воды человека, каждая из служб с удивительным упорством доказывала свои права на него. Возникла перспектива разрывания на куски всех всеми, причём, принимая во внимание собак, в данном случае победили бы пограничники.

Общий переполох наконец затих. К моему удивлению между организациями возникло загадочное внезапное взаимопонимание. Пограничники ушли, на поле боя осталась милиция, среди проявлений изысканной вежливости катера столкнули на воду, и вся флотилия направилась к рыбацкой пристани. Там до меня донеслись сакраментальные слова:

— Пройдёмте, пожалуйста, с нами...

Я внезапно очнулась из состояния тупого ошеломления, смиренность как рукой сняло.

— О нет!!! — энергично вскрикнула я. — Ничего подобного! Это вы пройдёте со мной! И будьте добры меня подтолкнуть, судя по тому, что я вижу, мой аккумулятор разрядился до нуля!...

* * *

— Все, с меня хватит! — категорически заявила я через два дня вечером. — Я терпеливо сижу в стороне от всех событий, езжу туда, куда нужно, позволяю кормить себя отходами информации, а время идёт. Больше я этого не вынесу! Прими к сведению, что я требую объяснений и, по-моему, сейчас самый подходящий момент.

Мне потребовалось два дня, чтобы избавиться от переживаний, закончившихся вытаскиванием машины задом с дорожных работ. Передо мной опять сидел цвет цивилизации, я не могла поверить, что это тот же человек, который две ночи назад возился с утопленником. Точно также к

нему не подходило проживание в брошенной собачьей будке на пляже... Тем не менее, было и то и другое, как раз это он и должен был мне объяснить.

— Я думал, ты уже сама догадалась, — ответил он с невинным удивлением. — Ты же все время участвовала в событиях...

Участвовала!.. Если это называется участием... Моё участие в эпилоге действия заключалось в посещении вместе с Марекком различных мест, куда, на первый взгляд, он наносил дружеские визиты лицам в гражданском, общаясь с ними при помощи сокращений, намёков, символов, жестов и взглядов. Для меня единственным результатом было чудесное размножение неразгаданных тайн.

Я присматривалась к нему критически, с нескрываемым недовольством.

— Но сначала, — зловеще сказала я, — ответь мне на один основополагающий вопрос.

— А именно?

— А именно, кто ты собственно такой, любовь моя?

Он удивился так, будто я спросила его, зачем он разводит жирафов.

— Я?

— Нет, персидский шах...

— Ничего особенного. Абсолютно обычный человек. В основном — журналист.

Я подумала, что не справлюсь с ним, на него никаких сил не хватает...

— Ну, хорошо, — покорно согласилась я. — Пусть будет так. Но в таком случае, откуда ты знал то, что знал?

— Ничего я не знал. До всего пришлось доходить самому.

— Слушай, если я не сойду с тобой с ума, это будет чудо. Говори со мной как человек, а не как неизвестно что. Что это было, все это, и откуда оно взялось?! Хватит с меня догадок, я хочу наконец узнать!

— Что ты хочешь узнать?

— Все! Я сама не знаю, с чего начать! Что ты, ради бога, вытворял с этой дивой, на кой черт ты позволил за собой ухаживать?! Что означало это идиотское представление?!

Он некоторое время молчал с выражением обеспокоенности.

— Я должен был её осмотреть, — в конце-концов признался он демонстрируя нечто вроде раскаяния.

— Как это, осмотреть... Настолько подробно?!

— Вот именно... Я подозревал, что она это она, и должен был убедиться. Если это была она, у неё должен был быть очень характерный

знак — родинка в форме полумесяца.

Я чуть не задохнулась.

— Можно узнать где? — со зловещей сладостью спросила я.

— Ничего особенного, на бедре. Ну, почти на бедре. Летом, на пляже, не было бы никаких проблем, но я не мог ждать до лета.

Довольно долго я боролась за обретение равновесия.

— А откуда появилась такая надобность? Ты же не осматриваешь всех встречных баб?

— Знаешь что, может начнём сначала? Это долгая история и не совсем обычная. Я интересовался не ей, а её отцом!..

— Утопленником?..

— Утопленником. Я потерял его двадцать семь лет назад и поклялся его найти. Это мне удалось только теперь...

— Двадцать семь лет назад ты же был мальчишкой!

— Да, и в большей степени, чем ты думаешь. Но я был довольно взрослый мальчишка. В конце сорок шестого года я, вместе с одним товарищем, искал сокровища. В замке. Во время войны в Нижнем Шлонске жил один мужик из старой аристократической семьи, коллекционер произведений искусства, который по всей Европе грабил все, что можно, и свозил к себе...

— Барон фон Жоперштангель, — с облегчением вырвалось у меня, наконец-то у меня возникли какие-то ассоциации.

— Звали его не совсем так, но довольно похоже. Я знал про этого коллекционера, потому что в конце войны разгребал у него навоз. Во время отступления он, естественно, убежал, а всю коллекцию куда-то спрятал. Все указывало на то, что закопал или замуровал их в замке. Мы с приятелем хотели это найти, легально, известив власти, но тихо и осторожно, чтобы не привлекать других искателей сокровищ. Вместе с нами искал и этот мужик, который якобы был хранителем какого-то музея и ездил по стране, разыскивая и оценивая оставшиеся после немцев ценности. Этот мужик показался мне странным, я немного поразнюхал, и удалось узнать, что ещё во время войны он крутился возле барона в качестве его уполномоченного, или кого-то такого. Подозрительная личность. Естественно, искал он сам, но в конце-концов мы встретились в одном замке. Он там над нами неплохо подшутил.

Я слушала затаив дыхание.

— Это очень романтическая история! — заметила я, когда он на секунду остановился.

— Да, очень романтическая. Сейчас услышишь. То, что произошло,

побило все рекорды романтизма, я до конца жизни не забуду этой сцены. Где искать было неизвестно, мы наткнулись на какую-то странную стену, которая никуда не лепилась, будто замурованная шахта. Колодец в стене. По разным причинам добраться туда можно было только снизу. Мы по очереди пробивали свод в тесном помещении в подземелье, кроме того не прямо, а наискосок. Каждый работал сам, для двоих там не было места, никто не знал, сколько сделал другой, просто забирался и продолжал работу. Хранитель музея достиг тех же результатов, он тоже обратил внимание на странную стену, тоже ожидал найти там сокровища, но господин хранитель знал замок лучше нас. Он знал, для чего служило перекрытие над нами. Он испугался, что мы того и гляди найдём имущество барона и сбил нас. Подожди, как бы тебе объяснить... Надо было пробиваться над головой, вверх и наискосок, чтобы добраться до этой странной замурованной части, два метра камня, в которых легко было потерять направление. Этот гад воспользовался ситуацией, влез туда ночью и изменил направление нашего хода, так, чтобы мы прошли мимо того помещения под первым этажом и пробились выше. Ему хватило трех таких визитов. Никто из нас ничего не заметил, каждый думал, что продолжает работу другого. Результат был ужасен...

Я с нарастающим испугом смотрела на него.

— Ради бога, перестань смеяться, что может быть смешного в ужасном результате?!..

— Не могу! Теперь, при воспоминании об этом, не могу не смеяться. Но, клянусь, тогда мне было не до смеха! В конце-концов мы пробili этот свод, но не там, где хотели, а немного в стороне, настоящее чудо, что случайно я успел! Все свалилось на моего приятеля, он, не зная, что его ждёт, пробился насквозь, и тогда случилось страшное. Точнее, оказалось, что этот свод был, прошу прощения, древним сортиром...

— Что?! — спросила я не поверив собственным ушам.

— Древним сортиром, замурованным много лет назад. Очень тщательно замурованный, потому что это был базальт, весь замок был из базальта. На несчастного парня под большим давлением полетело все, что скапливалось там столетиями. Я случайно пришёл туда раньше, чем должен был и спас ему жизнь. Он бы утонул. Когда я его вытащил, он был без сознания, того, что скопилось сверху, было больше, чем места внизу. Сама понимаешь, смеяться мы начали намного позже... Он весь день просидел в ручье, а я бегал, искал для него одежду. И для себя тоже. От меня люди перестали шарахаться только через три дня, а от него — через две недели. Ему пришлось постричься налысо, настолько он пропитался!

Одежду пришлось выбросить, вместе с обувью, но документов, которые были в кармане, он выбросить не мог. Этих документов хватало, чтобы освежать все рядом...

Чудовищный образ ошеломил меня настолько, что я забыла, о чем шла речь, и чего я хотела узнать. Длительная неприязнь к человеку, который был причиной катастрофы, показалась мне обоснованной.

— Не удивительно, что ты искал его двадцать семь лет...

— Нет, не поэтому. Потом оказалось, что это был бандит...

— Подожди! А чего он хотел этим достичь? Сокровища были там? Он их нашёл?

— Наоборот, они были в другом месте. Он просто хотел от нас избавиться. Он надеялся, что один из нас погибнет в этом древнем дерьме, а второй откажется от поисков, а если нет, то второго он прикончит. Сокровищ в замке не было и дальше действие развивалось по двум направлениям...

— Сколько тебя просить, не останавливаться, когда я слушаю затаив дыхание!

— Я подумал над очередностью, чтобы не перепутать. Сначала выяснилось, кем на самом деле был псевдохранитель. Обычным бандитом, убийцей, который обогащался любой ценой. Он работал на немцев, потом занимался невероятными махинациями, воровал и подставлял других людей. Из-за него один парень повесился... Нас, благодаря его стараниям, осудили в растрате сокровищ барона, у нас было множество хлопот, до тех пор, пока не всплыла правда о нем, тогда ему пришлось бежать. Но ещё раньше, он нашёл сокровища. Оказалось, что барон спрятал их не в замке, а в домике садовника, глухого старичка, которого этот негодяй убил. Он забрал все, что нашёл, перепрятал, известно было только то, что он не успел ничего вывезти или использовать. Он пропал и я потерял его из виду...

— А почему его искал ты, а не наши власти?

— Власти, естественно, тоже, но через пару лет поверили в его смерть. Я же был единственным человеком, который знал некоторые вещи из собрания барона, и, когда пару лет назад началась контрабанда...

— А-а-а!.. — сказала я с глубоким пониманием.

— Вот именно. У упомянутого хранителя была дочка. В то время, это был пятилетний ребёнок, я неоднократно видел, как она плещется в воде, и запомнил её родинку. Однажды отец чуть не отрубил ей пальцы дверями машины, я был свидетелем. В тот момент, когда он должен был исчезнуть, ребёнок лежал в госпитале, он бросил его и порвал с ним контакты. Увидев

эту девушку на лестнице, я сразу увидел в ней что-то знакомое. Она удивительно похожа на отца, а его лицо я запомнил навеки... Потом бридж... Не знаю, заметила ли ты, что у неё деформированы ногти... Я был уверен, что это его дочь и должен был удостовериться, потому что был шанс через дочку выйти на отца.

— Каким образом? Если он порвал с ней контакты?..

— Я не был в этом уверен. Я видел здесь слишком много странного. Она не вышла замуж, но сменила фамилию, пользовалась фамилией отчима...

— А папочка-врач, к которому ты выбирался, это кто?

— Как раз отчим. Я конечно посмотрел не него, отец тоже мог сменить фамилию, переделать лицо, но не мог уменьшиться на пол метра. Такие шутки отпадают.

— Для этого ты и ездил в Варшаву?

— Для этого тоже. Я подозревал, что здесь что-то намечается, догадался, что кого-то она здесь ждёт, интуиция подсказала мне, что отца.

— Непонятно, как это могло прийти тебе в голову!

— Это было явно видно. Она приехала в Сопот в странное время года, ничего не делала, не ходила на прогулки, не искала компании, не заводила знакомств, даже не жила в комнате с видом на море, что же ей здесь делать? Ждать. К ней пришёл мужчина, который принёс известие, что папочка хотел бы получить от неё снимки, и этот парня я подозревал...

— А-а-а!.. — снова сказала я и быстро замолчала, удивившись необычайной проницательности собственного воображения.

— Парня я узнал. Это один странный тип, который в студенческие времена настойчиво интересовался иконами в костёлах. Он расспрашивал студентов, которые ездили на инвентаризацию, где можно найти что-нибудь старое и ценное, при чем сам в таких местах никогда не показывался...

Из разрозненных кусочков постепенно начало складываться единое целое. Мачеяки, контрабанда произведений искусства, таинственный главарь, сокровища барона, бриллианты Басеньки, все постепенно становилось на свои места...

— Одним словом, все сходится. Тётка отсылает снимки с разных мест пляжа, что означает, что в одном из них должна произойти встреча...

— Ты что, такой гений? — подозрительно остановила я его. — Для меня это ничего не означает. Почему должно означать для тебя?

— Не должно, но может. Я допускаю и оказывается, что верно.

— Так она выбрала место на холме под ивой. Ты знал, что это должно быть там?

— Естественно, это было ясно.

— Для кого как! Она заставляла снимать себя где попало, как ты угадал?

— Все съёмки делались в одном направлении, они явно были направлены на холм. Кроме того, мне не понадобилось угадывать, я просто проверил, что она послала. Достаточно было подождать там...

— Ты догадался, что это будет папочка, и, что он будет смываться на байдарке, — ехидно пробормотала я.

— Это было весьма вероятно. Если мои допущения были верными, у него под ногами земля горела. Поэтому я на всякий случай приготовился украсть лодку.

— Ну, хорошо, а куда подевался взломщик?

— Какой взломщик?

— Тот, что спёр бриллианты. Я сама видела его следы, они у меня даже зарисованы. Это не мог быть папочка, насколько я понимаю, он приехал в последнее мгновение, раньше его не было. А взломщик там крутился. Я так понимаю, что папочка был главарём шайки, очень хорошо организовал всю процедуру, через дочку раздавал работу...

— Через твоего пана Паляновского, тоже.

— Что?

— Они же работали в одной организации...

— А... Об этом я вчера догадалась. Он работал в министерстве, только на более высокой должности. Мачеяки с шефом делали остальное... Они вышли на него по comodу, я имею ввиду не Мачеяков, а милицию. Это он забрал его со свалки? Ему так нужны были эти сто тысяч злотых?

— Сто пятьдесят. Он хотел сделать подарок одному дипломату, скрыв свою связь с Мачеяками. На самом деле они его вообще не знали, а о сделке договорились через посредников. Мебель выбросили, им было можно, а он должен был объяснять, что наткнулся на этот комод случайно, понял, что это антиквариат, и забрал.

— И действительно никто не знал, кто он такой?

— Действительно. Пара человек догадалась, но очень смутно, его нельзя было раскрыть. Это мог быть он, а мог кто-то другой. Кандидатов было несколько и комод окончательно решил дело. От столяра он попал к дипломату, от дипломата к папочке-главарю, причём, благодаря тебе все прошло очень быстро.

— Без меня было бы медленнее?

— А ты как думаешь? Кто мог так быстро подтвердить, что это тот самый комод? Они выбросили на свалку много разных вещей... То, что он

забрал их со свалки не было доказательством и ничем ему не угрожало, просто обратило на него внимание. Его обнаружили. Он проделал все немного небрежно и беззаботно, но мог себе это позволить, потому что знал, прежде чем до него доберутся, он успеет сбежать. Заметь, что он управлял морской торговлей и мог влиять на сроки выхода в море кораблей. Он договорился с механиком, что тот постоит на рейде. При необходимости у него что-нибудь поломается и он будет проверять достаточно долго, чтобы успела доплыть байдарка. Он только не предвидел, что двигатель поломается на самом деле и судно задержится с выходом на пять дней...

— Поэтому она туда и ездила пять вечеров?

— Поэтому. Он должен был приехать в последнюю минуту, вечерним поездом, без багажа, то есть чемодан он оставил в купе. Байдарку и его сумку она все время возила в багажнике машины. Но за ним уже следили, и в Гдыне его ждала милиция.

— Почему в Гдыне?

— Он имитировал сделку с одним мужчиной, у которого в Гдыне есть собственная яхта. Допускалось, что он попробует бежать на этой яхте.

— Значит он прикрылся со всех сторон? Он должно быть знал про бриллианты Басеньки?

— Конечно знал! Он даже знал, что по ошибке их оставили дома. От расстройства они столько об этом говорили, что нетрудно было подслушать.

— Он знал, какие они?

— В основном, да. Он сам готовил некоторые сделки...

— Надувал их!

— Ещё и как! Он всегда обманывал своих сообщников. Он знал все, это он подсказал поменять одного или двух человек на кого-то другого, знал про оставленный в ящике ключик и мог действовать наверняка. Он сделал себе пластическую операцию, подделал документы, ради сокровищ барона стоило. Однако, большую часть он успел вывезти.

— Но он же не лично забрался в подвал к Мачеякам. Куда, черт подери, подевался взломщик? Почему я не видела его под вербой?

— Ты действительно ещё не догадываешься? Тебе надо объяснять?

Он меня сразу разозлил. Опять то же самое, он заставляет меня думать самостоятельно и сильно удивляется, что из таких явных предпосылок у меня не возникают выводы. Кто-то вошёл в рыбный магазин, а я должна догадаться, что из-за этого в семнадцать пятнадцать железнодорожный вокзал взлетит в воздух. Или что-то в этом роде. Действительно, абсолютно ясно и можно сказать, что само собой напрашивается!

— Человек там был только один — она, — сердито сказала я. — Следы были твои и взломщика. Её следов нигде не было... Сейчас. Не было?.. Почему не было её следов? Что было у неё на ногах?..

И вдруг я вспомнила. Я же видела, что было у неё на ногах, я приехала на стоянку прежде чем она успела поставить машину с другой стороны и выйти. Я видела, как она входила в Гранд-отель, на ногах у неё были мягкие мокасины без каблука...

— Как это?! Так это она?!.. Эта чёртова змея ковырялась в бриллиантах Басеньки и моем чае? И я этот чай пила?!..

— Вот видишь, как легко, стоит только задуматься...

При мысли, что я так заботливо воспроизводила подошву этой мерзкой гарпии на узоре для мужа, меня чуть удар не хватил. Теперь назад не вернёшь.

— Окно было тесным и неудобным, — с отвращением сказала я. — Она пробиралась туда дважды. И так, что милиция её не поймала. Она такая талантливая?

— До этого ты тоже можешь догадаться.

— Могу. Догадываюсь. Она была в балете.

— Может она прошла какую-то специальную подготовку?...

Он произнёс это таким тоном, что я опять посмотрела на него с подозрением. Может есть ещё что-то?..

— Этот овраг над ручьём — прекрасное место, — продолжал он. — Пусто, спокойно, почти никто там не ходит, место закрыто со всех сторон, легко зайти с пляжа. Для папочки безопаснее всего было симулировать вечернюю прогулку. Она сделала прекрасный выбор. Тебя это не удивляет?

— Уже перестало, — уныло ответила я. — Наверное, в этой области она тоже прошла специальную подготовку. Меня удивляет, что она не бежала с ним вместе.

— Допустим, это было для них неудобно по двум причинам. Во-первых, он не мог раскрывать себя, он навредил слишком многим и не мог допустить, чтобы кто-то его узнал. О том, чья она дочь, многие знали и легко могли сопоставить. Все контакты с ней он держал в глубокой тайне. А вторая причина... Она, собственно говоря, вообще не собиралась бежать, у неё оставалось здесь много дел, а её никто не подозревал. Почти никто...

— А если между нами, откуда ты узнал, что подозрительный тип принёс ей вести от папочки?

— Подслушал, — признался он после некоторого размышления с лёгким смущением.

— Как?

— Не все ли равно? Достаточно того, что подслушал.

— Ну, хорошо. А почему ты держал все в тайне от меня?

— Чтобы ты мне не мешала. Мне нужна была свобода действий, а я за тебя панически боялся. Ты даже не знаешь, чем рисковала в последний вечер. Если бы они тебя заметили, ты бы уже не жила. Они бы не задумались ни на секунду. Нельзя было оставлять свидетеля его бегства и её участия. А кроме того, я боялся, что она начнёт подозревать. Я не мог позволить себе появляться то с тобой, то с ней, потому что она бы начала удивляться, почему ты так безразлична. Пришлось спрятаться.

— Мог бы сказать мне, что твоя мечта — поселиться в собачьей будке. Кстати, как ты туда забирался?

— Через крышу. Если бы я мог предвидеть, твои действия, я бы тебя посвятил. Оказывается, я тебя недооценил. Я подозревал, что ты вмешиваешься ещё тогда, когда ты выковыривала антенну, но не думал, что до такой степени! Я долго думал, на кой черт ты подметаешь пляж!..

— А я долго думала, на кой черт ты носишься по врачам!.. В следующий раз будь добр, побережь меня от таких потрясений.

— В следующий раз я буду намного осторожнее... Что за ерунда, другого раза не будет! Псевдохранитель был только один!

— Ничего. Боюсь только, что она из этого выкрутится, — вздохнула я. — Она помогала папочке бежать, но это папочка, у неё смягчающие обстоятельства. Она даже воровала для папочки. Не знаю, докажут ли ей что-то ещё.

— Скорее всего, да. У неё были разнообразные таланты. Очень возможно, что она всесторонне их использовала. Например, фаршируя шедевры... шедеврами, но совсем не теми...

— Откуда ты знаешь?!

— Догадываюсь. Подозреваю, что папочка сознательно подставил своих сообщников или подчинённых, не знаю как их назвать. Он отлично понимал, когда они провалятся. Побег на этом корабле он подготовил себе за год.

— Эта история с комодом была слишком неосторожной с его стороны, — осуждающе заметила я. — Ещё два дня, и милиция бы его достала...

— Она его и достала, я же говорил, что его ждали в Гдыне.

— И зачем это ему было нужно?

— Во-первых, он не учёл твою страсть к комодам. Он бы так легко не попался, если бы ты сразу не опознала комод. А во-вторых, он любил деньги. За эти сто пятьдесят тысяч он сразу купил доллары...

Я задумалась.

— Долларов не было, — сказала после размышлений. — Я сама все осматривала, не держал же он их в карманах?

— Нет, доллары у дочки.

Он произнёс это таким тоном, что я не выдержала:

— Ты это знаешь!!! — крикнула я со смертельной обидой. — Ты прекрасно знаешь все от начала до конца, тебе не надо ничего подозревать и ни о чем догадываться! Ты водишь меня за нос!!!

Он опять начал смеяться.

— Ничего подобного, ничего я не знаю! То есть знаю, что у неё нашли доллары, и ничего больше. Я действительно об этом только догадываюсь!

— Нет, я этого не вынесу!.. И как только началась контрабанда, ты сразу догадался, что через границу летит наследство барона, хоть таможенники ничего и не обнаружили и никто ничего не знал! Может ты телепат?! Догадываешься обо всем по всей Европе!!!

— Ну, конечно, кое-что я иногда узнаю... Но потом было легко догадаться, что господин хранитель жив, он бы никому не выдал места...

— Я удивляюсь, почему ты давно не догадался, где это место!

— Естественно, догадался, но точно не знал. Лучшее доказательство, сама видишь, что я ничего не знаю, обо всем приходится догадываться...

* * *

Из Сопота в Варшаву я возвращалась тёплым весенним днём, время от времени поглядывая на профиль мужчины сидящего рядом. Он выглядел точно также, как и два месяца назад, в скором автобусе, вот только исчез куда-то призрак его прекрасной жены, которая ему совсем не подходила и портила жизнь, не известно кому больше, ему или мне. Он выглядел так, будто ничего ему больше не отравляли. Он обращал на меня заметное внимание и время от времени просто мешал мне вести машину.

— Вот тебе и пожалуйста, — задумчиво заметила я, останавливаясь в лесу. — Кто мне теперь докажет, что судьбы нет! Если бы не эти чёртовы веточки, вон они, видишь? Вот здесь я въехала... Если бы не это болото, в котором я забуксовала, если бы у меня не поломалась машина... Она бы все равно поломалась, но намного позже. Если бы не эти глупые мелочи, пан Паляновский ни за что не наткнулся бы на меня на Замковой площади,

потому что я пешком не ходила. Он не заставил бы меня бегать в скверик и я не встретила бы тебя ещё пятнадцать лет. Я не ехала бы в городском автобусе и не обратила бы на тебя внимания...

— Начинать надо раньше, — поучительно заметил он. — Если бы барон не так старательно спрятал свою добычу, если бы древнее дерьмо не вылилось нам на головы, если бы хранитель не прищемил девочке пальцы и если бы ему удалось вовремя сбежать из этой страны, через двадцать пять лет не было бы кому так хорошо организовать преступление и додуматься до гениальной идеи заменить Мачеяков на двух совсем других людей...

— Перестань немедленно! А то получится, что нас связало древнее дерьмо! Ну и любовь!

— Боюсь, что это все-таки связано. Так получается, что полковник что-то об этом знал. Он думал по-своему и догадывался, что дело в человеке, которого никто не будет искать так настойчиво, как я...

— Следующий догадывающийся... — огрызнулась я.

Я снова недовольно и осуждающе посмотрела на него. Он выглядел абсолютно невинно и отвечал всем требованиям моего воображения. Я задумалась, что должна думать об этом человеке, невозможно же, чтобы он так точно, так поразительно точно совпадал с тем, что требовала моя фантазия. Было похоже, что он всю жизнь делал все, что мог, чтобы приспособиться к самым удивительным выходкам, и, что самое странное, приспосабливается до сих пор...

Вероятнее всего, я до конца жизни так и не узнаю, кто он собственно такой...

А если честно, мне это и не нужно.